

ISSN 2412-6519
eISSN 2658-6231

2021

Volume 7

No 4 (28)

SOCIAL'NYE I GUMANITARNYE ZNANIJA

SCIENTIFIC JOURNAL

Start date of publication – August 2015
Published quarterly

FOUNDER

P.G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Phone: +7 910 963 59 61 (Alexander Vladimirovich Shustov)

2021

Том 7

№ 4 (28)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с августа 2015 года
Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Телефон: +7 910 963 59 61 (Шустов Александр Владимирович)

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 - 69686 от 05.05.2017 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 31978. Формат 240 × 170. Объем 112 с. Тираж 50 экз. Свободная цена. Заказ № 21185. Дата выхода в свет 30.12.2021. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО Филигрань; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91. Содержание предназначено для детей старше 16 лет.

16+

EDITOR-IN-CHIEF

Yurii A. Golovin – Yaroslavl State University (Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHIEF

Igor Yu. Kiselev – Yaroslavl State University (Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Stefano V. Aloe – Verona University (Italy)

Lyubov G. Antonova – Yaroslavl State University (Russia)

Sergei A. Baburkin – K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Russia)

Elena G. Borisova – Moscow State Linguistic University (Russia)

Nataliya P. Vidmarovich – Zagreb University (Croatia)

Irina A. Grigoryeva – Saint Petersburg University (Russia)

Yuriy V. Domanskiy – Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

Vladimir I. Karasik – Volgograd State socio-pedagogical University (Russia)

Igor I. Kyznechov – Lomonosov Moscow State University (Russia)

Irina L. Sizova – Saint Petersburg University (Russia)

Alexander Y. Sorochan – Tver State University (Russia)

Joseph A. Sternin – Voronezh State University (Voronezh, Russia)

Lidiya N. Timofeeva – RANEPa (Moscow, Russia)

Lyudmila G. Titova – Yaroslavl State University (Russia)

Dmitriy A. Chugunov – Voronezh State University (Russia)

Marina V. Shamanova – Yaroslavl State University (Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Alexander V. Shustov – Yaroslavl State University (Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. А. Головин – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

И. Ю. Киселев – д-р социол. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

С. В. Алоэ – д-р филол. наук, профессор, Веронский университет (Италия)

Л. Г. Антонова – д-р пед. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

С. А. Бабуркин – д-р полит. наук, профессор, ЯГПУ (Ярославль, РФ)

Е. Г. Борисова – д-р филол. наук, профессор, МГЛУ (Москва, РФ)

Н. П. Видмарович – д-р филол. наук, профессор, Загребский университет (Хорватия)

И. А. Григорьева – д-р социол. наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)

Ю. В. Доманский – д-р филол. наук, профессор, РГГУ (Москва, РФ)

В. И. Карасик – д-р филол. наук, профессор, ВГСПУ (Волгоград, РФ)

И. И. Кузнецов – д-р полит. наук, доцент, МГУ (Москва, РФ)

И. Л. Сизова – д-р социол. наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)

А. Ю. Сорочан – д-р филол. наук, доцент, ТвГУ (Тверь, РФ)

И. А. Стернин – д-р филол. наук, профессор, ВГУ (Воронеж, РФ)

А. А. Талицкая – кандидат филол. наук, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Л. Н. Тимофеева – д-р полит. наук, профессор, РАНХиГС (Москва, РФ)

Л. Г. Титова – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Д. А. Чугунов – д-р филол. наук, доцент, ВГУ (Воронеж, РФ)

М. В. Шаманова – д-р филол. наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А. В. Шустов – кандидат исторических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

POLITICAL SCIENCE**Arutynov A. G., Kozlova N. N., Solnyshkov V. S.**

Features of municipal-level election campaigns in the capitals of the Tver, Belgorod and Kostroma regions 350

Ignatieva O. A.

Digital legitimization of political power 358

Kolba A. I., Chadayeva Z. T.

Political institutionalization of conflicts: the possibilities of authoritarian and hybrid models 368

Morozova E. V., Miroshnichenko I. V., Shpiro L. A.

Digital inclusion as a factor of political socialization of high school student..... 378

SOCIOLOGY**Bushkova-Shiklina E. V., Odegova K. I.**

Theoretical and methodological approaches of visual sociology in the study of gender 392

Noskova O. P.

Sociological analysis of volunteer activity as a mechanism for the development of civil society in foreign countries 402

Rostovskaya T. K., Afzali M.

Educational emigration of Iranian and Tajik students to Russia: a comparative analysis 416

Bossong H.-V., Saralieva Z. H.-M., Sudjin S. A.

Professionalization of social work in Germany: a reflection on the history of professional space development 430

PHILOLOGY**Laguzova E. N., Martynova E. N.**

Stable expressions with the color adjective orange in the Russian language of the 20th century..... 440

Karpov D. L., Soloveva D. A.

Contextual meanings of political vocabulary 448

ПОЛИТОЛОГИЯ**Арутюнов А. Г., Козлова Н. Н., Солнышков В. С.**Особенности избирательных кампаний муниципального уровня
в столицах Тверской, Белгородской и Костромской областей 350**Игнатьева О. А.**

Цифровая легитимация политической власти 358

Кольба А. И., Чадаева З. Т.Политическая институционализация конфликтов:
возможности авторитарной и гибридной моделей 368**Морозова Е. В., Мирошниченко И. В., Шпиро Л. А.**Цифровая инклюзия как фактор политической социализации
старшекласников 378**СОЦИОЛОГИЯ****Бушкова-Шиклина Э. В., Одегова К. И.**Теоретико-методологические подходы визуальной социологии
в изучении гендера 392**Носкова О. П.**Социологический анализ волонтерской деятельности
как механизма развития гражданского общества
в зарубежных странах 402**Ростовская Т. К., Афзали М.**Образовательная эмиграция иранских и таджикских студентов
в Россию: сравнительный анализ 416**Боссонг Х.-В., Саралиева З. Х.-М., Судьин С. А.**Профессионализация социальной работы в Германии:
рефлексия развития профессионального пространства 430**ФИЛОЛОГИЯ****Лагузова Е. Н., Мартынова Е. Н.**Устойчивые выражения с цветovým прилагательным
оранжевый в русском языке XXI века 440**Карпов Д. Л., Соловьёва Д. А.**

Контекстуальные значения политической лексики 448

Features of municipal-level election campaigns in the capitals of the Tver, Belgorod and Kostroma regions

A. G. Arutynov¹, N. N. Kozlova², V. S. Solnyshkov³

¹Regional Development Council of the Russian Association of Political Science, 84 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russian Federation

²Tver State University, 33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Russian Federation

³Youth Chamber at the Duma of the City of Kostroma, 1 Sovetskaya str., Kostroma, 156000, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-4-350-357

Research Article
Full text in Russian

The article deals with the peculiarities of the course of election campaigns in the municipal representative bodies of the cities of Tver and Kostroma. The article is part of a larger study on the peculiarities of the course of election campaigns in the capitals or administrative centers of the subjects of the Russian Federation in the Central Federal District, which focuses on the problems of three subjects and compares the research material from these subjects with general district trends and features. Tver, Belgorod and Kostroma represent a wide geographical range and three peculiar examples of the course of election campaigns in large municipalities. The study revealed such common features as low turnout, rather weak competitiveness, the use of black PR and other shadow technologies, the traditional representation of lobbying structures in municipal parliaments, as well as the mobilization of "parliamentary opposition parties" and small parties at the last election campaigns in the elections of the type we study. The article acquires particular importance within the framework of the work of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (and subsequent legislative instances) on Draft Law No. 1256381-7 «On general principles of the organization of public power in the subjects of the Russian Federation», where special attention is supposed to be attributed to the order of election and aspects of regulation of the work of municipal parliaments of the capitals of the subjects of the Russian Federation.

Keywords: elections, Russian Federation, regions, municipal parliaments, Tver, Kostroma, Belgorod

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Arutynov, Anton G. | E-mail: anton.arutynov.98@mail.ru
Member of the Council for Regional Development of the Russian Political Science Association

Kozlova, Natalia N. | E-mail: tver-rapn@mail.ru
Doc. Sc. (Politics), Associate Professor, Head of the Political Science Department

Solnyshkov, Vkadislav S. | E-mail: solnyshkov.vlad@mail.ru
Chairman of the Youth Chamber at the Kostroma Duma

For citation: Arutynov A. G., Kozlova N. N., Solnyshkov V. S. Features of municipal-level election campaigns in the capitals of the Tver, Belgorod and Kostroma regions // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2021. Vol. 7, No 4. P. 350-357. (in Russ.)

Особенности избирательных кампаний муниципального уровня в столицах Тверской, Белгородской и Костромской областей

А. Г. Арутюнов¹, Н. Н. Козлова², В. С. Солнышков³

¹Совет по региональному развитию Российской ассоциации политической науки, пр. Вернадского, 84, Москва, 119454, Российская Федерация

²Тверской государственный университет, ул. Желябова, 33, Тверь, 170100, Российская Федерация

³Молодёжная палата при Думе города Костромы, ул. Советская, 1, Кострома, 156000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-4-350-357
УДК 342.849.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются особенности избирательных кампаний в муниципальные представительные органы городов Твери, Белгорода и Костромы. Представленные в статье данные отражают результаты части масштабного проекта, направленного на выявление специфики избирательных кампаний в столицах/административных центрах субъектов Российской Федерации в Центральном Федеральном округе (далее – ЦФО). На примере трёх субъектов РФ ЦФО авторы анализируют региональные и общеокружные тенденции проведения избирательных кампаний. В ходе исследования были выявлены такие общие черты избирательных кампаний, как низкая явка избирателей, слабая конкурентность партий, использование технологий чёрного пиара и других теневых технологий, традиционная представленность лоббирующих структур в представительных органах местного самоуправления, а также мобилизация «партий парламентской оппозиции» и малых партий на последних избирательных кампаниях в муниципалитеты столиц субъектов Федерации. Статья приобретает особую актуальность в рамках работы Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (и последующих законодательных инстанций) над Законопроектом № 1256381-7 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», где отдельное внимание предполагается уделить порядку избрания и аспектам регуляции работы муниципальных парламентов столиц субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: выборы, Российская Федерация, регионы, муниципальные парламенты, Тверь, Кострома, Белгород

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Арутюнов, Антон Георгиевич | E-mail: anton.arutyunov.98@mail.ru
Член Совета по региональному развитию Российской ассоциации политической науки

Козлова, Наталия Николаевна | E-mail: tver-gapn@mail.ru
Доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии

Солнышков, Владислав Сергеевич | E-mail: solnyshkov.vlad@mail.ru
Председатель Молодёжной палаты при Думе города Костромы

Для цитирования: Арутюнов А. Г., Козлова Н. Н., Солнышков В. С. Особенности избирательных кампаний муниципального уровня в столицах Тверской, Белгородской и Костромской областей // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 4. С. 350-357.

Введение

Муниципальные выборы в современной России представляют особый интерес ввиду большого многообразия форм их проведения [1, с. 243–250], влияния данного уровня выборов не только на городскую, но и на региональную политическую повестку, а также на организацию самих муниципалитетов. Кроме того, выборы муниципального образования столицы субъекта РФ становятся знаковым политическим событием как минимум в регионе их проведения [2, с. 108–112]. Сразу отметим, что большое количество экспертов и специалистов обращаются к данной проблематике в контексте решения общетеоретических вопросов, связанных с природой демократии, местного самоуправления и пр. [3, с. 307–311]. Эти исследования посвящены нормативно-правовым аспектам проведения муниципальных выборов, изучению отдельных кейсов и анализу муниципального типа кампаний как специфического электорального института [4; 5]. Наиболее актуальными для нашего исследования являются статья Н. С. Сахно, посвященная муниципальным выборам на материалах г. Геленжик, исследование А. Е. Любарева, в центре внимания которого выборы представительных органов местного самоуправления г. Новосибирска, г. Сыктывкара и г. Воркуты Республики Коми, г. Калуги Калужской области [6], а также исследование И. С. Амиантовой, анализирующей факторы успеха партии «Новые люди» на различного уровня выборах, в том числе в Костромскую городскую Думу [7], научную публикацию Т. И. Нигметзянова, рассматривающего муниципальные выборы в Костроме в единый день голосования 13 сентября 2015 года [8] и др. В качестве общего тренда муниципальных выборов исследователи называют низкую явку избирателей на муниципальных выборах, связывая ее с кризисом легитимности власти на местах и ростом абсентеизма граждан [9; 10].

Для определения объекта исследования мы определили круг кейсов, к которым гипотетически отнесли выборы в столицах/административных центрах 18 субъектов Федерации ЦФО. Однако под параметры исследования не подошли два субъекта РФ ЦФО – город федерального значения Москва и Московская область, которые не имеют своих столиц или административных центров как фактических территорий. Административный центр Московской области в Красногорске или Москве нельзя считать столицей, так как его нормативный статус не схож со столицами/административными центрами других областей ЦФО. Таким образом, авторы данной статьи сконцентрировали внимание на выборах в муниципальные представительные органы 16 городов ЦФО, находящихся на территории столицы/административного центра субъекта Российской Федерации, не анализируя выборы в представительные органы городских районов, иных поселений, включённых в состав муниципалитета (деревни, посёлки или иной формы муниципальных объединений).

В качестве первых промежуточных итогов нашего исследования мы предлагаем выявленные в ходе анализа особенности избирательных кампаний в Твери, Костроме и Белгороде, характерные исключительно для данных регионов, а также общие тенденции для трёх региональных столиц.

За деятельную помощь в проведении исследования мы хотим выразить благодарность Скочинову Алексею Константиновичу (г. Москва), Степанову Алексею Николаевичу (г. Липецк), Гуковой Ирине Николаевне (г. Белгород), Сизову Владиславу Олеговичу (г. Ульяновск), Звягиной Наталье Алексеевне (г. Воронеж), Сельцеру Дмитрию Григорьевичу (г. Тамбов), Евстифееву Роману Владимировичу (г. Владимир), Васильеву Андрею Михайловичу (г. Александров), Деркачу Максиму Андреевичу (г. Вышний Волочёк) и всему коллективу коллег-политологов ЕГУ им. И. А. Бунина (г. Елец).

Методы

В качестве основного инструмента исследования был выбран метод фокус-групп. В течение марта–мая 2021 года фокус-группы были проведены в Твери, Белгороде и Костроме. Кроме того, состоялись дополнительные фокус-группы в Москве и экспертное

интервьюирование в Вышнем Волочке. Данные качественные исследования позволили привлечь большое количество экспертов политологов, политических практиков, специализирующихся в области избирательных процессов и обеспечить относительно широкий (с учетом размера ЦФО) географический разброс исследования.

Выбор фокус-групп как главного метода исследования был детерминирован тем, что данный метод способен отразить реальную картину протекания политических и электоральных процессов, поскольку представляет фокусированное мнение и позиции экспертов, способен эксплицировать объективные факты общественной жизни региона, связанные с избирательным процессом, даёт возможность сопоставить выводы экспертов одного региона с выводами экспертов в целом по ЦФО. Эффективность применения метода фокус-групп в нашем исследовании усиливалась, во-первых, за счёт высокой компетентности экспертов; во-вторых, за счёт постановки списка вопросов со стороны модераторов фокус-группы (часть вопросов носила межрегиональный характер). Фокус-группы проводились очно с соблюдением всех противокоронавирусных мер.

Первая фокус-группа в Твери была проведена в марте 2021 года на базе Тверского государственного университета как нейтральной, с политической точки зрения, площадке. На фокус-группе присутствовали депутаты Тверской городской Думы, представители органов государственной власти Тверской области, политологи Твери, члены политических партий, имеющих представительство в Твери и Тверской области. Поэтому можно говорить о достаточной репрезентативности привлеченного к исследованию экспертного сообщества. В апреле 2021 года были проведены аналогичные фокус-группы в Белгороде, а также в городе Москве. Последняя фокус-группа была проведена дополнительно для сопоставления результатов исследования в других региональных группах и подтверждения позициями не привязанных географически экспертов-«москвичей». В мае 2021 года в Костроме была проведена фокус-группа, в рамках которой с действующими депутатами обсуждалась актуальная проблематика костромских муниципальных выборов.

Результаты

В ходе обсуждения в Твери был выявлен ряд важнейших особенностей муниципальных выборов. В частности, участниками фокус-группы был назван такой тренд, как низкая явка избирателей и соответственно, низкий уровень мобилизации. Так, было отмечено, что низкая явка на муниципальных выборах Твери наблюдается на протяжении всех электоральных циклов выборов в городскую Думу и Главы города (в последнем случае – до отмены прямых выборов Главы города Твери). Участники фокус-группы отмечали, что явка возрастает при совпадении муниципальных выборов с другими избирательными кампаниями, к примеру, выборами в Государственную Думу ФС РФ или региональные органы государственной власти. Причины низкой явки избирателей были названы экспертами весьма разнообразными: непонимание электоратом функций представительного органа местного самоуправления и, следовательно, недооценка значимости самой кампании со стороны представителей электората, падение значимости политического веса Тверской городской Думы, когда большая часть городских функций была передана на региональный уровень. Ряд экспертов выдвигал версии об искусственном происхождении низкой явки, поскольку излишняя политизация могла бы привести к трудно предсказуемым результатам голосования, неудовлетворительным для большинства политических акторов региона. Отметим, что эксперты отвергали использование такой избирательной технологии, как джерримендеринг на рассматриваемом нами уровне (если речь идёт сугубо о муниципальных выборах без совпадения по времени с параллельными кампаниями). Участвующие в фокус-группе представители «Единой России» и оппозиционных партий не сошлись во мнении относительно характера протекания избирательной кампании: если первые утверждали, что выборы были «очень тихие, не было ни вбросов, никаких скандалов, не

было того, что бы могли снять папарацци», то члены партии «Родина», отмечая, что «чувствовалось влияние административного ресурса», напомнили, что в рамках избирательной кампании КПРФ подал иск в суд на их партию.

Особое внимание участники фокус-группы уделили вопросам предвыборной агитации. Эксперты называли характерные ошибки во время ведения избирательной кампании, касающиеся вопросов тиражирования и распространения материалов: распространение агитационных материалов вне округов проведения избирательной кампании, неправильная маркировка источника финансирования на агитационных мероприятиях, проблемы с доступом к агитационным площадям, например, билбордам, реже к эфирному времени. Данные трудности отмечали представители партий «парламентской оппозиции» и малых партий, получившие места в муниципальных представительных органах рассматриваемых нами субъектов. На наш взгляд, указанные отличия кампании можно объяснить тем, что представители партий «парламентской оппозиции» и малых партий избираются не крепкими командами, переходящими из созыва в созыв, а имеют, скорее, ситуативный характер. Поэтому многие представители данных партий испытывают трудности ввиду отсутствия у них необходимых политологических и правовых знаний. Принимающий участие в фокус-группе сотрудник избирательной кампании отметил относительно представителей малых и позиционных партий, что «матчасть они, к сожалению, не читают, а чтобы включаться в процесс и контролировать его, необходимо понимание своих прав и избирательных процедур».

Участники фокус-группы отмечали недостаточно высокий технологический уровень избирательной кампании в Твери по сравнению с аналогичными процессами в Тамбовской и Новосибирской областях, в результате которых оппозиционные партии получили депутатские места. Представители оппозиционных и малых партий также указывали на применение технологий чёрного пиара и публикацию компромата. В качестве важной предвыборной стратегии они называли праймериз, которая позволяла начитать агитационную кампанию раньше, чем регламентировал законодатель. Эксперты также отмечали проблемы с финансированием избирательных кампаний, а именно неправильные способы сбора денежных средств для проведения предвыборной агитации, что, как указывают исследователи, является типичной ошибкой на муниципальных уровнях многих регионов РФ.

Спецификой кампании в Тверскую Городскую Думу 2017 года явился также тот факт, что последний раз в Тверской области использовалась строка «против всех». Исключительной характеристикой выборов в Твери является нормативная возможность голосования иностранных граждан некоторых государств, постоянно проживающих в городе Твери. В других субъектах эксперты не рассматривали данную практику даже как гипотетически применимую.

В Белгороде эксперты фокус-группы отмечали крайнюю замкнутость муниципальной политической системы, в том числе и на уровне Белгородского городского совета, незначительное количество политических сил, которые претендовали на вхождение в городской совет. В первую очередь это «представители партии власти» и представители «партий парламентской оппозиции», из которых наибольшей устойчивостью обладает КПРФ. Среди особенностей собственно избирательных кампаний эксперты называли типичную практически для всех регионов исследования ошибку в области агитации, в частности, агитация кандидата одного округа может распространяться в другом округе, порой географически весьма удалённом от округа избрания. Участники фокус-группы отмечали, что избиратели традиционно проявляют мало интереса к программным документам кампаний кандидатов, а кандидаты глубинно не работают над своей программой. Активные большие и яркие агитационные мероприятия являются скорее редкостью, чем правилом.

Участвующие в фокус-группе кандидаты от партий парламентской оппозиции заявляли о трудностях при регистрации кандидатов или ведении кампании, несмотря на то, что они смогли преодолеть преграды и избираться в городской совет. По мнению экспертов, кампания в целом проходила без серьёзных скандалов, в медийном поле она освещалась слабо. Эксперты также называли такую особенность выборов в Белгородскую городскую Думу, как стремление региональных элитных групп лоббировать свои интересы в городском парламенте. В частности, были зарегистрированы кандидаты, аффилированные с группами бизнесменов или кампаний, специализирующихся на строительстве, прокладке и содержании дорог и так далее.

Специфика костромского материала обусловлена прежде всего тем, что в 2020 году в Костромской области совпали сразу три избирательных кампании: выборы губернатора Костромской области, выборы в городскую и областную Думы. Ранее проводимые исследования выборов в Костромской области фиксировали ряд отличий кампании в Костромскую городскую Думу, которые при проведении фокус-группы были также отмечены, а значит, они носят характер устойчивого тренда [8, с. 236–239].

Самая яркая тенденция – это неформальное, но устойчивое объединение городских кандидатов в депутаты Думы города Костромы со своими областными коллегами. Работа в такой связке позволила сэкономить на агитаторах и агитационном материале. Причем такие группы были свойственны не только «партии власти», но и беспартийным кандидатам. Важно также заметить, что перед выборами в Костромскую городскую Думу было принято решение перейти полностью на мажоритарную избирательную систему. Эксперты отмечали применение на костромских выборах такой важной избирательной технологии, как составление базы своих сторонников и постоянная работа с ними. К примеру, «Единая Россия» в мае 2020 г. проводила процедуру предварительного голосования, впервые используя возможность голосования дистанционно. Эксперты указывали, что, несмотря на то, что площадка праймериз была создана для предоставления возможности баллотироваться каждому гражданину и выявления сильных кандидатов, по факту все кандидаты были разделены «партией власти» на реальных и технических. В частности, на создание предвыборных роликов разным кандидатам был выделен разный объем денежных средств и предоставлены разные технические возможности: одних депутатов снимали на фоне белой стены, других – в профессиональной студии и т. д. В итоге технология праймериз позволила «Единой России» не только раньше других партий вступить в политическую борьбу, но и сформировать базу сторонников.

Эксперты отметили важную роль партии «Новые люди» в избирательной кампании в Костромскую городскую Думу. Основным направлением работы данная молодая партия выбрала молодежную политику, проводя молодёжные форумы, игры и т. д., что характерно и для федеральной политики данной партии в целом [7, с. 3129–3139]. Участники фокус-группы отмечали феномен сплочения вокруг «Новых людей» значительной группы политически активной молодежи. Эксперты высказывали точку зрения, что до появления партии «Новые люди» молодёжная политика в Костроме в основном была представлена «Молодой Гвардией» (далее – МГЕР), которая не пользовалась популярностью у оппозиционно настроенной части молодежи. Эксперты отмечали, что значительный объем финансирования деятельности «Новых людей» в рамках выборов в Костромскую городскую Думу, позволивший партии сделать современный ремонт в офисе, приобрести новую технику, разработать качественный мерч и логотип, создавали привлекательную атмосферу для молодежи.

Участники фокус-группы выявили и другие эффективные стратегии «Новых людей», применяемые на выборах в Костромскую городскую Думу. Вступить в избирательную гонку до официального начала выборов «Новым людям» удалось благодаря широкомасштабным акциям по раздаче санитайзеров: любой желающий мог оставить заявку

на сайте партии или в социальных сетях. Создав за 4 месяца значительный штаб волонтеров для доставки санитайзеров нуждающимся гражданам, партия мобилизовала молодежный электорат, существенно повысила узнаваемость партии у населения, сформировала положительное отношение костромичей к новой партии. Остальные политические партии провели весну и начало лета пассивно, изредка устраивая пикеты и распространяя газеты.

Эксперты фокус-группы из Костромы отметили еще один сюжет, отличающий специфику выборов в Костромскую городскую Думу в 2020 году. В середине лета в медийном пространстве региона стал популяризироваться проект «Народный бюджет», суть которого сводилась в выделении федеральным центром субсидии на благоустройство города Костромы и области, а распределение данных средств по конкретным объектам предлагалось сделать жителям на избирательных участках с отдельными урнами для голосования по проекту «Народный бюджет». С точки зрения экспертов фокус-группы, несмотря на позиционирование данной программы как региональной, по факту ее можно было считать планом действий партии «Единая Россия». Работа по проекту была распределена на три этапа. Первый шаг в реализации проекта «Народный бюджет» – «хождение агитаторов в народ» (по квартирам жильцов), ознакомление жителей с деталями проекта, сбор данных об актуальных проблемах благоустройства территорий и т. д. На втором этапе агитаторы интенсифицировали контакты с людьми, которые положительно реагировали на их первое посещение. Агитаторы сообщали, что «Народный бюджет» курирует действующий депутат «Единой России», которому необходима поддержка на предстоящих выборах, а также распространяли агитматериалы за депутатов-кандидатов в Думу города Костромы и Костромскую областную Думу. На третьем этапе агитаторы раздавали приглашительные билеты и карточки предварительной регистрации по проекту «Народный Бюджет», которые можно было заполнить заранее и в день голосования обменять их на бланк голосования по народному бюджету вне очереди. Таким образом, по мнению экспертов, «Единая Россия» аккумулировала базу своих сторонников, раздав приглашения на выборы только тем, кто поддерживает партийных кандидатов от данной партии. Участники фокус-группы со стороны оппозиционных партий отмечали, что в данных обстоятельствах бороться за депутатские места в Костромскую городскую Думу было особенно тяжело, а потому в рамках их избирательных стратегий использовались традиционные технологии: встречи с жителями, работа через старших по дому, повсеместное распространение и расклейка агитационных материалов и т. д. Отметим, что эксперты из московской фокус-группы, анализирующие кампании в Твери, Белгороде, Костроме, также отметили тренды на низкую активность избирателей, наличие лобби региональных элитных групп во время избирательных кампаний, характерные ошибки в пиаре.

Выводы

Таким образом, все три региона имеют как общие, так отличительные черты при проведении избирательных кампаний в своих столицах/административных центрах. В качестве особенностей, которые характерны для города Твери, можно назвать в первую очередь специфику нормативно-правового поля – предоставление права избирать иностранным гражданам ряда стран, наличие в бюллетене строки «против всех». Во вторую очередь следует выделить особенности протекания кампании: низкий уровень политической мобилизации, типичные ошибки в рамках агитационных кампаний, недостаточно высокий технологический уровень избирательной кампании. В Белгороде специфика городских выборов определялась замкнутостью местной политической системы и наличием лоббирующих групп, стремящихся оказывать влияние на выборы в представительный орган местного самоуправления. В Костроме отличительными чертами городских выборов явились наличие устойчивого объединения городских кандидатов в депутаты

Думы города Костромы со своими областными коллегами (в силу хронологического наложения областных и городских выборов), мажоритарный тип избирательной системы, применение стратегии праймериз «Единой Россией», позволяющей раньше остальных партий вступить в предвыборную гонку, разработка предвыборных программ на основе финансовых и административных ресурсов государства (проект «Народный бюджет»), а также активность новой политической силы – партии «Новые люди».

К общим чертам можно отнести наличие фактора низкой явки, недостаточную конкурентность на выборах, относительно тихий, спокойный характер протекания избирательных кампаний, распространенные ошибки в агитационных кампаниях отдельных партий и кандидатов, использование некоторых теневых технологий, малую ценность городских выборов в глазах избирателей, а также наличие лоббирующих групп, которые стремятся провести своих кандидатов в муниципальные думы. Соотнеся полученные данные с итогами фокус-группы в Москве, а также экспертными интервью в Вышнем Волочке и Владимире, мы можем предположить, что указанные черты городских выборов в Твери, Белгороде и Костроме с высокой долей вероятности могут быть экстраполированы на уровень всего ЦФО РФ.

Ссылки / References

1. Сахно Н. С. Особенности проведения муниципальных выборов // Эпомен. 2019. № 32. С. 243–250.
2. Семенова А. В., Ароян А. С. Избирательные системы на региональных и муниципальных выборах // Местное самоуправление в условиях глобальных вызовов современной России: сборник докладов «круглого стола» молодых ученых в рамках научно-практической конференции с международным участием. Ростов н/Д.: ЮРИУФ РАНХиГС, 2019. С. 108–112.
3. Фисенко Е. С. Муниципальные выборы как право граждан на осуществление местного самоуправления // Вопросы теории и практики избирательного законодательства, посвященные 25-летию избирательной системы Краснодарского края: Материалы межвузовской научно-практической конференции, Краснодар, 04 июня 2019 года / под общ. ред. А. Д. Черненко; отв. ред. Н. Ю. Турищева. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2019. С. 307–311.
4. Долгих Ф. И. Муниципальный фильтр на региональных выборах: проблемные точки и правовые параметры оптимизации // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 2. С. 15–19.
5. Токарева П. В., Корсенюк А. И. Нормативно-правовое регулирование порядка финансирования муниципальных выборов и контроля за его осуществлением: современное состояние и проблемы // Общество. Наука. Инновации (НПК-2019): Сборник статей XIX Всероссийской научно-практической конференции: в 4-х томах. Т 4. Киров, 01–26 апреля 2019 года. Киров: Вятский государственный университет, 2019. С. 526–534.
6. Любарев А. Е. Исследование совмещенных выборов: региональные и муниципальные выборы 2020 г. // Вестник Пермского университета. Политология. 2021. Т. 15. № 2. С. 96–109.
7. Амиантова И. С. Факторы успеха партии «Новые люди» в ходе региональных выборов 2020 г. в России // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 11 (3). С. 3129–3139.
8. Нигметзянов Т. И. Муниципальные выборы в Костроме в единый день голосования 13 сентября 2015 года: избирательная система и избирательный процесс // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 2. С. 236–239.
9. Туровский Р. Ф., Корнеева Е. М., Васеленко О. С. Электоральная активность на муниципальных выборах в посткоммунистических странах // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 10. С. 121–132.
10. Хубаева Д. Ф. Абсентеизм на муниципальных выборах в Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 3. С. 133–138.

Digital legitimization of political power

O. A. Ignatieva¹

¹Saint Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-4-358-367

Research Article
Full text in Russian

The rapid development of information and communication technologies creates new opportunities not only for science, technology and society, but also for political power and governance. Global capitalism is being replaced by platform imperialism. Political power and the state apparatus now have ample opportunities to improve their performance, from the use of algorithmic management based on big data and digital control of the population to increasing trust in the decisions they make by creating the possibility of direct communication between citizens and public authorities through digital platforms. This paper will examine the specifics of legitimizing power through communication platforms, both at the level of a single state and in the international arena. The theoretical framework of this paper is the systematic analysis of D. Easton, Easton, F. Scharpf and W. Schmidt. Also, to understand the peculiarities of platform interaction M. Foucault's concept of governmentality is involved. The work examines not only the peculiarities of the legitimization of power at the national and global level in the era of digitalization, but also analyzes the types of legitimacy of political decisions made through regional and global platforms.

Keywords: digital platform, legitimacy, legitimacy, platform imperialism, transnational corporations, affordances, throughput legitimacy

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ignatieva, Olga A. | E-mail: o.a.ignatyeva@spbu.ru
| Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor

For citation: Ignatieva O. A. Digital legitimization of political power // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2021. Vol. 7, No 4. P. 358-367. (in Russ.)

Цифровая легитимация политической власти

О. А. Игнатьева¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, 7-9, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-4-358-367

УДК 321.72

Научная статья

Полный текст на русском языке

Бурное развитие информационно-коммуникационных технологий создает новые возможности не только для науки, техники и общества, но и для политической власти и государственного управления. На смену глобальному капитализму приходит платформенный империализм. Политическая власть и государственный аппарат теперь обладают широкими возможностями для повышения эффективности своей работы, начиная от использования алгоритмического управления на основе больших данных и цифрового контроля за населением до повышения доверия к принимаемым ими решениям за счет создания возможности непосредственной коммуникации граждан с органами государственной власти посредством цифровых платформ. В данной статье будут рассмотрены особенности легитимации власти посредством коммуникационных платформ как на уровне отдельно взятого государства, так и на международной арене. Теоретической рамкой данной работы является системный анализ Д. Истона, Ф. Шарпфа и В. Шмидт. Также для понимания особенностей платформенного взаимодействия привлекается концепция управленческой ментальности М. Фуко. В ходе работы не только рассмотрены особенности легитимации власти на национальном и глобальном уровне в эпоху цифровизации, но и проводится анализ типов легитимности политических решений, принимаемых посредством региональных и глобальных платформ.

Ключевые слова: цифровая платформа, легитимность, легитимация, платформенный империализм, транснациональные корпорации, аффордансы, легитимность пропускной способности

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Игнатьева, Ольга Анатольевна

E-mail: o.a.ignatyeva@spbu.ru

Кандидат социологических наук, доцент кафедры
политического управления

Для цитирования: Игнатьева О. А. Цифровая легитимация политической власти // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 4. С. 358-367.

Введение

Первая четверть XXI в. ознаменовалась бурным ростом информационно-коммуникационных технологий, обновление и новации которых ускоряются с каждым годом. Речь идет теперь уже не только о всемирной паутине (Интернет), которая превратила весь мир в глобальную деревню, но и об искусственным интеллекте, алгоритмическом управлении на основе больших данных, участии населения в решении

региональных проблем при помощи цифровых платформ, системах цифрового контроля и умных городах. Политическая власть все больше и больше осознает необходимость новых технологий в управлении и использует их как внутри, так и за пределами своих национальных границ.

Интернет создал возможности для распространения нового типа глобальной власти – цифрового империализма, которым овладели страны, являющиеся лидерами в сфере информационно-коммуникационных технологий. Соперничество в цифровой сфере из виртуального стало приобретать реальный характер для национальных властей, которые осознали потенциал бесцензурного Интернета. Использование новых технологий с особой силой поставило на повестку дня вопросы легитимности и легитимации политических решений, принимаемых посредством цифровых платформ. В данной статье будет проведен анализ особенностей легитимации власти посредством коммуникационных платформ как на уровне отдельно взятого государства, так и на международной арене.

Теоретико-методологические основания исследования

В качестве теоретико-методологической рамки данного исследования выбран системный анализ Д. Истона, Ф. Шарпфа и В. Шмидт. Более подробно использование данного подхода к анализу легитимности платформенных решений будет рассмотрено в следующем разделе. Для понимания сущности платформенного взаимодействия использована концепция управленческой ментальности М. Фуко [1, с. 37]. «Концепция управленческой ментальности демонстрирует рабочую гипотезу Фуко по взаимному конструированию властных техник и форм знания. Семантическая связь управления и способов мышления (ментальности) указывает на то, что невозможно изучать технологии власти без анализа политической рациональности, лежащей в ее основе» [2, р. 191].

Понятие управленческой ментальности можно рассматривать как особый тип рациональности или искусство управления. Наступление цифровой эпохи меняет характер объекта управления. Из рационального субъекта он превращается в движимого импульсами и желаниями. «В то время как либеральная и неолиберальная управленческая ментальность предполагали рационального субъекта, цифровое правительство фокусируется на управлении импульсами и желаниями, создавая, таким образом, цифрового субъекта в противовес либеральному и неолиберальному homo economicus» [3, р. 1].

Целью данной статьи является анализ легитимации власти с использованием цифровых платформ на глобальном и национальном уровнях, что является инновационным подходом в сфере исследований по легитимности и легитимации политической власти. Для достижения данной цели использованы общенаучные методы анализа и синтеза, классификации и систематизации. Работа носит теоретический характер с привлечением отдельных кейсов из сферы платформенного взаимодействия.

Легитимность решений, принимаемых на цифровых платформах

Прежде чем приступить к анализу легитимации власти посредством цифровых платформ, необходимо разделить понятия «легитимность» и «легитимация». Легитимность относится скорее к восприятию результата политико-управленческого продукта, в то время как легитимация представляет собой процесс обретения доверия политиками, согласия с результатами их деятельности со стороны населения

национального государства. «Тот факт, что большинство голосов устанавливает легитимность правительства, действительно был общепризнан как процедура, отражающая суть демократии. Такое определение легитимности поначалу казалось естественным, поскольку оно означало окончательный разрыв с прежним порядком вещей, при котором меньшинство диктовало свой закон» [4, р. 1].

В данном разделе статьи будет проанализирована легитимность решений, принимаемых в рамках функционирования глобальных и национальных платформ. В качестве модели для оценки легитимности будет использована таксономия, предложенная американским политологом Вивьен Шмидт [5]. Согласно данной модели, легитимность решений, принимаемых на цифровых платформах, можно разделить на легитимность входа, легитимность пропускной способности и легитимность выхода, что напоминает анализ политического процесса по типу черного ящика [6, р. 38].

Легитимность входа относится к наличию мажоритарного участия в процессе принятия решения, к одобрению со стороны населения принимаемых собственниками платформы решений, отражению интересов пользователей в данных решениях, т. е. на входе ставится вопрос о том, насколько легитимны лица, владеющие платформой, поддержано ли их участие в процессе принятия решения гражданами. Легитимность пропускной способности относится к характеристике процесса принятия решения ответственными лицами, к прозрачности этого процесса, подотчетности собственников платформы и эффективности принимаемых решений. И, наконец, легитимность выхода характеризуется качеством принимаемых решений, отражением в них результатов, ожидаемых населением, которое так или иначе связано с платформой. По мнению В. Шмидт, «Политика выхода и участие на входе могут включать в себя взаимодополняемость и компромиссы, где меньшее качество в одном может быть компенсировано большим качеством в другом» [5, р. 3]. Однако низкая легитимность на входе или выходе не может быть компенсирована высокой легитимностью пропускной способности [7, р. 6].

Если обратиться к легитимности глобальных цифровых платформ на примере Facebook, то можно отметить следующее. В ноябре 2020 г. был создан Наблюдательный совет платформы для контроля за ее контентом. Совет состоит из экспертов разных стран, однако поскольку штаб-квартира находится в США, то он в первую очередь действует в соответствии с их законами и защищает их интересы. У Наблюдательного совета Facebook легитимность входа низкая, поскольку этот орган учрежден частной компанией и осуществляет деятельность без демократического надзора. Легитимность пропускной способности довольно высокая, так как Наблюдательный совет сфокусирован на обеспечении прозрачности, соблюдении законности и подотчетности при модерации контента. Однако данный орган, контролирующий контент Facebook, имеет сомнительную легитимность результатов в основном «из-за его ограниченной сферы деятельности, длительных сроков принятия решений и того факта, что набор ценностей и принципов компании (на основе которых работает Совет) неизбежно вступает в противоречие с ценностями и принципами различных национальных режимов и затрагиваемых групп» [Там же. Р. 8].

В отношении легитимности решений, принимаемых региональными платформами в Российской Федерации, необходимо отметить, что они имеют довольно высокую легитимность входа и выхода. Конечно, решения в ходе платформенного взаимодействия с населением принимаются чиновниками, но представительный орган власти, который оказывает непосредственное влияние на бюрократический аппарат,

формируется путем всенародного голосования. Представители власти на уровне региона участвуют в принятии решений по вопросам, которые волнуют население, однако проблематика взаимодействия на таких платформах сильно деполитизирована, о чем пойдет речь в соответствующем разделе данной статьи. Процесс принятия решений на цифровых платформах региональных проблем непрозрачен для простого пользователя. Но согласно данным, полученным в ходе исследования по гранту № 20-011-31361 РФФИ и АНО ЭИСИ «Аутсорсинг политических суждений: критический анализ информационной парадигмы сетевой публичной коммуникации», алгоритм рассмотрения заявок от населения носит нейтральный характер без применения элементов наджинга и других способов манипулирования поведением пользователей [8, с. 469].

Легитимация власти в контексте платформенного империализма

Крушение социалистического блока и Советского Союза стало последней возможностью для капиталистических корпораций захватить новые рынки сбыта и резко увеличить свои доходы. Начало нового столетия ознаменовалось не только распространением транснациональных корпораций в глобальном масштабе, но и укреплением новых информационно-коммуникационных технологий в бизнесе, обществе и в государственном управлении. Pantichand Gindin (2004) утверждают, что «как только американское государство двинулось в этом направлении, оно получило новый статус: капитализм эволюционировал в новую форму социального правления, которая обещала и в значительной мере обеспечила (а) возрождение производственной базы американского господства; (б) универсальную модель восстановления условий для получения прибыли в других развитых странах; (в) экономические условия для интеграции глобального капитализма» [9, р. 35–36].

В начале 2000-х гг. транснациональные корпорации в сфере электроники, логистики, нефтедобычи с реальными активами стали уступать свои позиции транснациональным корпорациям, набравшим влияние в Интернете, – цифровым платформам, таким как Google, Facebook, Amazon, Microsoft.

Власть транснациональных корпораций за счет сверхдоходов начинала соперничать с властью национальных государств, в которых находились либо их штаб-квартиры, либо представительства. Некоторые исследователи стали полагать, что государство в итоге утрачивает свои позиции как субъект международных отношений. Однако впоследствии это оказалось не так. «Неолиберализм подчеркивает уменьшение роли государства, чтобы гарантировать максимальную прибыль частного сектора. В то время как некоторые страны придерживаются режима малого государственного вмешательства в реализации неолиберальной глобализации, некоторые страны не следуют этой логике. Вместо этого такие страны, как Канада, Китай и Корея, усилили роль государственного регулирования в нескольких областях, особенно в сфере цифровых/социальных технологий в связи со значительной ролью платформ в их странах» [10, р. 94].

Национальные государства не только сделали бизнес транснациональных корпораций статьей доходов, разрешая лоббистскую деятельность данных корпораций для продвижения своих интересов в сфере законодательного регулирования, но и научились использовать бизнес-стратегии этих корпораций для продвижения своего глобального влияния во всем мире. «В 2013 г. Google потратила на лоббирование 14,06 миллионов долларов, что на 14,7 % меньше, чем в 2012 г., когда компания стала объектом антимонопольного расследования Федеральной торговой комиссии»

[Там же. Р. 90]. Особенно это касалось движения платформенных корпораций США за свободный, бесцензурный Интернет. «Принцип – жизненно важный для всемирного экспорта американского культурного продукта и американского образа жизни – стал универсальной ценностью как для информационной индустрии, так и для правительства США» [11, р. 440]. Приверженность данному принципу означала распространение не только капиталистического, но и идеологического влияния на другие страны мира, особенно в рамках глобального цифрового разрыва. Так, начал формироваться платформенный империализм, означавший слияние интересов государственной власти США и бизнес-интересов цифровых платформ.

Распространение Интернета и информационно-коммуникационных технологий послужило усилению глобального доминирования Соединенных Штатов в других странах мира. Теперь такая форма цифровизации служила укреплению глобальной власти отдельно взятого национального государства, в котором находилась штаб-квартира соответствующей платформы (платформ). «Согласно платформенному империализму, контроль, владение, известные как глобальное управление, направляемые мощными институтами, отдается промышленно развитым странам со свободным рынком» [10, р. 89].

Цифровые платформы становятся новым типом сосредоточения глобальной власти. На место ТНК с реальными активами приходят цифровые платформы с виртуальными активами. Рейтинг наиболее влиятельных глобальных цифровых платформ можно посмотреть с помощью индекса RDR на сайте <https://rankingdigitalrights.org/index2020/> [12]. Первые места рейтинга занимают американские глобальные цифровые платформы: Twitter, Microsoft, Google, Facebook. На восьмом месте рейтинга находятся российские IT-гиганты: Mail.ru, Yandex. Несмотря на то, что они являются коммерческими структурами, государства, где расположены штаб-квартиры данных компаний, рассматривают их как возможность распространения своего влияния и ценностей на другие страны. Как следствие, они оказывают поддержку на государственном уровне глобальным цифровым платформам с привлечением соответствующих государственных организаций. В качестве примера можно привести конфликт Китая и США по поводу цензуры контента и кибератак со стороны правительства Китая на Google.cn и уход Google из Китая. Защиту интересов Google на государственном уровне США объясняли необходимостью защиты прав и свобод человека, основными носителями и защитниками которых является Америка. К защите интересов платформенной корпорации Google был привлечен государственный департамент и ряд правительственных агентств США. По меткому выражению Hartnett (2011): «Воинствующий гуманизм госсекретаря Клинтон был основан на ряде предположений об американской исключительности: мы являемся моральными лидерами мира, его технологическими и корпоративными хозяевами и единственной нацией, способной и желающей обеспечить верховенство закона» [13, р. 415].

Однако не только государственный департамент США и Конгресс занимаются защитой интересов платформенного бизнеса с целью усиления своего глобального влияния, другие страны, обладающие развитыми цифровыми технологиями, тоже покровительствуют платформенному бизнесу, пытаясь защищать его от влияния американских глобальных платформ. «В разгар конфликта между китайским правительством и Google китайское правительство ограничило обсуждение в Google тем, которые правительство считает неприемлемыми, например, стремление к независимости в регионах Тибет и Синьцзян, а также запрещенное религиозное движение Фа-

луньгун» [10, р. 84]. Защита информационного пространства КНР при помощи цензуры и государственного регулирования создала возможность для создания собственных глобальных цифровых платформ: Baidu, QQ, Taobao – и распространения культурных ценностей Китая в его зоне влияния.

Чуть позже подобной стратегии стала придерживаться и Российская Федерация, осознав всю опасность для сохранения государственности свободного, бесцензурного Интернета. В 2019 г. был принят закон «О суверенном Интернете»¹, направленный на создание маршрутизации интернет-связи, централизованных инструментов управления, разработку мер безопасности в случае отключения рунета от глобальной Сети. Есть надежда, что реализация данного закона облегчит глобальную конкуренцию нашим лидерам платформенного бизнеса: Yandex, Mail.ru, VKontakte.

Великобритания также решила установить барьеры нерегулируемому потоку информации в Интернете, приняв в апреле 2019 г. Белую книгу – сборник нормативно-правовых актов, направленных на контроль контента в Интернете и своевременное удаление опасных сообщений. Регулирование на основании данного документа будет производить независимый регулирующий орган Великобритании – Ofcom. «Ofcom, регулятор связи в Великобритании, будет нести ответственность за устранение «кодексов практики» с подробным описанием того, как компания должна выполнять эту новую обязанность. При этом также ожидается внедрение систем и процессов для повышения безопасности пользователей и их услуг, включая механизмы отчетности и возмещения ущерба» [7, р. 12].

Таким образом, глобальная власть строится на взаимосвязи интересов национальных государств, под юрисдикцией которых находятся штаб-квартиры соответствующих транснациональных корпораций, и самих транснациональных корпораций. Особенно ярко это проявляется при сотрудничестве государства с транснациональными платформенными организациями в феномене, получившем название «платформенный империализм». Возможность глобального идеологического доминирования, легитимизируемая распространением ценностей соответствующего национального государства, оказывает влияние на стабильность в обществе и поддержку государственной власти широкими слоями национальной общности. Государственная власть и платформенная корпорация связаны взаимными интересами: цифровая платформа получает законодательные преференции и поддержку национального государства на международном уровне, в то же время последнее получает постоянный источник дохода и возможность идеологического влияния на другие страны в планетарных масштабах.

Легитимация власти посредством цифровых платформ в Российской Федерации

Расширение участия населения в вопросах государственного управления посредством создания специализированных цифровых платформ служит важным инструментом легитимации власти. «Официальные цифровые платформы предлагаются субъектами власти с целью вовлечения граждан в управление и оказываются инструментом организации участия. В частности, речь может идти о формировании

¹Федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 07.05.2019. <https://rg.ru/2019/05/07/fz90-dok.html> (дата обращения: 18.11.2021).

условий активности граждан, принимающих участие в управлении городом с использованием цифровых платформ на примере работы платформы «Активный гражданин» [14, с. 15].

Государственная власть в России привлекает граждан к обсуждению важных проблем городского (городов федерального значения) и регионального уровня. Возможность обратиться напрямую к чиновнику в режиме онлайн служит важным инструментом для увеличения доверия к региональной власти. Однако обсуждаемые на данных платформах вопросы редко можно назвать остро политическими. В основном они касаются проблем коммунального хозяйства, строительства, дорог, здравоохранения и социальной сферы [15, с. 192–193].

Подобная практика создания цифровых платформ для коммуникации городских властей с населением не нова. В наиболее крупных городах мира тоже существуют городские коммуникационные платформы, позволяющие обсуждать жителям этих городов общие насущные проблемы. Речь идет о таких платформах, как «Talk London» (Лондон, Великобритания, <https://www.london.gov.uk/talk-london/>); интернет-порталы Барселоны, Испания (<https://www.decidim.barcelona/>), Рейкьявика, Исландия (<https://www.betrireykjavik.is/>), реализованных в рамках европейского проекта D-CENT (<https://dcentproject.eu/>).

В России существует четыре типа цифровых платформ, позволяющих гражданам коммуницировать с властью: платформы (разделы сайтов, страницы) обращений граждан, порталы городских (региональных) проблем, порталы оценки инициатив и порталы/платформы общественного участия [16, с. 26–27].

Платформы (часто в виде сайтов или веб-страниц) обращений граждан в органы власти и органы местного самоуправления, созданные в соответствии с Федеральным законом № 59-ФЗ, существуют во многих регионах РФ. Обычно они имеют схожую структуру и алгоритм работы по типу «вопрос-ответ», установленные федеральным законодательством. Они являются упрощенным способом цифрового взаимодействия губернатора или главы муниципального образования с проживающим на подведомственной территории населением.

Порталы городских (региональных) проблем также построены по типу «вопрос-ответ» и позволяют гражданам общаться с представителями власти по местным проблемам. Ход рассмотрения запроса можно отслеживать на странице соответствующей платформы. Интернет-порталы городских (региональных) проблем фактически являются развитием цифровых платформ для работы с обращениями граждан. В качестве примера можно назвать цифровую платформу региональных проблем «Наш Санкт-Петербург» (Санкт-Петербург, <https://gorod.gov.spb.ru/>). Результаты рассмотрения проблемы чиновниками можно оценить там же или отправить вопрос на повторное рассмотрение.

Порталы оценки инициатив являются порталами для оценки и обсуждения инициатив региональных органов власти. Здесь с необходимостью возникает пример платформы «Активный гражданин» (Москва, <https://ag.mos.ru/>), которая фактически позволяет легитимировать решения Правительства г. Москвы в области нововведений по улучшению функционирования столичной инфраструктуры. Алгоритмы данной платформы содержат элементы геймификации, позволяя проводить голосование граждан, получать статусы и ценные подарки за активное участие в оценке инициатив [17, с. 94].

Порталы/платформы общественного участия не просто являются платформами для обсуждения инициатив региональной администрации, как в случае с порталами оценки инициатив, но и позволяют заинтересованным гражданам предлагать

свои идеи и проекты по улучшению, например, городской среды. Обычно население, зарегистрированное на платформе, заранее информируют о теме, которая будет обсуждаться в ближайшее время. Когда обсуждение открывается каждый имеет возможность высказать свою идею. Процесс регулируется модератором, который старается «подогреть» дискуссию и облегчить производство идей, задавая наводящие вопросы участникам. Платформы общественного участия пока не получили широкого распространения в России. Одним из немногих примеров является проект «Город идей» (Москва, <https://crowd.mos.ru/>).

Для активизации участия граждан на всех вышеупомянутых видах платформ (кроме платформы первого типа) создается возможность для выхода в социальные сети, где платформа имеет одноименную группу и позволяет гражданам обсуждать важные региональные проблемы. Это особенно важно в тех случаях, когда аффордансы платформы не предусматривают свободную коммуникацию пользователей [18, с. 159–162]. «Наиболее популярной в регионах России (если исключить порталы обращения граждан по 59-ФЗ) является концепция порталов городских (региональных) проблем. Это хорошо коррелирует с популярной парадигмой сервисного государства, в которой на первый план выдвигается сервисная функция государства» [16, с. 27]. Для развития этого подхода в настоящее время Министерством цифрового развития РФ и АНО «Диалог» реализуется проект по внедрению типовой «Платформы обратной связи» в регионах на основе федерального решения «Центр управления регионом».

Таким образом, политическая власть в России на уровне регионов широко использует достижения эпохи цифровизации, создавая соответствующие электронные сферы, которые делают возможным широкое участие населения в решении городских и региональных проблем. Однако тематика обсуждений проблем на данных платформах носит скорее деполитизированный характер.

Заключение

В эпоху цифровизации политическая власть начинает широко использовать достижения в сфере информационно-коммуникационных технологий. В данной статье мы остановились лишь на одном аспекте применения цифровых технологий властью: использование цифровых платформ глобального и национального уровня. Рассматривая легитимность решений и контента данных платформ, можно утверждать, что платформы регионального уровня коммуникации населения и власти обладают большей легитимностью, чем глобальные платформы, от существования которых выигрывает государственная власть, но собственниками которых являются транснациональные корпорации. Легитимация власти на уровне национального государства достигается за счет привлечения к решению проблем широких слоев населения, однако тематика данных проблем в России носит деполитизированный характер. На глобальном уровне власти национальных государств апеллируют к интересам и ценностям своего населения, продвигая их посредством расширения сферы влияния платформенных корпораций. Данное исследование задает направления анализа цифровой легитимации, которые могут быть углублены заинтересованными исследователями, работающими в данной сфере.

Ссылки / References

1. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

2. Lemke Th. 'The birth of bio-politics': Michel Foucault's lecture at the College de France on neo-liberal governmentality // *Economy and Society*. 2001. Vol. 17. № 2. P. 190–207. <http://dx.doi.org/10.1080/03085140120042271>
3. Barry L. The rationality of the digital governmentality // *Journal for Cultural Research*. 2020. № 4. P. 11–16. DOI: 10.1080/14797585.2020.1714878.
4. Rosanvallon P. *Democratic legitimacy: Impartiality, Reflexivity, Proximity*. New Jersey: Princeton University Press, 2011. 227 p.
5. Schmidt V. A. Democracy and legitimacy in the European Union revisited: Input, output and "throughput" // *Political Studies*. 2013. Vol. 61. № 1. P. 2–22. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2012.00962.x>
6. Easton D. *The analysis of Political Structure*. New York: Routledge, 1990. 336 p.
7. Haggart B., Keller C. I. Democratic legitimacy in global platform governance // *Telecommunication Policy*. 2021. Vol. 45. № 6. P. 1–17. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2021.102152>
8. Игнатъева О. А. Цифровая управленческая ментальность: партисипаторное управление Vs. Биополитика // *Политэкс. Политическая экспертиза*. 2020. Т. 16. № 4. С. 462–473. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.403>
9. Pantitch L. and Gindin S. *Global Capitalism and American Empire* // *Social Register*. 2004. Vol. 40. № 1. P. 1–38.
10. Jin D. Y. *Digital Platforms, Imperialism and Political Culture*. New York: Routledge, 2015. 193 p.
11. Schiller N. G. Transnational social fields and imperialism: Bringing a theory of power to Transnational Studies // *Anthropological theory*. 2005. Vol. 5. Issue 4. P. 439–461.
12. 2020 Ranking Digital Rights Corporate Accountability Index. URL: <https://rankingdigitalrights.org/index2020/> (дата обращения: 20.09.2021).
13. Hartnett S. J. Google and the "Twisted Cyber Spy" affair: US–Chinese communication in an age of globalization // *Quarterly Journal of Speech*. 2004. Vol. 97. № 4. P. 411–434.
14. Шиповалова Л. В. Власть, общество, эксперты – трансформация связей в эпоху цифровых технологий // *Государство и граждане в электронной среде*. Выпуск 4. Труды XXIII Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2020, Санкт-Петербург, 17–20 июня 2020 г. Сборник научных статей. СПб: Университет ИТМО, 2020. С. 11–19. DOI: 10.17586/2541-979X-4-11-19.
15. Быков И. А. Деполизитизация социально-значимых проблем в цифровых платформах государственного управления // *Медиа в современном мире*. 60-е Петербургские чтения. Сборник материалов международного научного форума. В 2 т. СПб, 2021. С. 192–193.
16. Городские коммуникационные платформы: критический анализ управленческой технологии / А. Г. Барышкин, И. А. Быков, О. А. Игнатъева, К. С. Кондратенко // *Управленческое консультирование*. 2021. № 1. С. 20–31.
17. Сморгун Л. Блокчейн как институт процедурной справедливости // *Полис. Политические исследования*. 2018. № 5. С. 88–89. DOI: 10.17976/jpps/2018.05.08
18. Сморгун Л. В., Игнатъева О. А., Быков И. А., Кондратенко К. С., Барышкин А. Г. Публичная коммуникация граждан и органов государственной власти: формирование суждений на цифровых платформах // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2021. Т. 15. № 2. С. 156–172.

Political institutionalization of conflicts: the possibilities of authoritarian and hybrid models

A. I. Kolba¹, Z. T. Chadayeva¹

¹Kuban State University, 149 Stavropol str., Krasnodar, 350040, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-4-368-377

Research Article
Full text in Russian

The article examines the problems of political institutionalization of conflicts based on the use of illiberal approaches (authoritarian and hybrid). The study is based on the concept of «illiberal peacebuilding», which is actively developed in political science and is currently used to analyze the processes of conflict resolution at the national and subnational levels. The study made it possible to determine the possibilities and limitations of these models, the specifics of the methods used and the achieved results of institutionalization. The author highlights the political and regime characteristics of the political institutionalization of conflicts, which directly depend on the prospects for using a particular model. In particular, it has been established that a set of rules and norms for the interaction of key policy actors is one of the foundations of a political regime. At the same time, conflicts are considered as one of the important factors in their change. The dependence of the direction of political institutionalization of conflicts (using their potential, limiting conflicts, etc.) on the perception of the conflicts themselves in the context of the stability of the political system has been substantiated. The liberal model assumes extensive use of the potential of institutions operating in the field of public policy. The authoritarian model is focused on suppressing open manifestations of conflict, while the hybrid model is focused on combining the norms and practices inherent in the liberal and authoritarian models.

Keywords: political institutionalization, conflict, political conflict management, liberal model, authoritarian model, hybrid model, illiberal peace-building

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kolba, Akexey I. | E-mail: alivka2000@mail.ru
(correspondence author) | Doc. Sc. (Philology), Associate Professor

Chadayeva, Zalina T. | E-mail: zalina1984@mail.ru
Postgraduate

Funding: RFBR, project 19-011-00571.

For citation: Kolba A. I., Chadayeva Z. T. Political institutionalization of conflicts: the possibilities of authoritarian and hybrid models // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2021. Vol. 7, No 4. P. 368-377. (in Russ.)

Политическая институционализация конфликтов: возможности авторитарной и гибридной моделей

А. И. Кольба¹, З. Т. Чадаева¹

¹Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-4-368-377
УДК 323

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются проблемы политической институционализации конфликтов на основе использования нелиберальных подходов (авторитарного и гибридного). В основе исследования лежит концепт «нелиберального миростроительства», активно разрабатываемый в политической науке и используемый в настоящее время для анализа процессов урегулирования конфликтов на национальном и субнациональном уровнях. Проведённое исследование позволило определить возможности и ограничения указанных моделей, специфику используемых методов и достигаемых результатов институционализации. Выделены политико-режимные характеристики политической институционализации конфликтов, в прямой зависимости от которых находятся перспективы использования той или иной модели. В частности, установлено, что набор правил и норм взаимодействия ключевых акторов политики является одной из основ политического режима. Конфликты при этом рассматриваются как один из важных факторов их изменения. Обоснована зависимость направленности политической институционализации конфликтов (использование их потенциала, ограничение конфликтности и т. д.) от восприятия самих конфликтов в контексте стабильности политической системы. Либеральная модель предполагает широкое использование потенциала институтов, действующих в сфере публичной политики. Авторитарная модель ориентирована на подавление открытых проявлений конфликта, гибридная – на комбинирование норм и практик, присущих либеральной и авторитарной моделям.

Ключевые слова: политическая институционализация, конфликт, политическое управление конфликтом, либеральная модель, авторитарная модель, гибридная модель, нелиберальное миростроительство

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кольба, Алексей Иванович
(автор для корреспонденции)

E-mail: alivka2000@mail.ru
Доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственной политики и государственного управления

Чадаева, Залина Темирлановна

E-mail: zalina1984@mail.ru
Аспирант кафедры государственной политики и государственного управления

Финансирование: РФФИ, грант № 19-011-00571 «Конфликты в процессе функционирования городских сообществ крупных региональных центров России: концептуальные основания исследования и политические методы снижения деструктивного потенциала».

Для цитирования: Кольба А. И., Чадаева З. Т. Политическая институционализация конфликтов: возможности авторитарной и гибридной моделей // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 4 С. 368-377.

Введение

В рамках либеральной теории конфликта утвердилось мнение о прямой связи между наличием демократических институтов и эффективностью управления конфликтами. Демократия рассматривается как система управления конфликтами, поскольку она позволяет регулировать их путем жесткой конкуренции на избирательных и законодательных аренах, заменяя открытую конфронтацию процессом переговоров в рамках правил демократической игры. Некоторые типы демократических институтов и практик могут обеспечить ощутимое усиление умеренности в политике, усиливая управление конфликтом между конкурирующими группами [1]. При этом, как отмечает В. М. Сергеев, сама институционализация демократии во многих странах представляет собой «конфликтный путь» столкновений общества и власти, на основе которого вырабатываются механизмы переговоров и согласования интересов [2]. Гибкость политических структур, готовность воспринимать и переформатировать конфликтные ситуации, снижать уровень социальной напряженности рассматриваются как главное преимущество демократической модели институционализации конфликтов.

Долгое время в рамках политико-конфликтологических исследований она признавалась наиболее эффективной, дающей возможность как предотвратить/прекратить эскалацию конфликтов, так и использовать позитивные функции. Подобное мнение подтверждалось и данными эмпирических исследований [3, с. 11–48]. Однако, начиная с 2000-х гг., развернулась научная дискуссия по вопросу возможностей авторитарного подхода к управлению конфликтом, в том числе и в институциональном аспекте. В центре научного диспута находится перспектива «нелиберального миростроительства» (illiberal peace-building).

«Нелиберальное миростроительство» как теоретическая рамка исследования

Данное понятие характеризуют попытки (разной степени успешности) институционализировать глубоко укоренённые конфликты с применением авторитарных методов управления и контроля (применяются также термины «постлиберальное миростроительство», «гибридное миростроительство», авторитарное управление конфликтами и др.). Возникновение научного дискурса относительно этого явления связано с критикой попыток трансформации конфликта через многопартийную демократию, рыночный капитализм и реформу сектора правосудия и безопасности в таких странах, как Ирак, Афганистан, Сьерра-Леоне и др. [4] Его характеризуют как «процесс послевоенного восстановления, управляемый местными элитами вопреки либеральным мирным заповедям ... с целью создания гегемонистского порядка» [5], «определенный набор норм и практик, используемых политическими элитами с целью установления устойчивого гегемонистского контроля над частью общества, воспринимаемой как нестабильная или вовлеченная в конфликт» [6], «использование нелиберальных институтов ... для минимизации насильственных конфликтов и обеспечения стабильности в рамках гибридного политического порядка» [7]. За последние десятилетия проведён анализ больших массивов материалов, относящихся к нелиберальному подходу, на примере различных стран [8; 9].

Если изначально само понятие миростроительства относилось прежде всего к сфере международных отношений, описывая практики внешнего участия в урегулировании конфликтов, то сейчас оно активно используется для характеристик национального и субнационального уровня урегулирования (а также взаимосвязи внутренних и внешних факторов институционализации конфликтов). Таким образом, в исследованиях, посвящённых данной проблематике, подчеркивается взаимосвязь между характеристиками внутреннего политического порядка государства и методами политического управления конфликтами.

Политико-режимные характеристики политической институционализации конфликтов

Преобладание определённой модели институционализации во многом связано с характеристиками политического режима государства. Он определяется как вся «совокупность правил, явных или неявных моделей, определяющих формы и каналы доступа к важнейшим управленческим позициям, характеристики субъектов, имеющих такой доступ или лишенных его, а также доступные субъектам стратегии борьбы за него» [10]. Более развёрнутое определение даёт С.-Э. Скаанинг: «Институционализированный набор фундаментальных формальных и неформальных правил, позволяющих определить держателей политической власти (обладателя суверенитета), а также регулирующих порядок назначения на высшие политические посты (объём и характер политических прав) и определяющих вертикальные (объём и характер гражданских свобод) и горизонтальные (объём и характер разделения власти: контроль и автономия) ограничения использования политической власти» [11, с. 15]. Таким образом, раскрытие сущности политического режима через характеристики действующих правил и норм различного типа даёт основание рассматривать его как важнейший фактор определения модели институционализации конфликтов на различных уровнях политической системы.

Различные трактовки политических режимов – процедурные и поведенческие – позволяют выделить ряд составляющих, важных для их описания в конфликтологическом ракурсе. Процедурные измерения режимов предполагают акцент на правилах, определяющих число и тип политических акторов, которые могут получить доступ к значимым правительственным постам, методы борьбы за доступ к этим позициям, процесс выработки и реализации обязательных публичных властных решений. Поведенческий подход основывается на том, что институционализация режима обеспечивается принятием набора правил ведущими политическими акторами или, по крайней мере, наименьшим отвержением ведущими акторами существующих процедурных правил [12]. По мнению С. Мейваринга, понятие режима включает в себя институционализацию, то есть идею о том, что такие правила широко понимаются и принимаются и что акторы моделируют свое поведение соответствующим образом [13, р. 294–341]. Исходя из этого, можно утверждать, что правила взаимодействия акторов (в том числе и в условиях политических конфликтов) являются ключевым аспектом содержания политического режима. В то же время акторы политического процесса предпринимают попытки изменить или корректировать существующие правила, что может привести к трансформации режима. На основе этих выводов мы более подробно рассматриваем особенности институционализации конфликтов при различных политических режимах.

Как отмечает А. Г. Большаков, плюралистические режимы предполагают, как правило, наличие процедур и специалистов по управлению политическими конфликтами, готовность к компромиссу большинства социальных групп и слоев общества. В частности, свою эффективность в управлении конфликтами демонстрирует политика взаимных уступок и договоренностей между правящими и оппозиционными элитами, механизмы социального партнерства, судебные и досудебные процедуры урегулирования споров и т. п. Авторитарные режимы чрезвычайно многообразны. Но конфликты в политической сфере в них, как правило, подавляются, «отменяются» или протекают в латентных формах. В таких режимах также наличествуют институты, процедуры и механизмы для канализации конфликтов, но они носят формальный и декларативный характер [14]. Следует отметить, однако, что и при авторитарных режимах осуществляется институционализация конфликтов, но её методы и результаты значительно отличаются от «идеала» плюралистических режимов.

Основным признаком гибридного политического режима является имитация демократических институтов в авторитарной по существу модели политического управления. К его идентификационным признакам можно отнести реальное, но несправедливое сочетание формальных демократических институтов как основного средства достижения власти со значительным преимуществом «занимающих» власть по отношению к своим оппонентам [15].

Авторитарная модель политической институционализации конфликтов: возможности и ограничения

Этот подход направлен на недопущение или деэскалацию насильственных конфликтов с помощью методов, которые позволяют избегать подлинных переговоров между сторонами конфликта, препятствовать его публичному освещению в СМИ, снимать ограничения на применение силы, игнорировать призывы к устранению лежащих в основе структурных причин конфликта и вместо этого полагаться на инструменты государственного принуждения и иерархической структуры власти. Предпринимаемые при таком подходе политические меры направлены на достижение постоянного управления конфликтом в определённом значении этого термина (как урегулирование и сдерживание насильственного конфликта) [16, р. 31]. Отмечается, какой способ управления конфликтами подразумевает постоянную необходимость репрессивной политики и не даёт добиться радикального преобразования общества, избавившись от структур принуждения и насилия [17, р. 34]. Институционализация конфликтов в рамках авторитарного управления предполагает введение жёстких ограничений, направленных на то, чтобы не дать сторонам вступить в конфликт в тех формах, которые признаются неприемлемыми, и нацелена на поддержание стабильности, рассматриваемой как сохранение status quo.

Институционализация предполагает также ограничение дискурса по поводу конфликтов, поскольку открытое пространство для обсуждения и общения рассматривается как контрпродуктивное и потенциально опасное, предлагающее возможности для оппозиции формулировать недовольство и мобилизовать внутреннюю и внешнюю поддержку. Напротив, предпринимаются меры по её делигитимизации в качестве партнера по переговорам (ограничение доступа к альтернативным источникам информации и интерпретации событий, формирование официального дис-

курса конфликта, направленного на дискредитацию оппозиционеров и т. д.) [18]. Таким образом, авторитарная модель предусматривает вытеснение оппонентов из институционализированного пространства конфликта, их маргинализацию.

Авторитарной модели управления также свойственно создавать институты контроля над территорией, где потенциально возможны конфликты. Их действие направлено против политической автономии или децентрализации этнонациональных меньшинств, что рассматривается скорее как дестабилизирующая мера, подпитывающая, а не разрешающая конфликты. Контроль также осуществляется за счёт трансформации пространственного, в частности, городского планирования, которая не только нацелена на символические аспекты (формирование идентичности), но и оказывает влияние на тип расселения, состав населения городов и регионов и т. д. [19].

Ещё одной важной сферой, где происходит институциональное переформатирование, как правило, является экономика. Основным направлением институциональных изменений становится формирование правил патронажных отношений, при которых распределение ресурсов происходит под контролем властной вертикали. При этом оппозиционные силы лишаются доступа к ним, тогда как лояльные власти элиты становятся основным бенефициаром [20]. Широко используются неформальные сетевые связи между различными сегментами элит на разных уровнях государственного управления, в том числе коррупционного характера. Их негативные последствия рассматриваются как «меньшее зло» по сравнению с возможностью утраты контроля и возобновления открытого конфликта.

Как отмечает Р. Шонхольтц, авторитарные режимы чувствительны ко всем вопросам, касающимся их власти и контроля. С этим связано вмешательство в решение достаточно широкого круга проблем, которые изначально не рассматриваются как политические, и политизация процессов урегулирования связанных с ними конфликтов. Стремление к подавлению противоречий и отсутствие институциональных площадок для политического диалога обуславливают коррумпирование институтов разрешения споров (судебные органы, медиаторы, профсоюзы и др.) [21]. Вытеснение урегулирования конфликтов за пределы публично-политических институтов приводит к постепенному расширению пространства контроля, распространению его на те вопросы, которые изначально не относятся к политической сфере.

В то же время конфликты, происходящие внутри элитных групп, могут служить источником изменений государственной политики. По мнению И. Ву, расширение конфликта, связанного с требованиями подобных изменений, нарастание социального давления «снизу» приводят в определённый момент к тому, что часть влиятельных лиц в правящей группе выступает их инициаторами или оказывает поддержку. Однако из-за институциональных ограничений влияние социальных субъектов носит спорадический характер, зависит от инцидентов и варьируется в зависимости от населения. Процесс изменения политики является длительным и трудным, когда он сталкивается с сопротивлением со стороны государственных субъектов, имеющих многочисленные институциональные каналы доступа для влияния на процесс принятия решений [22].

Таким образом, авторитарные способы управления конфликтами ориентированы на консолидацию режима и создание особого типа политической экономики [23]. При этом тип авторитарного режима оказывает влияние на его способность контро-

лирование оппозицию и частично кооптировать путем предложения ренты и властных позиций. В частности, военные режимы и многопартийные избирательные автократии подвергаются большему риску, чем однопартийные режимы [24]. Возможность для изменения авторитарной политики может быть создана кризисом или накоплением проблем, которые мобилизуют ранее апатичных граждан для присоединения к политическим дебатам [25].

Формирование гибридных моделей институционализации конфликтов

Снижение рисков и возможности сочетания демократического (либерального) и авторитарного подходов к институционализации конфликтов ряд исследователей связывает с формированием «гибридного мира», постлиберального подхода, сочетающего универсальные и местные практики их урегулирования [26]. Означает ли это, что гибридные политические режимы дают шанс на реализацию данной идеи?

Для них характерно урегулирование конфликтов частным образом, на принципе принадлежности к группе, осуществляющей роль гаранта исполнения договоренностей (либо вообще без использования легального арбитража и судебной системы, либо с использованием их в качестве формального прикрытия). Властно-распорядительные полномочия при разрешении конфликтов реализуются в зависимости не от официального статуса, а от реальной возможности осуществления контроля над распределением и использованием ресурсов [27]. Соответственно, для режима такого типа свойственно фактическое доминирование неформальных институтов при сохранении «фасада» в виде формальных институтов демократии. К примеру, характеризуя практики выборов в условиях режимов такого типа, исследователи отмечают, что они рассматриваются как арены асимметричных конфликтов, в которых властные акторы не могут запретить оппозиции стремиться к победе на выборах, но располагают различными инструментами (например, институциональными манипуляциями), чтобы свести на нет подобные попытки [28].

В одно и то же время гибридные режимы демонстрируют высокую степень контроля над тем, какие конфликты допустимы или недопустимы в политике, и предоставляют различные способы индивидуального и коллективного политического участия в конфликтах и управления ими, которые институционализируются как при поддержке государства (механизмы рассмотрения обращений граждан, корпоративное представительство в государственных структурах и др.), так и автономно от него (блогинг, деятельность профсоюзов и др.) [29]. При этом государственные структуры селективно определяют целевые группы, которые могут стать бенефициарами того или иного решения по поводу конфликта. Исходя из этого, политическая институционализация конфликтов может быть охарактеризована, как фрагментарная.

В целом мы можем рассматривать гибридизацию политических режимов как компромиссный путь сочетания различных практик политического управления. Гибридные политические режимы предполагают широкий выбор подходов к регулированию конфликтов, позволяя сочетать разнородные институты, чего не предполагают в чистом виде ни либеральная, ни авторитарная модель институционализации. В этом смысле их функционирование в наибольшей степени отражает концепт постлиберального мира.

Гибридная модель политической институционализации конфликтов также рассматривается и в другом контексте: как возможность сопряжения неформальных практик и институтов традиционного характера, создание на их основе смешанной системы управления и разрешения споров. Эта проблема рассматривается как особо значимая для тех случаев, когда ресурсы официальных структур существенно ограничены и не могут обеспечить реализации всего комплекса институциональных мер. Как отмечают исследователи конфликта на Филиппинах, поддержка гибридных или смешанных систем, сочетающих формальные и неформальные подходы к управлению конфликтами, позволяет различным системам заимствовать силы друг от друга, усилить процесс разрешения конфликтов, уменьшить насилия и в конечном итоге вовлечь неформальные рабочие системы в сферу основные официальные структуры управления [30]. В данном случае гибридизация достигается за счёт совмещения разных типов правил и подходов к управлению конфликтной ситуацией.

Выводы

Либеральная модель основана на создании публичных институтов, позволяющих открыто конфликтовать в рамках установленных правил. Конфликт в них представляет один из основных вариантов политической игры и служит средством не только решения конкретных проблем, но и совершенствования самих институтов. Однако эта модель ориентирована на выстраивание долговременной политики институционального развития, тогда как само преобразование институтов в переходных обществах становится источником острых конфликтов. Ограниченные возможности их регулирования в условиях транзитивности приводят к быстрому разочарованию и поиску новых моделей институционализации. Кроме того, либеральные институты, как правило, сложно соединить с традиционными подходами к конфликто-разрешению, которые в ряде случаев играют значительную роль на низовом (местном, общинном) уровне конфликтования. Таким образом, использование конфликта как источника общественного развития становится затруднительным.

Авторитарная модель институционализации, напротив, основана на подавлении открытого развития конфликтов, установлении государственного контроля над основными ресурсами, которые могут стать их предметом. Здесь существенно повышается роль силовых институтов, регулирование конфликтных отношений осуществляется преимущественно за счёт санкций. Сами конфликты рассматриваются как угроза политической стабильности, а круг акторов, которые могут принимать самостоятельные решения относительно конфликтных ситуаций, значительно сужен. Властные структуры стремятся монополизировать публично-политическое пространство. При этом широко распространены сетевые внутриэлитные взаимодействия, в том числе и конфликтного характера. Устойчивость данной модели напрямую связана с возможностями поддерживать высокий уровень консолидации элит. Однако нарушение статус-кво чревато возобновлением острых конфликтов, поэтому такая модель не является комплиментарной для модернизации и развития.

Гибридная модель предполагает возможность комбинировать институциональные нормы и практики, которая достигается преимущественно за счёт усиления влияния неформальных институтов. Политическое управление конфликтами приобретает в её рамках манипулятивный характер. Можно отметить два направления ги-

бридизации: за счёт объединения институциональных практик либеральной и авторитарной моделей, а также путём создания конструкторов, объединяющих формальные и неформальные, чаще всего традиционные, устоявшиеся политические практики. Данная модель может быть охарактеризована как «практикоориентированная», тактические аспекты решения конкретных проблем «здесь и сейчас» в ней важнее стратегий институционального строительства. Эта особенность позволяет достаточно успешно регулировать конфликтность в условиях недостаточной демократизации, свойственной многим современным государствам. В то же время фрагментарный характер институционализации, различие в подходах и результатах регулирования однотипных конфликтов являются её слабой стороной.

Ссылки / References

1. Sisk T. D. Democracy and Conflict Management // *Beyond Intractability*. August 2003. URL: https://www.beyondintractability.org/essay/democ_con_manag (дата обращения: 15.04.2021).
2. Сергеев В. М. Демократия как переговорный процесс. М.: МОНФ, 1999. 147 с.
3. Pfetsch F. R. Conflict Resolution by Democracies and Dictatorships: Are Democracies Better in Resolving Conflicts? // *Programming for Peace: Computer-Aided Methods for International Conflict Resolution and Prevention*. Dordrecht: Springer, 2006. P. 11–48.
4. Illiberal peace-building in Asia: a comparative overview / C. Q. Smith, L. Waldorf, R. Venugopal & G. McCarthy // *Conflict, Security & Development*. 2020. Vol. 20. № 1. P. 1–14.
5. De Oliveira R. Illiberal Peace-building in Angola // *Journal of Modern African Studies*. 2011. Vol. 49. № 2. P. 287–314.
6. Illiberal peace and authoritarian conflict management: Empirical and theoretical contexts / C. Owen, S. Juraev, D. Lewis, N. Megoran & J. Heathershaw // *Academia.edu*. 2018. URL: https://www.academia.edu/35682434/Interrogating_Illiberal_Peace_in_Eurasia_Rowman_and_Littlefield_International_2018_Introduction (дата обращения: 15.04.2021).
7. Smith C. Q. Liberal and illiberal peace-building in East Timor and Papua: establishing order in a democratising state // *Conflict, Security & Development*. 2020. Vol. 20. № 1. 39–70.
8. Kobayashi K. Japanese pathways to peacebuilding: from historical legacies to contemporary practices // *Пути к миру и безопасности*. 2020. Vol. 58. № 1. С. 9–25.
9. Walton O., Thiyagaraja W. Liberal and Illiberal Peacebuilding in Sri Lanka // *The Palgrave Encyclopedia of Peace and Conflict Studies*. Palgrave Macmillan, 2020. P. 15–24. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-11795-5_129-1.
10. O'Donnell G., Schmitter P. *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions About Uncertain Democracies*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1986. 81 p.
11. Skaaning S.-E. *Political Regimes and Their Changes: A Conceptual Framework*. Stanford University: Freeman Spogli Institute for International Studies, 2006. 30 p.
12. Попова Ю. В. К вопросу о понятии «политический режим» // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. 2017. Т. 15. № 3. С. 381–389.

13. Mainwaring S. Transitions to Democracy and Democratic Consolidation: Theoretical and Comparative Issues // Mainwaring S., O'Donnell G., Valenzuela J. S. (Eds) Issues in Democratic Consolidation: The New South American Democracies in Comparative Perspective. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1992. P. 294–341.
14. Большаков А. Г. Политические конфликты в российских регионах: институциональные условия и возможности управления (случай Республики Татарстан) // Российская ассоциация политической науки. 2005. URL: <https://rapn.ru/in.php?part=in&gr=72&d=130&n=35&p=0&to=> (дата обращения: 15.04.2021).
15. Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism: The Origins and Dynamics of Hybrid Regimes in the Post-Cold War Era. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 88 p.
16. Ramsbotham O., Miall H. & Woodhouse T. Contemporary Conflict Resolution. Cambridge: Polity, 2011. 533 p.
17. Keating T., Knight W. A. (Eds). Building Sustainable Peace. Tokyo: UN University Press, 2004. 502 p.
18. Lewis D., Heathershaw J., Megoran N. Illiberal peace? Authoritarian modes of conflict management // Cooperation and Conflict. 2018. № 53. P. 1–21.
19. O'Connor K. Public Administration in Contested Cities. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. 222 p.
20. Hale H. Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 558 p.
21. Shonholtz R. General Theory on Disputes and Conflicts // Journal of Dispute Resolution. 2003. № 2. P. 6–9.
22. Wu Y. Dynamics of policy change in authoritarian countries: a multiple-case study on China // Journal of Public Policy. 2020. № 40. P. 236–258.
23. Heathershaw J., Owen C. Authoritarian conflict management in post-colonial Eurasia // Conflict, Security & Development. 2019. Vol. 19. № 3. P. 269–273.
24. Fjelde H. Generals, Dictators, and Kings: Authoritarian Regimes and Civil Conflict, 1973–2004 // Conflict Management and Peace Science. 2010. Vol. 27. № 3. P. 195–218.
25. Jones B. D., Baumgartner F. R. From There to Here: Punctuated Equilibrium to the General Punctuation Thesis to a Theory of Government Information Processing // Policy Studies Journal. 2012. Vol. 40. № 1. P. 1–19.
26. Kuchling J. Liberal Peace and Its Crisis: The Revival of Authoritarianism // E-International Relations. 2020. URL: <https://www.e-ir.info/pdf/84588> (дата обращения: 15.04.2021).
27. Алейников А. В., Пинкевич А. Г. Конфликтная специфика гибридных политических режимов: российский случай // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 31. № 3. С. 85–95.
28. Schedler A. The Politics of Uncertainty: Sustaining and Subverting Electoral Authoritarianism. Oxford: Oxford University Press, 2013. 493 p.
29. Jayasuriya K., Rodan G. Beyond Hybrid Regimes: More Participation, Less Contestation in Southeast Asia // Democratization. 2007. Vol. 14. № 5. P. 773–794.
30. Adam J., Verbrugge B. & Van den Boer D. Hybrid Systems of Conflict Management and Community-level Efforts to Improve Local Security in Mindanao. Justice and Security Research Programme, London School of Economics and Political Science (LSE). London, 2014. 47 p.

Digital inclusion as a factor of political socialization of high school students

E. V. Morozova¹, I. V. Miroshnichenko¹, L. A. Shpiro¹

¹Kuban State University, 149 Stavropol str., Krasnodar Krai, Krasnodar, 350040, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-4-378-391

Research Article
Full text in Russian

The purpose of this article is to identify the main trends in the influence of digital inclusion on the process of political socialization of high school students. Unconventional political activity of schoolchildren in recent years has increased the interest of scientists in the study of political socialization of children and adolescents, as well as factors influencing this process and its results. The empirical base was made up of the materials of the author's research of high school students in Krasnodar (questionnaire survey and expert sessions), as well as materials of sociological research by other authors. The level of involvement in the political life of citizens and the constructive experience of civil and political practices in a digital society largely depends on the updated set of digital competencies of citizens. Digital inclusion has the maximum impact on the political socialization of Generation Z, whose primary socialization occurred in the digital era. The level of involvement of Krasnodar high school students in digital communication is estimated as medium and high, and the level of digital competencies as medium and low. The authors have identified such vectors of the influence of digital inclusion on the political socialization of schoolchildren as: the movement from the sequence of "five transitions" of youth to their overlap and related problems of managing multitasking of identity construction; the change in the configuration of agents of political socialization from hierarchical to hybrid and the emergence of groups of youth outside the influence of traditional agents of socialization; the increasing role of digital media personalities in the formation of political views of adolescents; the development of digital technologies for the formation of political and civic identity.

Keywords: digital society, digital inclusion, generation Z, political socialization, agents of socialization

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Morozova, Elena V. | E-mail: morozova_e@inbox.ru
(correspondence author) | Doc. Sc. (Philosophy), Professor

Miroshnichenko, Inna V. | E-mail: rector@kubsu.ru
| Doc. Sc. (Politics)

Shpiro, Laura A. | E-mail: rector@kubsu.ru
| Assistant

Funding: RFBR and EISI, project 20-011-33041

For citation: Morozova E. V., Miroshnichenko I. V., Shpiro L. A. Digital inclusion as a factor of political socialization of high school student // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2021. Vol. 7, No 4. P. 378-391. (in Russ.)

Цифровая инклюзия как фактор политической социализации старшеклассников

Е. В. Морозова¹, И. В. Мирошниченко¹, Л. А. Шпиро¹

¹Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, Краснодарский край, Краснодар, 350040, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-4-378-391
УДК 323

Научная статья
Полный текст на русском языке

Целью данной статьи является выявление основных трендов влияния цифровой инклюзии на процесс политической социализации старшеклассников. Неконвенциональная политическая активность школьников в последние годы усилила интерес ученых к исследованию политической социализации детей и подростков, а также факторов, влияющих на данный процесс и его результаты. Эмпирическую базу составили материалы авторского исследования старшеклассников г. Краснодара (анкетный опрос и экспертные сессии), а также материалы социологических исследований других авторов. Уровень включенности в политическую жизнь граждан и конструктивный опыт гражданских и политических практик в цифровом обществе в значительной степени зависит от актуализированного набора цифровых компетенций граждан. Максимальное влияние цифровая инклюзия оказывает на политическую социализацию поколения Z, чья первичная социализация пришлась на цифровую эпоху. Уровень вовлеченности краснодарских старшеклассников в цифровую коммуникацию оценивается как средний и высокий, а уровень цифровых компетенций как средний и низкий. Авторы определили такие векторы влияния цифровой инклюзии на политическую социализацию школьников, как: движение от последовательности «пяти переходов» молодежи к их наложению и связанные с этим проблемы управления многозадачностью конструирования идентичностей; изменение конфигурации агентов политической социализации от иерархической к гибридной и появление групп молодежи, находящихся вне пределов влияния традиционных агентов социализации; возрастание роли цифровых медиаперсон в формировании политических взглядов подростков; развитие цифровых технологий формирования политической и гражданской идентичности.

Ключевые слова: цифровое общество, цифровая инклюзия, поколение Z, политическая социализация, агенты социализации

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Морозова, Елена Васильевна (автор для корреспонденции)	E-mail: morozova_e@inbox.ru Доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления
Мирошниченко, Инна Валерьевна	E-mail: rector@kubsu.ru Доктор политических наук, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления
Шпиро, Лаура Артуровна	E-mail: rector@kubsu.ru Ассистент кафедры государственной политики и государственного управления

Финансирование: РФФИ и ЭИСИ, проект № 20-011-33041 «Жизненные ценности и гражданская идентичность старшеклассников».

Для цитирования: Морозова Е. В., Мирошниченко И. В., Шпиро Л. А. Цифровая инклюзия как фактор политической социализации старшеклассников // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 4. С. 378-391.

Введение

В современной социально-гуманитарной науке сложились системные представления о принципиально новом цивилизационном этапе развития общества, в котором все процессы и свойства приобретают нелинейный, сетевой характер. Источником таких изменений являются информационно-коммуникативные технологии, которые влияют на морфологию социального пространства [1], представленную сетевыми структурами, ресурсами и сообществами, на характер коммуникации в сетевом ландшафте нового социального пространства и его социокультурные основания (ценностные матрицы сетевого общества, механизмы формирования идентичностей, характер социализации, поведенческие практики индивидуальных, групповых и коллективных акторов в различных сферах жизни). Стремительная трансформация общества под воздействием цифровизации и сетевизации [2] формирует принципиально новое генеративное пространство, ускоряет рост разнообразия социальной организации, одновременно увеличивая ее чувствительность к изменениям [3].

Сетевые структуры и цифровой контент способствуют формированию групповых и коллективных представлений об общественно значимых для конкретных пользователей, сообществ, региона и страны в целом проблемах, оцениванию их значимости, определению императивов социальной деятельности граждан, формированию основания (в том числе и ценностного порядка) для солидарных действий граждан (гражданских практик) в определенной сфере. Уровень политических ориентаций отражает представления участников индивидуальных пользователей и сетевых сообществ о политической жизни и их оценку политической действительности, а также готовность участников к различным формам политических действий, как в цифровом, так и в реальном пространстве¹.

Как полагают В.В. Лапкин и И.С. Семененко, «в этой новой пространственно-временной реальности формируются принципиально иные, неизвестные предшествующим эпохам механизмы социализации, иные, обезличенные методы социального контроля и дисциплинирования» [6, с. 66].

Механизмом, обеспечивающим подключение человека к новой социальной системе, его адаптацию к сетевым изменениям через обучение онлайн-жизни и формирование способностей и мотивации к различным видам деятельности в цифровом пространстве, является процесс цифровой социализации. По мнению Г.У. Солдатовой, цифровая социализация определяется как процесс освоения индивидом социального опыта посредством цифровых технологий, реализации полученных знаний, умений в офлайн/онлайн-среде, в ходе которых конструируется цифровая личность [7].

Успешность цифровой социализации в индивидуальном, групповом или коллективном срезе может определяться уровнем цифровой инклюзии. Термин «цифровая инклюзия» доминирует в зарубежном научном дискурсе и характеризует степень включенности конкретных социальных групп в технологическую

¹ Авторы исследовали изменение субъективного пространства политики в сетевом обществе и обобщили результаты в ряде публикаций [4; 5].

инфраструктуру, обеспечивающую доступ к Интернету; освоение цифровых компетенций гражданами и личную мотивацию пользователей к обретению цифровых компетенций (различия в навыках онлайн-пользователей); дифференциацию эффективности и результативности использования цифровых технологий для различных целей граждан (приобретаемые выгоды и результаты, получаемые пользователями в профессиональной, социальной, экономической, культурной и политической сферах деятельности) [8].

В широком смысле цифровая инклюзия представляет собой социальную инклюзию в цифровом обществе, которая обеспечивает преодоление неравенства и цифровой изоляции граждан. Таким образом, успешная цифровая социализация завершается цифровой инклюзией, а последняя является важным фактором всех видов социализации, в том числе политической, в цифровом обществе.

Методология и методика исследования

Существует ряд подходов к определению понятия «поколение», но значительное влияние среди исследователей получила теория поколений, предложенная американскими учеными Н. Хоувом и У. Штраусом [9], которая соотносит границы поколений с процессом развития информационных технологий. В возрастные рамки современной молодежи входят представители двух поколений по типологии Хоува и Штрауса. Поколение Y, или поколение миллениалов (18–35 лет), чья первичная социализация пришлось уже на постсоветскую эпоху, и поколение Z (14–18 лет) – первое поколение, сформировавшееся в цифровую эпоху, родившееся с «гаджетами в руках». Интернет для них – естественная среда, а умение работать с цифровыми технологиями – повседневная практика. Специалисты собирательно [10, с.14] называют их цифровым поколением, полагая, что представители этого поколения составляют более 40 процентов населения современной России.

В. В. Радаев предлагает свою хронологию смены поколений в современной России, автор полагает, что в 2000-е годы российское общество пережило перелом, связанный со сменой поколений, который можно охарактеризовать как вторую волну фундаментальных социальных изменений, являющихся в значительной мере наследием постсоветских политических и экономических реформ 1980–1990-х годов. «Понадобился определенный временной лаг, чтобы более молодые поколения, вошедшие в новую жизнь без старого багажа, повзрослели и, освоив новые цифровые и сетевые технологии, начали деятельно воспроизводить новые практики, делая социальные сдвиги необратимыми» [11, с.30].

Важным для данного исследования представляется концепция «пяти переходов» развития молодого поколения, предложенная И. Фроймин [12], позволившая оценить специфику переходов у представителей цифрового поколения.

В данной статье представлена интерпретация материалов эмпирического исследования, проведенного в первом полугодии 2020–2021 учебного года. Методами исследования выступили анкетный опрос и экспертные сессии. Выборка составила 264 старшеклассника (45% мальчиков и 55% девочек) четырёх краснодарских школ

разных типов (гуманитарная гимназия № 36, казачья школа № 8, физико-математический лицей № 48, и средняя общеобразовательная школа № 71). Только 46% старшеклассников выросли в семьях коренных краснодарцев, остальные приехали с родителями из разных регионов страны и районов края (по трети приезжих прибыли из регионов Сибири и Дальнего Востока, и муниципалитетов Краснодарского края, 15% – из регионов Юга России и Северного Кавказа). Один из блоков вопросов связан с включенностью старшеклассников в процессы цифровизации. Данные обрабатывались с помощью программы Statistica 6.0. Ответы на открытые вопросы анализировались с помощью качественного контент-анализа. Для верификации данных, полученных в результате анкетирования, были проведены четыре экспертных сессии (с руководителями и сотрудниками государственных органов по работе с молодежью; с директорами школ; с преподавателями истории и обществознания; с представителями школьного самоуправления и молодежных организаций).

Авторы использовали данные исследования «Российское поколение Z», проведенного российскими социологами и Фондом Фридриха Эберта по методике “FES Youth Studies” [13], а также эмпирические данные, полученные в ходе многолетних исследований цифровой компетентности молодежи Г.У. Солдатовой [7; 10], данные «Института общественного мнения» и «Медиалогии» о популярности политических видеоблогеров.

Цифровая инклюзия и успешность социализации

Цифровая инклюзия предполагает не только обеспечение доступа к новым технологиям, акцентуацию на технологических навыках, но и расширение социально-экономических прав, возможностей, социальное участие, умение продуцировать смыслы в цифровой среде [14, р. 635].

Цифровая инклюзия в современных условиях изменяет процесс, а также результаты политической социализации как неотделимой части социализации в целом, «представляющим человеку социальную адаптацию, интериоризацию и интеграцию» [15, с.89]. В традиционных подходах к политической социализации, данный процесс рассматривается как интериоризация человеком социальных ценностей, освоение политических ролей, формирование гражданских качеств и политических навыков, а также приобретение политического опыта. При этом осуществление процесса политической социализации, по мнению А.В. Мельникова, может осуществляться двумя путями: «передачей юным поколениям устоявшихся образцов политического сознания и поведения ... и приобретением новых ранее неизвестных политических знаний, а также усвоением отличного от прежнего политического опыта» [16, с.202]. Вторая траектория политической социализации непосредственно связана с усилением роли социальных медиа и сетевых структур как агентов политической социализации, с формированием нового типа политической культуры, гражданских и политических практик.

В условиях цифровизации онлайн-пространство становится продолжением физического пространства, в котором одновременно сосуществует множество культурных матриц. «Подростки воспринимают Интернет не как набор технологий, а как среду обитания, это полноценная часть их повседневной жизни,

они давно живут на два мира: реальный и цифровой» [10, с.18]. Здесь изменения происходят в 3–4 раза интенсивнее, чем в любой другой сфере, что также влияет на скорость и пересечения «пяти переходов». Это приводит к совершенно новой социальной ситуации развития и, предполагаем, к аномии нового типа, связанной не только со сломом прежних социальных отношений, но и с ситуацией одномоментного нахождения в разных социальных пространствах, с разными ценностными приоритетами. Как показало исследование жизненных ценностей краснодарских старшеклассников¹, большинство из них формулирует свои ценности-цели в инструментальном ключе, апеллируя к понятию цели («Упал, вставай, иди!», «Не отступать, а напролом», «Нет ничего невозможного», «Не унывать и никого не бояться»), но не фиксируя ценностного наполнения этой цели. Это совпадает с выводом, к которому пришли исследователи компетентного выбора молодежи в условиях цифровизации: «В среде российской молодежи явно очерчена стратегия прагматизма и максимальной эффективности. Об этом свидетельствует максимальное число взаимосвязей с анализируемыми параметрами такой надпрофессиональной компетенции, как «Умение анализировать ситуацию и выработать эффективные решения» [17, с.99]. Мы полагаем, что этот специфический ценностный вакуум может сделать старшеклассников (а многие уже в сентябре 2021 года стали избирателями) относительно легкой добычей популистских политических сил.

Важно, что уровень включенности в политическую жизнь граждан и конструктивный опыт гражданских и политических практик зависит от актуализированного набора цифровых компетенций граждан.

Выдвинутая М. Пренски теория «цифровых аборигенов» и «цифровых мигрантов» [18] в последнее время подвергается обоснованной критике. Г. У. Солдатова приводит результат исследований А. Кутрополоса [10, с.71], который пришел к выводу, что «цифровые аборигены» – это узкая прослойка нового поколения, это пассивные пользователи, которые обладают только базовыми пользовательскими навыками, испытывают трудности при столкновении с новыми задачами и не стремятся к интеграции неформального персонального интернет-пространства с классным или школьным. Об искусственности деления пользователей на аборигенов и мигрантов написал, исходя из своей практики, Марк Скотт, учитель информатики и администраторов сети в одной из британских школ. Опубликованная в его блоге статья «Дети не умеют пользоваться компьютерами. И вот почему это должно нас беспокоить» получила широкую известность [10, с. 71]. Сегодня остро стоит проблема повышения уровня цифрового компетентности поколения Z, формирования у них новых социальных практик и компетенций, позволяющих использовать возможности сети для саморазвития и самореализации, а также умения нейтрализовать риски и угрозы. Чем выше уровень цифровой инклюзии, тем чаще дети и подростки сталкиваются с интернет-рисками [19, с.92].

¹ Школьникам предложили сформулировать свой жизненный девиз, ответы были классифицированы на 4 группы: альтруистические, эгоистические, инструментальные и неопределенные.

Цифровую инклюзию подростков можно выразить некоторыми количественными характеристиками. По данным исследования «Российское поколение Z», среди российской молодежи очевиден цифровой поворот (сдвиг). 95% имеют доступ к интернету, 84% получают информацию о политике через интернет, 50 % используют информацию из телевидения, но только как дополняющую сетевую [13, с. 6]. Результаты исследований, проводимых в Европе и США, показывают, что до 80 % информации, получаемой детьми к 11-летнему возрасту, воспринимается ими из электронных источников вне взаимодействия со взрослыми в реальной жизни и стен школьного класса. [10, с.62]. По данным Г. У. Солдатовой, за семь лет доля школьников, ежедневно проводящих в среднем более 5 часов в Сети, выросла почти в семь раз. В 2009 году таких детей было 8%, в 2016 – 52 %. Около 90 процентов подростков не только ежедневно пользуются интернетом, но и отдают ему в среднем 3 часа в сутки. Автором выделено три уровня интенсивности: низкий – 1 час в день– 10 % опрошенных; средний – 3 часа в день – 76 %; высокий – 8 часов и более – 14 % [10, с.15-16].

По результатам проведенного нами эмпирического исследования выявлено, что все участвовавшие в опросе краснодарские школьники ежедневно заходят в сеть, причем 51,1% опрошенных проводят во всемирной паутине 3 и более часа, а 17,8% проводят в Интернете всё свободное время. Таким образом, старшеклассники регионального центра демонстрируют тот же уровень интенсивности пользования интернетом, который был выявлен в общероссийском опросе: 69% из них находятся на среднем и высоком уровне интенсивности пользования Сетью. Что касается оснащенности цифровыми устройствами для выхода в сеть, то среди опрошенных нами краснодарских старшеклассников только у 18,9% есть персональный компьютер, а у 23,5% опрошенных – ноутбук. Большинство респондентов (65,1%) пользуются смартфонами или планшетами¹. В то же время уровень владения цифровыми технологиями, позволяющими расширять свои социальные возможности, увеличивать человеческий капитал, можно охарактеризовать как средний и низкий. Доминирующими видами деятельности в Интернете у старшеклассников являются поиск полезной информации (88,6%), общение в мессенджерах (88,3%) (самые распространенные из которых – «WhatsApp» и «Telegram»), использование в развлекательных целях (игры, просмотр кино и сериалов) (86,4%). Популярными также являются покупки товаров и услуг через Интернет (82,2%), межличностные коммуникации (звонки и обмен мгновенными сообщениями) (78%), пользование социальными сетями (77,3%), самыми популярными среди которых являются «ВКонтакте» (53,8% опрошенных), «Instagram» (36,4% опрошенных), «Twitter» (17,8% опрошенных). Дефицит умений и навыков особенно рельефно проявился в условиях перехода на онлайн обучение в период эпидемии коронавирусной инфекции.

¹ Отметим, что анализ инфраструктурной обеспеченности школ, проведенный Министерства просвещения РФ совместно с Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ показал, что соответствующими возможностями в домашних условиях (наличие специально оборудованного учебного места, персональный компьютер (ноутбук) с доступом к сети Интернет) обладают не более 25% обучающихся в школах. А методические рекомендации Министерства просвещения РФ по организации дистанционного обучения запрещают использование смартфонов при онлайн-обучении.

В большинстве школ формат работы во время онлайн-уроков сводился к типичному выполнению заданий и дальнейшей пересылке их учителю: «Саму работу выполняли на бумаге, то есть переписывали, делали фото и отправляли преподавателю».

Полученные Г.У. Солдатовой результаты указывают на то, что для российских подростков и их родителей в целом характерно необоснованно оптимистическое и упрощенное представление об Интернете, завышенная оценка собственной цифровой компетентности, довольно низкая мотивация к ее повышению [10, с.345-346]. Каждый шестой из опрошенных нами краснодарских подростков при ответе на вопрос об уровне владения цифровыми технологиями выбрал ответ: «я уверен, что мои знания в области цифровых технологий развиты очень хорошо и не требуют совершенствования», а 45 % респондентов полагают, что у них «редко находится время для совершенствования своих навыков применения цифровых технологий», лишь треть опрошенных используют различные ресурсы и программы, чтобы улучшить свои цифровые навыки.

Векторы влияния цифровой инклюзии на политическую социализацию старшекласников

Наложение «пяти переходов» развития молодого поколения. Согласно концепции «пяти переходов» развития молодого поколения [12], в жизни каждого представителя молодого поколения существует пять ключевых моментов, которые влияют на его дальнейшую жизнь – это «продолжение учебы», «начало трудовой деятельности», «усвоение навыков здоровой жизни», «создание семьи», «осуществление гражданской позиции». Качество и успешность данных переходов способствует формированию основополагающего человеческого капитала, т.е. возможности стать эффективными специалистами в профессии, главами семей, гражданами, лидерами общества и т.д. В период цифровой трансформации общества «переходы», осуществляемые молодым поколением в прежние времена преимущественно последовательно (в редком случае происходило наложение нескольких «переходов»), стали накладываться друг на друга. Высокий уровень развития цифровых компетенций, их когнитивный (умение решать проблемы, критическое мышление), социально-поведенческий (навыки межличностного общения, готовность к сотрудничеству и умение сопереживать, способность к адаптации) эффекты [20, с. 4] позволяют молодежи успешно выполнять разные роли: учиться в школе или вузе, работать по совместительству или открыть собственное предпринимательское дело, обзавестись семьей и осуществлять добровольческую деятельность, быть избранным в органы местного или молодежного самоуправления. Цифровая инклюзия молодежи не только помогает им приобретать, совершенствовать и использовать свои умения и навыки во всех сферах жизни, но обеспечивает успешность их переходов в условиях их наложения и сжатия. Социальные сети открывают новые возможности для самоидентификации и формирования новых идентичностей, приобретения новых контактов, друзей, партнеров, обретения и позиционирования собственных

хобби и продвижения собственного дела, демонстрации гражданской и политической позиции, создания на их основе новых солидарностей или интеграция в уже существующие гражданские/политические сообщества). Цифровая среда становится пространством инвестирования в человеческий капитал молодежи, а цифровая инклюзия – механизмом инвестирования, обеспечивающим успешность человека в реализации своих стратегий в различных сферах жизни - экономической, культурной, социальной, политической). С одной стороны, оперативное и разнообразное потребление источников информации через Интернет-среду открывает перед молодежью весь спектр потенциальных возможностей для их реализации, с другой – недостаточный уровень когнитивных навыков, основанных на цифровой грамотности, может вести к непродуманным, спонтанным решениям – будь то решения из сферы финансов или поддержка новой политической партии.

Изменение структуры агентов социализации. В научном дискурсе присутствуют утверждения о том, что «на смену иерархической структуре, где ключевыми агентами социализации выступают институт семьи, школы, традиционные СМИ, приходит сетевая модель с присущими ей нелинейными и неиерархическими процессами» [15, с.88]. Не отрицая сам процесс деиерархизации агентов политической социализации, выразим сомнение в том, что сетевая модель уже сложилась или даже приходит на смену традиционной. Полагаем, что конфигурация агентов социализации носит гибридный характер, а сам тип конфигурации не является единым для России с ее региональным разнообразием. Краснодарские школьники высоко оценили роль Интернета в формировании гражданских качеств молодежи – 7,9 по 10-балльной шкале, но роль семьи оценена выше – 8,5; друзей практически так же – 7,7; школы – 6,5; художественной культуры – 5,4; СМИ – 5,3; общественных организаций – 4,4; политических партий – 3,9. Вероятно, в других регионах конфигурация будет складываться иначе, и совсем по-другому она будет выглядеть в Москве.

Особенности конфигурации гибридной модели будут определять и образ жизни, и социальные практики различных групп молодежи. К примеру, мы наблюдаем рост слоя молодежи, который называют НЕЕТ-поколением (“Not in Employment, Education or Training”). Это экономически неактивная молодежь в возрасте 15–29 лет, которая не учится, не охвачена профессиональной подготовкой и пассивно потребляет имеющиеся в семье ресурсы [21, с.23]. Этот слой, а он довольно многочисленный¹, погружен в основном в стихийные процессы политической социализации и находится вне пределов досягаемости ее традиционных агентов, роль Интернета и его сетевых сообществ для НЕЕТ-поколения является исключительной.

Возрастающая роль цифровых медиаперсон в политической социализации старшеклассников. В нашем исследовании старшеклассникам предложили назвать людей, которых они считают истинными гражданами России. Некоторые ответы были ожидаемы, школьники называли имена политиков федераль-

¹ По оценкам каждый шестой молодой человек в возрасте 20-29 лет в России не имеет работы и не учится [21, с. 23].

ного и регионального уровня (Президент России В.В. Путин, министр иностранных дел С. Лавров, губернатор Краснодарского края В. Кондратьев), известных бизнесменов (С.Н. Галицкий) и деятелей культуры (В. Захарченко). Но часть представителей поколения Z увидели образцы гражданственности в блогерах И. Варламове, Ю. Дуде, М. Каце, Е. Шульман. Вопреки стереотипным представлениям о том, что подростки интересуются в основном развлекательным контентом в Интернете, мы видим возрастающий интерес к блогам социально-политической направленности. По данным портала «Институт общественного мнения»¹ из 1258 жителей России (25% из которых молодые люди от 18 до 30 лет) 28 % респондентов интересуются политическими блогами. Наибольшую популярность имеют именно видеоблоги, ими интересуются 77% опрошенных. Половина опрошенных просматривает блоги ежедневно, 56 %, доверяют информации, полученной в блогах, так как считают блогеров независимыми в своих суждениях и высказываниях.

Канал Юрий Дудя² по статистике ресурса «Медialogия»³ входит в топ-10 каналов YouTube за 2020 год. Количество подписчиков на его канале превышает 9 млн человек. *«Он ближе к нам, он разговаривает как мы, он ведет себя абсолютно нормально, он приземленный. Он обычный русский»⁴. «Он приглашает очень много людей, очень много экспертов, признанных и на государственном уровне. Он предоставляет разные точки зрения, поэтому ему можно доверять. Плюс, как мне кажется, у него нет интереса сказать неправду, соврать и т. д.» «Он один из лучших контентмейкеров. Он создает очень качественный материал: по картинке, по наполняемости, по спецэффектам. Он подкупает своей свободой».*

С блогером политолога Екатерины Шульман⁵ знакомы 25% опрошенных, а степень доверия данному блогеру также высока. Это связано с профессионализмом Екатерины, ее опытом деятельности в данной сфере и уважением к ней со стороны высокопоставленных лиц. *«Её уважает огромное количество людей из высших эшелонов власти. При мне к ней подошел Собянин и общался с ней, хотя она высказывает достаточно оппозиционные взгляды».* *«Как бы человек к ней не отнесся, но с её мнением надо считаться, она профессионал, она что-то в этом понимает».*

Разделяем мнение Л.В. Ивановой о том, что политические блоги становятся механизмом коллективной сетевой дискуссии, создают условия для соревновательных и конкурентных мнений и взглядов на процессы управления, решения и изменения в стране [22], а для цифрового поколения они становятся важным инструментом политической социализации, позволяя формировать ценностные ориентации и модели политического поведения и избегая «эффекта

¹Институт общественного мнения. «Россияне – о блогах и блогерах»: сайт. [2018]. URL: <https://iom.anketolog.ru/2018/06/13/rossiyane-o-blogah> (дата обращения: 29.02.2020).

²YouTube-канал «вДудь»: сайт. [2021]. URL: https://www.youtube.com/channel/UCMCgOm8GZkHp8zJ617_hluA (дата обращения: 9.06.21).

³Топ-20 каналов в YouTube– 2020: сайт. [2021]. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/socmedia/youtube/8036/> (дата обращения: 19.06.21).

⁴Использованы фрагменты интервью, проведенные студенткой факультета управления и психологии КубГУ В.Цукановой в марте-апреле 2021 года.

⁵YouTube-канал «Екатерина Шульман»: сайт. [2021]. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCL1rJ0ROlw9V1qFeIN0ZTZQ> (дата обращения: 19.06.21).

навязанности». Таким образом, мы наблюдаем развитие тенденции, отмеченной исследователями несколько лет назад – «в политическом процессе наряду с государством-нацией и функционирующими в поле публичной политики институтами уже прочно утвердились и продолжают утверждаться акторы разного уровня и степени субъектности (agency)» [6, с.67]. В цифровом обществе такая разноуровневая и разноплановая субъектность претендует на самостоятельность и трансформирует «неполитическое» в политическое.

Цифровые механизмы формирования политической и гражданской идентичностей. Мы наблюдаем преодоление «цифрового дуализма» (разделения цифровой и физической реальности): анонимность и связанные с ней игры с идентичностью теряют свою актуальность, реальная идентичность практически сращивается с виртуальной, превращаясь в единый цифровой профиль личности. В то же время, по данным исследования «Дети России онлайн» почти треть опрошенных детей признались, что хотя бы раз представлялись в сети другим человеком. Деиндивидуализация приводит к снижению чувства ответственности за свои действия, следствием чего может стать антиобщественное поведение в онлайн. [10, с.42-48]. Заметной тенденцией стало распространение (а в некоторых случаях преобладание) визуализированных или синтетических (таких как мем) форм политической идентификации. Л. А. Фадеева указывает и на появление такого явления как сетевой нарциссизм [23, с. 238]. Как заметил З. Бауман, «большинство людей используют социальные медиа не для того, чтобы объединиться или расширить горизонты, а, напротив, чтобы ограничить себя комфортной зоной, где единственные звуки, которые они слышат, это эхо их собственного голоса» [24].

Происходит противоречивое переплетение позитивных и негативных эффектов влияния цифровизации на процессы формирования политической и гражданской идентичности. С одной стороны, наблюдается формирование в сетевом взаимодействии компетенций, востребованных современной реальностью – эмоционального интеллекта, коллективной креативности, адаптивности, открытости. С другой стороны, возникает опасность кластеризации людей по различным признакам, создания индивидуальных социальных рейтингов (по типу китайского эксперимента), упрощения речи и неспособности составить связный текст; «информационной булимии» и др. Нарастание негативных эффектов породило движение «цифрового детокса» – сознательного отказа от использования гаджетов и игнорирование социальных сетей на определенный срок.

Источники информации: интернет вне конкуренции. По данным исследования «Цифровое поколение России» [13, с.48], основные источники информации о политических событиях таковы: интернет - 84%, телевидение – 50%, социальные медиа -26%, общение с друзьями – 19%, общение с родными – 18%, радио – 9%, газеты – 5%. Очевидно, что самым значимым для них источником информации школьники называют Интернет (8,6 по 10-балльной шкале), следующую позицию разделяют личные коммуникации со сверстниками и друзьями (7,7 по 10-балльной шкале), а также с учителями и родителями (7,4 по 10-балльной шкале). Что касается традиционных СМИ, то телевидение как источник инфор-

мации для школьников является не актуальным (3 по 10-балльной шкале), выбор радио и газет (1,4 и 1 по 10-балльной шкале соответственно) занимает низшую ступень. Данные по значимости источников информации для школьников отражены на рис. 1.

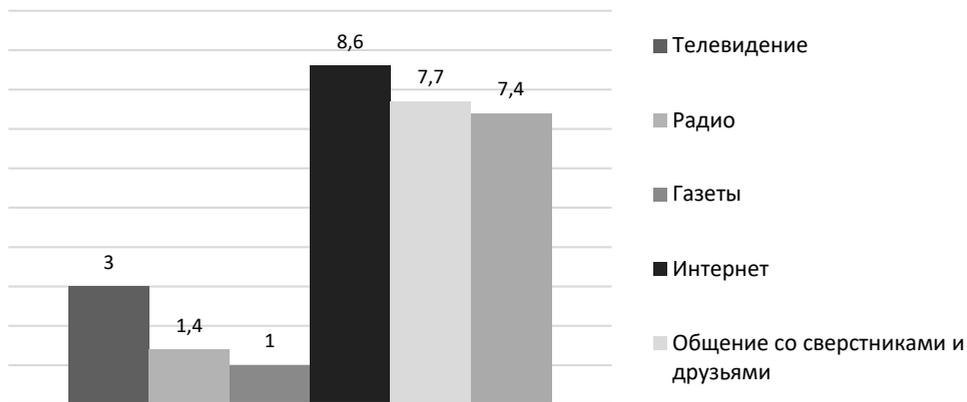

Рисунок 1. Значимость источников информации для старшеклассников г. Краснодара (10-балльная шкала, средний показатель от количества опрошенных)

Говоря об Интернете как важнейшем источнике информации отметим, что полностью доверяют информации, публикуемой в цифровом пространстве, только 1,1% школьников, скорее доверяют – 56,1%, скорее не доверяют – 25%, не доверяют вовсе – 4,5%. Таким образом, безоговорочного доверия сетевой информации у старшеклассников нет, в то же время уровень доверия этой информации выше, чем той, которая получена из традиционных СМИ.

Заключение

Максимальное влияние цифровая инклюзия оказывает на политическую социализацию поколения Z, чья первичная социализация пришлась на цифровую эпоху. По результатам эмпирического исследования уровень вовлеченности краснодарских старшеклассников в цифровую коммуникацию оценивается как средний и высокий, а уровень цифровых компетенций как средний и низкий. При этом школьникам свойственны оптимистическое и упрощенное представление об Интернете, завышенная оценка собственной цифровой компетентности, довольно низкая мотивация к ее повышению. Основными векторами влияния цифровой инклюзии на политическую социализацию школьников являются движение от последовательности «пяти переходов» молодежи к их наложению и связанные с этим проблемы управления многозадачностью конструирования идентичностей. По мере включения в цифровые практики происходит изменение конфигурации агентов политической социализации от иерархической к гибридной. Появляются группы молодежи, находящиеся вне пределов влияния

традиционных агентов социализации; значительно возрастает роль цифровых медиаперсон в формировании политических взглядов подростков.

Ссылки / References

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
2. Лазар М. Г. Цифровизация общества, её последствия и контроль над населением // Проблемы деятельности учёных и научных коллективов. 2018. № 4 (34). С. 170–181.
3. Асмолов Г. А., Асмолов А. Г. Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 3–28.
4. Рябченко Н. А., Мирошниченко И. В., Гнедаш А. А. От «квазикритики власти» к дискурсу «соучастия и развития»: общественная повестка дня в социальных сетях Рунета (практики сетевых сообществ) // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Том 21, № 3. С. 20–36. DOI: 10.31429/26190567-21-3-20-36
5. Плотицкина Н. В., Морозова Е. В., Мирошниченко И. В. Цифровые технологии: политика расширения доступности и развития навыков использования в Европе и России // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Том 64, № 4. С. 70–83. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-4-70-83
6. Лапкин В. В., Семенов И. С. «Человек политический» перед вызовами «infomodernity» // Полис. Политические исследования. 2013. № 6. С. 64–81.
7. Солдатова Г. У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Том 9, № 3. С. 71–80. DOI: 10.17759/sps.2018090308
8. Van Deursen A. J. A. M., Helsper E., Eynon R., van Dijk J. A. G. M. The Compoundness and Sequentiality of Digital Inequality // International Journal of Communication. 2017. № 11. P. 452–473.
9. Howe N., Strauss W. The Next 20 Years: How Customer and Workforce Attitudes Will Evolve // Harvard Business Review. 2007. Vol. 85, № 7-8. P. 47–52.
10. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.
11. Радаев В. В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. 224 с.
12. Froumin I. D. Socio-Economic Development and the Next Generation: Five Transitions // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2012. № 5. P. 1534–1541.
13. Kochergina E., Gudkov L., Zorkaya N., Pipiya K., Ryseva A. Russia's 'Generation Z': Attitudes and Values, 2019/2020. Moscow: Friedrich-Ebert-Stiftung Publ., 2020. 144 p.
14. Al-Muwil A., Weerakkody V., El-haddadeh R., Dwivedi Y. Balancing Digital-By-Default with Inclusion: A Study of the Factors Influencing E-Inclusion in the UK // Information Systems Frontiers. 2019. № 21. P. 635–659.

15. Малькевич А.А. Социальные сети как фактор политической социализации молодежи: от иерархии к сетевой модели // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2019. №6. С. 88–97.
16. Мельников А. В. Эффективная модель политической социализации молодежи // Власть. 2016. Том 24, № 3. С. 201–204.
17. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Пырма Р. В., Сняжков А. В., Азаров А. А. Взаимосвязь ценностного и компетентностного выбора молодежи в условиях цифровизации: результаты всероссийского исследования (2018 г.) // Ценности и смыслы. 2019. № 2 (60). С. 76–104. DOI: 10.24411/2071-6427-2019-10057
18. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. 2001. Vol. 9, № 5. October.
19. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Сняжков А. В. «Цифровое детство»: риски интернет-коммуникации школьников, их родителей и учителей (по материалам прикладного исследования в Ставропольском крае, 2020 г.) // Власть. 2020. № 5. С. 86–94. DOI: 10.31171/vlast.v28i5.7577
20. Всемирный банк. Доклад о мировом развитии 2019 «Изменение характера труда». Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк, 2019. 152 с. DOI:10.1596/978-1-4648-1328-3
21. Беляева Л. А. Российская молодежь в эпоху перемен структурные изменения и новые вызовы политической социализации // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 17–27. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-10-17-27
22. Иванова Л. В. К вопросу о кризисе критического мышления в дискурсе политической блогосферы // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 1 (35). С. 102–111.
23. Фадеева Л.А. Сетевая идентичность // Идентичность: Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание / Под ред. И. С. Семененко. М.: Весь мир, 2017. С. 235–240.
24. De Querol R. Zygmunt Bauman: “Social Media Are a Trap” // El Pais: сайт. [2016. 25.01]. URL: https://english.elpais.com/elpais/2016/01/19/inenglish/1453208692_424660.html (дата обращения: 20.07.2021).

Theoretical and methodological approaches of visual sociology in the study of gender

E. V. Bushkova-Shiklina¹, K. I. Odegova¹

¹Vyatka State University, 36 Moscovskaya str., Kirov 610000, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-4-392-401

Research Article
Full text in Russian

One way to comprehend social reality is to watch animation films and animation series that broadcast gender models. In connection with the changes taking place in modern ideas about gender, it will be relevant to study gender roles that function in modern animation cinema. The purpose of the article is to study the theoretical and methodological approaches of visual sociology, used in the study of gender, for further selection of the most optimal methods in the study of gender models broadcast in modern animation cinema. Based on the system-analytical method, an overview of the degree of development of the problems of visual analysis of gender is made; the definitions of the concept of "gender" are considered. The authors believe that the most relevant will be the understanding of gender as a system of sociocultural norms constructed by society, which represent a number of characteristics and can be fixed by the methods of visual sociology. The main approaches of visual sociology are systematized: psychoanalytic, socio-critical, deconstructionist, hermeneutic, semiotic, (post)structuralist and discursive. The most correct methods of visual analysis in the study of gender (video surveillance, photo and video interviews, content analysis) have been substantiated. The authors conclude that for a qualitative analysis of gender problems in animated cinema, it is necessary to use classical methods of visual sociology in combination with additional methods of sociology (hermeneutic analysis, semiotic interpretation, focus groups).

Keywords: theoretical and methodological approaches, visual sociology, visual culture, visual methods, gender, animation cinematography

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bushkova-Shiklina, Elvira V. | E-mail: elvira_bsh@mail.ru
(correspondence author) | Doc. Sc. (Sociology), Associate Professor

Odegova, Ksenia I. | E-mail: NakatsuSobi@yandex.ru
| Graduate student

For citation: Bushkova-Shiklina E. V., Odegova K. I. Theoretical and methodological approaches of visual sociology in the study of gender // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2021. Vol. 7, No 4. P. 392-401. (in Russ.)

Теоретико-методологические подходы визуальной социологии в изучении гендера

Э. В. Бушкова-Шиклина¹, К. И. Одегова¹

¹Вятский государственный университет, ул. Московская, 36, Киров, 610000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-4-392-401
УДК 316.1

Научная статья
Полный текст на русском языке

Одно из следствий современной социальной динамики – трансформация социально-ролевого портрета представителей различных страт, в частности, гендерных моделей поведения. Это находит отражение в массовой культуре, в том числе анимационных фильмах и сериалах. Целью статьи явилось изучение теоретико-методологических подходов и методов визуальной социологии, применяемых в исследовании гендерных моделей, транслируемых в современном анимационном кинематографе. На основе системно-аналитического метода сделан обзор степени разработанности проблем визуального анализа гендера, рассмотрены дефиниции понятия «гендер». Авторы считают, что наиболее актуальным будет понимание гендера как системы социокультурных норм, конструируемых обществом, которые представляют собой ряд характеристик и могут быть зафиксированы методами визуальной социологии. Систематизированы основные подходы визуальной социологии: психоаналитический, социально-критический, деконструкционистский, герменевтический, семиотический, (пост)структуралистский и дискурсивный. Обоснованы наиболее корректные методики визуального анализа в исследовании гендера (видеонаблюдение, фото- и видеointerview, контент-анализ). Авторами делается вывод о том, что для качественного анализа проблем гендера в анимационном кинематографе необходимо использовать классические методы визуальной социологии в сочетании с дополнительными приемами (герменевтический анализ, семиотическая интерпретация и пр.).

Ключевые слова: визуальная социология, визуальные методы, гендер, гендерные роли, гендерная репрезентация, анимационный кинематограф

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бушкова-Шиклина, Эльвира Васильевна (автор для корреспонденции)	E-mail: elvira_bsh@mail.ru ORCID: 0000-0003-3929-5240 Кандидат социологических наук, доцент кафедры культурологии, социологии и философии
Одегова, Ксения Игоревна	E-mail: NakatsuSobi@yandex.ru ORCID: 0000-0003-4745-6032 Магистрант II курса кафедры культурологии, социологии и философии

Для цитирования: Бушкова-Шиклина Э. В., Одегова К. И. Теоретико-методологические подходы визуальной социологии в изучении гендера // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 4. С. 392-401.

Введение

Одним из способов постижения социальной действительности является просмотр анимационных фильмов и сериалов, являющихся трансляторами различных моделей поведения, в том числе и гендерных, которые в современном мире начинают меняться в сторону смещения или замещения друг друга, доводя многих людей до кризиса гендерной идентичности [1; 2]. Современному обществу свойственно клиповое мышление, характеризующееся восприятием мира через короткие яркие образы. Отсюда возникает интерес людей к анимационным фильмам и сериалам, отличающимся красочностью образов и разнообразием сюжетов.

Для более глубоко понимания специфики функционирования гендерных ролей в современном анимационном кинематографе был проведен анализ и систематизированы подходы и методы визуальной социологии, которые на сегодняшний день достаточно разнообразны. Общей особенностью данной группы методов и методик является акцент на изображении как способе отражения социальной реальности, что позволяет изучать любые аспекты социальной жизни общества, транслируемые в анимационном кинематографе. Целью статьи является изучение теоретико-методологических подходов визуальной социологии, применяемых в исследовании гендера, для дальнейшего выбора наиболее оптимальных методов при изучении гендерных моделей, транслируемых в современном анимационном кинематографе.

Визуальная социология является достаточно молодым направлением, которое сложно рассматривать как отдельную отрасль, но возможно – как особую «методологию исследования визуальных данных» [3], объектом исследования которой является социальная реальность, транслируемая через изображения и другие визуальные объекты. При этом сами визуальные изображения могут пониматься как механические копии социальной реальности, способы соотнесения человека с определенной группой, методы маркирования социального статуса индивида, средства влияния на сознание, связь со временем, пространством, событиями и отображение представлений о моделях поведения [4].

Визуальная социология как способ социологического познания привлекает к себе внимание многих исследователей. Наиболее авторитетным теоретиком визуальной социологии является П. Штомпка, который занимался визуальным анализом фотографии как способа познания общества [5]. Теоретическими и практическими исследованиями в рамках социологии кино как одного из направлений визуальной социологии занимается М. И. Жабский [6], специализирующийся на отечественном кинематографе. Историей становления и развития визуальной социологии занимаются Л. И. Верховод и О. В. Сергеева, рассматривая также основные идеи и подходы в визуальной социологии [7; 8]. А. М. Дьяконова, Н. Д. Орлов, А. А. Коржавина, В. Р. Кравцова и др. в своих работах раскрывают центральные понятия визуальной социологии и основные подходы к изучению визуальной культуры [4]. В. В. Колодий задает теоретико-методологические основания использования фотографии и других визуальных искусств в изучении общества [9].

В рамках визуальной социологии ряд исследований посвящен проблемам гендера, отраженным в аудиовизуальных видах искусства. Так, в работах Е. Н. Гоголевой, Е. И. Медведевой, К. Расмуссен [10; 11; 12] анализируются современные рекламные видеоролики на предмет отражения в них гендерных стереотипов. Несмотря на то, что исследователями изучается реклама из разных областей (автомобили, спорт) и стандартная телевизионная реклама, транслируемая на одном из федеральных каналов России, все они приходят к выводу, что в современной рекламе сохраняются стереотипные образы мужчины и женщины, в которых первый выступает как сильный и умный герой, вторая – как мягкая, сексуальная, зависимая.

Исследования функционирования гендерных ролей в игровом кинематографе представлены работами К. Вальдеррама-Бургос, Б. Невина и О. В. Рябова [13; 14; 15], в которых внимание акцентируется на женских образах. Б. Невин [16] обратился к фильмам французского режиссера Ж. Ренуара «Правила игры» (1939) и «Золотая карета» (1952), отметив двойственность изображаемых им героев. Так, исследователь считает, что главные героини находятся в угнетении со стороны мужчин (несчастливый брак, активные ухаживания со стороны мужчин), при этом обе занимают активную позицию (общение с бывшим возлюбленным и план побега, отказ от ухаживаний и приоритет профессии). Но, как отмечает Б. Невин, Ж. Ренуару не удалось отразить точки зрения женщин, так как в итоге его героини не меняют свои гендерные роли.

О. В. Рябов [15] анализирует образы женщин в советских фильмах, снятых во время Великой Отечественной войны, которые использовались для утверждения советской идентичности. Исследователь приходит к выводу, что женские образы делились на «своих» (советских женщин, любящих родину, обладающих добротой, состраданием, стойкостью и ненавистью к врагу) и «чужих» (женщин нацистской Германии, неверных русским мужьям и СССР). К. Вальдеррама-Бургос [13] же рассматривает гендерные роли, представленные в современном колумбийском кинематографе, на примере фильмов «Светлячки» (2015) и «Промехи» (2013). Исследователь считает, что два этих фильма, снятые режиссерами-женщинами, меняют представления о традиционных гендерных ролях женщин, выводя гендерные и сексуальные практики из маргинальных в актуальные (лесбиянство, женское сексуальное самоисследование, оргазмы). Таким образом, в игровом кинематографе гендерные роли чаще всего представлены образами женщин, которые функционируют как в традиционном виде (добрая, послушная, сострадательная), так и в новых формах (активная, практикующая иные сексуальные практики).

В рамках анализа репрезентации гендера в аудиовизуальном искусстве есть также работы, посвященные разбору образов в анимационных фильмах разных стран [16; 17; 18]. Однако остаются не рассмотренными вопросы, связанные с транслированием гендерных моделей и стереотипов в анимационном кино, которые можно зафиксировать методами визуальной социологии.

Прежде чем перейти к систематизации методов визуальной социологии, используемых для изучения репрезентации гендера в анимационном кинематографе, операционализируем термин «гендер».

В силу того, что исследования гендера и сам термин появились только во второй половине XX века, вызвав ряд споров о соотношении «пола» и «гендера» [19, с. 8; 20, с. 94], до сих пор сохраняется проблема дефиниции понятия. Так, изначально термин был использован Дж. Мани в 1955 году для различения биологического пола и социальной роли [21]. В конце 1960-х годов термин начинает активно использоваться в научном обиходе, становясь противопоставлением биологическому полу и означая социокультурные и социопсихологические характеристики пола [20, с. 94]. Со временем в социологии возникает несколько подходов к пониманию гендера, в которых он рассматривается как социальная конструкция (К. Уэст, Д. Зиммерман), как стратификационная категория (Г. Г. Силласте, Э. Гидденс), как культурная метафора (Т. Клименкова) [19, с. 9; 20, с. 95].

Поэтому под гендером можно понимать систему социокультурных норм, конструируемых обществом, которым индивиду необходимо следовать в зависимости от его биологического пола. То есть гендер содержит в себе ряд характеристик (визуальных, вербальных, психологических), которые могут быть зафиксированы различными методами, в том числе и методами визуальной социологии.

В рамках гендера обычно принято выделять три типа: маскулинный, фемининный и андрогинный, для которых свойственны определенные характеристики (независимость, напористость, уступчивость, мягкость, адаптивность, добросовестность и т. д.), проявляющиеся в разных сферах жизни человека (отношения, карьера, семья, здоровье и др.). Для визуального анализа наиболее значимы такие наблюдаемые проявления гендера, как действия людей, их мимика, жесты, позы, одежда, прически (волосы), аксессуары, макияж, особенности тела, которые создают общее впечатление о субъекте и раскрывают его глубинные характеристики.

Возможности визуальной социологии в вопросах изучения социальной жизни и гендера как одного из ее проявлений

В социально-гуманитарной науке сложилось *несколько подходов* к изучению визуальной культуры, среди которых Т. В. Вдовина выделяет психоаналитический, социально-критический, деконструкционистский, герменевтический, семиотический, структуралистский и дискурсивный подходы [22, с. 17].

Психоаналитический подход был основан З. Фрейдом, который занимался анализом произведений искусства. Представители этого направления прослеживали связи между визуальными объектами и человеческим сознанием, так как ими было доказано, что человеческое подсознание взаимодействует с сознанием через различные образы. Поэтому объектом внимания в рамках психоаналитического подхода выступали личные травмы, комплексы и подавленные желания авторов, которые отражались в их произведениях.

На основе психоанализа, неомарксизма, постструктурализма и других идей появился *социально-критический подход* (Ч. Миллс, Э. Фромм), представители которого в своих исследованиях рассматривают визуальную репрезентацию раз-

ных рас, гендеров, социальных классов или групп, визуальные проявления определенного социального порядка. Исследователей интересуют вопросы власти, подавления человека и идеологии, проблемы умалчивания и отчуждения, репрезентации и интерпретации.

Благодаря широкой трактовке текста (визуальное изображение как текст) социально-критический подход способствовал появлению *деконструктивизма*, основанного на принципах диалогизма процесса образования смыслов, интертекстуальности (отсылки к другим текстам), отрицания традиционных толкований. Эти принципы дают возможность найти в визуальных изображениях скрытые смыслы, которые могут быть не обнаружены при обычном анализе произведений, что позволяет использовать деконструктивистский подход как дополнительный метод анализа текстов.

Близким подходом к деконструктивизму является *герменевтика* (А. Шюц, Г. Гарфинкель), подразумевающая интерпретацию и понимание текстов, состоящих из определенных знаков, реализующих некую субъективность другого. Используя способность поставить себя на место другого, понять его мотивы и переживания, то есть эмпатию, представители герменевтического подхода конструируют мир невидимых субъективных состояний, раскрывающий смысл произведений [Там же. С. 17–21].

Кодированием и декодированием знаков, содержащихся в изображениях, занимается *семиотический подход* (Р. Барт, У. Эко, М. М. Бахтин), в котором изображение воспринимается как аналог реальности. При этом интерпретация знака зависит от выбранного кода восприятия, который имеет два значения: денотативное (прямое значение, отсылающее нас к реальному субъекту, объекту) и коннотативное (дополнительные семантические или стилистические ассоциации, связанные с культурой).

Представители *(пост)структурализма* (П. Бурдьё, Ж. Деррида, С. Холл) большое внимание уделяли фотографии как одному из средств отражения социально значимой реальности. По их мнению, в момент анализа произведения важно учитывать не только то, что изображено, например, на фотографии, но и место и время его создания, тех, кто его создает, и тех, кто на него будет смотреть. Поэтому в рамках (пост)структурализма большой акцент делается на изучении культурных норм и ценностей, определенных стандартов поведения, отраженных в визуальных произведениях [4, с. 206–210].

В рамках *дискурсивного подхода* поддерживается идея о том, что смысл визуального сообщения может меняться в зависимости от интерпретатора. Поэтому целью дискурсивной интерпретации ставится выяснение смыслов, которыми наделяется визуальное сообщение благодаря аудитории. При этом интерпретация зависит от опыта интерпретаторов, то есть идей, традиций и установок, характерных для этой аудитории [22, с. 24].

Говоря о визуальной культуре как современном явлении, можно согласиться с определением С. Г. Ушкина о том, что она представляет собой знаковую систему, формирующую в сознании индивида определенные стереотипы и образцы поведения [23, с. 203]. Эти образцы могут транслироваться в произведениях живописи, графики, скульптуры, фотографии, кино- и анимационных фильмах и т. д.

На основе перечисленных подходов можно выделить *методы*, применяемые для изучения гендера в источниках визуальной культуры [3]. М. Н. Богданова отмечает, что выделение особых «*визуальных методов*» не оправдывает себя, так как в их основе лежат уже известные традиционные методы социологии: наблюдение, опрос (фото- и видеointервью, фокус-группы) и анализ документов (в частности, контент-анализ). Специфическим же становятся способы реализации данных методов и объекты анализа.

Для метода *наблюдения* фото- и видеоматериал используется как средство фиксации социальной реальности, позволяющее за счет его визуальной фиксированности неоднократно возвращаться к изучаемой проблеме, раскрывая ее новые аспекты.

Метод *фото- и видеointервью* активно используется сегодня как самостоятельный и вспомогательный (партисипативный) метод [24]. При проведении фото- и видеointервью визуальный материал может выступать в качестве стимула для интервьюируемого: в виде автографии, фото-вопроса или фото-отклика [Там же]. Данный метод позволяет узнать значение отснятого материала для респондента, вскрыть глубинные психические особенности человеческой деятельности, определенные комплексы, предрассудки и стереотипы. То есть благодаря методу фото- и видеointервью можно выяснить представления общества о гендерных моделях и стереотипах, которые у них ассоциируются с персонажами из анимационных фильмов.

Дополнительным социологическим методом, который можно применить для изучения транслирования гендера в анимационных фильмах, является *метод фокус-групп*, проводимых на определенную тематику с использованием фотографий или видео (реклама, кинофильмы и анимационные фильмы). Данный метод позволяет сосредоточить внимание респондентов на смысловой стороне визуального материала и социальных, культурных, политических проблемах, заложенных в нем. При изучении гендерных моделей, содержащихся в анимационных фильмах, фокус-группы позволяют сформировать картину общественного мнения по данной проблеме.

Благодаря *контент-анализу* можно установить содержательные элементы визуального сообщения за счет его стандартизированной техники проведения, позволяющей обработать большой массив данных, и возможности избежать влияния исследователя на процесс получения данных. В изучении гендерных типов в анимационных фильмах контент-анализ применим к массивам разнообразных текстов: фраз, содержания костюмов, обстановки и пр.

По мнению П. Штомпки, при изучении визуального материала немаловажными являются герменевтический анализ и семиотическая интерпретация, которые также могут быть использованы для анализа гендерных моделей героев анимационных фильмов. Посредством *герменевтической методологии* возможно рассмотреть мотивацию создателей анимационных фильмов, цели их деятельности, ориентации на определенную целевую аудиторию [5, с. 78]. Данный метод дает возможность понять контекст создания образов анимационных героев, раскрыть особенности данных образов. *Семиотическая* интерпретация позволяет

подробно проанализировать встречающиеся визуальные образы, раскрыть заложенные в них символические значения, а точнее – реализуемые героями гендерные модели и стереотипы поведения.

Как показывает практика, в современных социально-гуманитарных исследованиях репрезентации гендера в анимационном кинематографе некоторые из вышеперечисленных методов активно используются, но при этом акцент в них смещен на анализ женских образов, оставляя практически без внимания мужские персонажи. Так, например, Е. Н. Потапова и Ю. Гарабедян [25; 18] на примере популярных диснеевских анимационных фильмов («Белоснежка и семь гномов» (1937), «Алладин» (1992), «Красавица и чудовище» (1995), «Храбрая сердцем» (2013), «Моана» (2017) и др.) прослеживают трансформацию образов героинь за период с 1937 г. до современности. А. М. Обухова, Ю. В. Шмарион, А. В. Землянская [26; 27] исследуют гендерные стереотипы в таких анимационных сериалах для девочек, как «Winx» и «Monster High», отмечая изменения в гендерных моделях в сторону феминизации и андрогинизации. П. Шихавцова для своего исследования выбрала современные полнометражные анимационные фильмы с рейтингом не ниже 7,0 на сайте IMDb, но при этом сделала упор на анализ женских образов. Таким образом, анализ источников по указанной проблеме актуализирует необходимость использования более разнообразных подходов к изучению гендерных типов в анимационных фильмах и расширения тематики рассматриваемых вопросов, например, обращение внимания на мужские образы или самые кассовые фильмы последних лет.

Заключение

Проблема трансформации гендера, транслируемая в СМИ, кино, книгах и телевидении, в современном обществе стоит достаточно остро: появляются новые идентичности, требующие более подробного изучения. Исходя из того, что гендер как система социокультурных норм, конструируемых обществом, содержит в себе ряд характеристик (визуальных, вербальных, психологических), его можно изучать помощью методов визуальной социологии, объектом исследования которой является социальная реальность, транслируемая через изображения и другие визуальные объекты.

Основными источниками исследования гендерных моделей и стереотипов поведения в современном визуальном искусстве являются игровой кинематограф и видео-реклама. Исследования гендерной репрезентации в анимационном кинематографе немногочисленны, но актуальны в связи с востребованностью данного жанра среди молодежи.

Визуальная социология, являясь комплексным междисциплинарным направлением, формирует особую синтетическую методологию исследования визуальных данных. В связи с этим основными теоретико-методологическими подходами к анализу визуальных образов выступают: психоаналитический, социально-критический, деконструктивистский, герменевтический, семиотический, дискурсивный, постструктуралистский и пр. Основываясь на этих подходах и используя такие классические методы визуальной социологии, как видеона-

блюдение, фото- и видеоинтервью, содержательный визуальный анализ и контент-анализ, а также дополнительные методы (герменевтический анализ, семиотическая интерпретация, фокус-группы), можно провести качественный анализ проблем гендера в анимационном кинематографе.

Ссылки / References

1. Запольская А. Б. Метод фотоинтервью в социальных исследованиях: аналитический обзор // Социология: 4М. 2014. № 39. С. 127–156.
2. Gender Dysphoria in Adults: An Overview and Primer for Psychiatrists / W. Byne, D. H. Karasic, E. Coleman, A. E. Eyler, J. D. Kidd // FOCUS The Journal of Lifelong Learning in Psychiatry. 2018. № 18 (3). P. 336–350.
3. Богданова Н. М. «Визуальная социология» – новая наука или особый угол зрения? // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 67–69.
4. Визуальная социология. Основные подходы и проблемное поле / А. М. Дьяконова, Н. Д. Орлов, А. А. Коржавина, В. Р. Кравцова // Аллея науки. 2019. Т. 1. № 1 (28). С. 273–280.
5. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник / Пер. с польск. Н. В. Морозовой; авт. вступ. ст. Н. Е. Покровский. М.: Логос, 2007. 168 с.
6. Социология и кинематограф / [М. И. Жабский, К. А. Тарасов, Ю. У. Фохт-Бабушкин и др.]; под общ. ред. М. И. Жабского; Министерство культуры Российской Федерации, Научно-исследовательский институт киноискусства. М.: Канон+, 2012. 599 с.
7. Верховод Л. И. Эвристический потенциал концепции визуальной социологии П. Штомпки в исследовании социального неравенства // Актуальные научные исследования в современном мире. 2017. № 2-8 (22). С. 41–48.
8. Сергеева О. В. Исследовательское поле визуальной социологии // Федеральный образовательный портал ЭСМ. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2010/09/03/1214990144/09_Sergeeva.pdf (дата обращения: 02.06.2021).
9. Колодий В. В. Визуальность как феномен и ее влияние на социальное познание и социальные практики: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Томск, 2011. 28 с.
10. Гоголева Е. Н. Гендерные стереотипы в телевизионной рекламе как отражение гендерного неравенства // Женщина в российском обществе. 2019. № 1. С. 77–86.
11. Медведева Е. И. Гендерные стереотипы и неомифологизмы в рекламе автомобилей // Женщина в российском обществе. 2019. № 1. С. 87–96.
12. Gender Marginalization in Sports Participation through Advertising: The Case of Nike / K. Rasmussen, M. J. Dufur, M. R. Cope, H. Pierce // Int. J. Environ. Res. Public Health. 2021. № 18. 22 p.
13. Valderrama-Burgos K. Transgressive Female Sexuality and Desire in Contemporary Colombian Cinema: Hermida's *La luciérnaga* and Rodríguez's *Señoritas* // Latin American Perspectives. 2021. Vol. 48. №. 2. P. 108–122.

14. Nevin B. Female agency in the films of Jean Renoir // *French Cultural Studies*. 2021. Vol. 32 (4). P. 338–402.
15. Рябов О. В. Символические границы в политике советской идентичности: гендерное измерение (На материале кинематографа Великой Отечественной войны) // *Женщина в российском обществе*. 2020. № 2. С. 10–25.
16. Байриева А. Э. Гендерные модели в зарубежных и отечественных мультипликационных фильмах // *Социальные и гуманитарные науки: теория и практика*. 2019. № 1 (3). С. 406–415.
17. Шихавцова П. Гендерные режимы в мультфильмах или о том, какой должна быть современная Золушка // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2020. Т. 1. № 1. С. 65–80.
18. Garabedian J. Animating Gender Roles: How Disney is Redefining the Modern Princess // *James Madison Undergraduate Research Journal*. 2014. № 2.1. P. 22–25. URL: <https://commons.lib.jmu.edu/jmurj/vol2/iss1/4/> (дата обращения: 02.06.2021).
19. Баранихина А. П. Гендер и пол: проблема гендерной социализации в современных научных исследованиях // *Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России*. 2019. № 2 (16). С. 8–11.
20. Понятие «гендер» в современном научном дискурсе / Ю. Г. Тищенко, И. А. Тищенко, Н. И. Василюк, С. В. Черницкая // *Вестник ЮРГТУ (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*. 2020. № 1. С. 93–99.
21. Кон И. С. Пол и гендер. Заметки о терминах // *Псевдология*. URL: <http://www.pseudology.org/Kon/Articles/SexGenderTermins.htm> (дата обращения: 02.06.2021).
22. Вдовина В. Т. Визуальные исследования: основные методы и подходы // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2012. № 1. С. 16–26.
23. Ушкин С. Г. Визуальная социология: интеракционистский, семиотический и постструктуралистский подходы // *Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология*. 2015. № 1. С. 203–213.
24. Запольская А. Б. Метод фотоинтервью в социальных исследованиях: аналитический обзор // *Социология*: 4М. 2014. № 39. С. 127–156.
25. Потапова Е. Н. Роль эмансипации и феминизации в формировании женского образа на примере анимации «The Walt Disney Company» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 5-3 (71). С. 130–133.
26. Обухова А. М. Гендерные стереотипы в анимационном фильме (на материале «Winx Club и интернет-сайтов, посвященных мультфильмам») // *Молодежь третьего тысячелетия: сборник научных статей / [Отв. ред. С. В. Белим]*. Омск: Изд-во Ом. гос. унта, 2018. С. 1468–1471.
27. Шмарион Ю. В., Землянская А. В. Женский образ в советских и зарубежных мультфильмах // *Вопросы образования и науки: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции 30 ноября 2017 г.* Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 2017. С. 166–170.

Sociological analysis of volunteer activity as a mechanism for the development of civil society in foreign countries

O. P. Noskova¹

¹Saint Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-4-402-415

Research Article

The active development of the volunteer movement in modern Russia encourages a comparison of the practices of organizing the volunteer movement in different countries, in order to study positive experiences and partial borrowing, as well as to analyze the phenomenon of volunteerism in a broader scientific context – as one of the mechanisms for the development of civil society. The article presents a sociological analysis of volunteer activity in seven developed foreign countries in such categories as historical features of formation, typical areas of volunteer activity, common goals, values and motives of volunteers, state support for volunteer programs and projects, as well as identical features of the organization of volunteer activity in these countries. This analysis is a selection of the best foreign practices of working with volunteers and allows you to outline the prospects for the development of the volunteer movement in other countries, including in Russia. The article helps to systematize the features of the development of volunteer activity in the world community and call it an effective mechanism for educating citizenship and increasing social activity. The international practice of involving citizens in volunteerism has clearly demonstrated the significant contribution of the third sector to the global economy, building a strong and solid society that is ready to respond quickly to current challenges and help solve global problems.

Keywords: volunteerism, volunteer, sociological analysis, civil society, values, motivation, organizations

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Noskova, Olga P. | Email: boxgirl@yandex.ru
Postgraduate

For citation: Noskova O. P. Sociological analysis of volunteer activity as a mechanism for the development of civil society in foreign countries // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2021. Vol. 7, No 4. P. 402-415. (in Russ.)

Социологический анализ волонтерской деятельности как механизма развития гражданского общества в зарубежных странах

О. П. Носкова¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, 7-9, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-4-402-415
УДК 316.353

Научная статья
Полный текст на русском языке

Активное развитие волонтерского движения в современной России побуждает к сравнению практик организации волонтерского движения в разных странах с целью изучения позитивного опыта и частичного заимствования, а также анализа феномена волонтерства в более широком научном контексте – как одного из механизмов развития гражданского общества. В данной статье представлен социологический анализ волонтерской деятельности в семи развитых зарубежных странах по таким критериям, как исторические черты становления, типичные направления волонтерской деятельности, общие мотивы и возможности для волонтеров, государственная поддержка волонтерских программ и проектов, а также идентичные черты организации волонтерской деятельности. Данный анализ представляет собой вычленение лучших зарубежных практик работы с волонтерами и позволяет наметить перспективы развития волонтерского движения в других странах, в том числе и в России. Статья помогает систематизировать особенности развития волонтерской деятельности в мировом сообществе и назвать ее эффективным механизмом воспитания гражданственности и повышения социальной активности. Международная практика вовлечения граждан в волонтерство наглядно продемонстрировала весомый вклад третьего сектора в мировую экономику, построение сильного и солидарного общества, готового оперативно реагировать на актуальные вызовы и помогать в решении глобальных задач.

Ключевые слова: волонтерство, волонтерская деятельность, социологический анализ, гражданское общество, ценности, мотивация, организации

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Носкова, Ольга Павловна | Email: boxgirl@yandex.ru
Аспирант факультета социологии

Для цитирования: Носкова О. П. Социологический анализ волонтерской деятельности как механизма развития гражданского общества в зарубежных странах // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 4. С. 402-415.

Введение

Утверждение, что волонтерское движение является элементом социальной ответственности и высшего проявления развитого гражданского общества, неслучайно. Сегодня роль волонтерского движения приобретает все возрастающее значение для гармоничного развития общества, которое как никогда нуждается в осознании необходимости и значимости волонтерской деятельности.

В общем смысле понятие «волонтерство» означает добровольное оказание услуг, направленное на благо сообщества, отдельным лицом, группой лиц или учреждением, не предполагающее финансовой или иной выгоды. В последние десятилетия правительства большинства стран признали важнейший вклад волонтеров в построение сильного и сплоченного общества, на законодательном уровне расценивая добровольческую деятельность как важнейший акт проявления гражданственности, эффективное средство борьбы с социальной изоляцией и механизм укрепления общественной солидарности во всем мире.

Развитие волонтерской деятельности важно как для общества в целом, так и для отдельных его секторов, а также для самих волонтеров. Для личности участие в волонтерской деятельности способствует самореализации и самосовершенствованию, дает новые знания и опыт, а также возможность почувствовать себя частью социально значимой и общественно полезной деятельности. Волонтерство помогает государству более эффективно решать стоящие перед ним и обществом вопросы. Развитие добровольческого движения способствует формированию гражданского общества, служит повышению роли некоммерческих и общественных организаций в управлении государством.

Волонтерские организации являются важными игроками в экономике в качестве работодателей и поставщиков услуг, увеличивая общий экономический выпуск страны и снижая нагрузку на государственные расходы. Кроме того, третий сектор играет ключевую роль в создании условий, при которых экономика может процветать, инвестируя в людей через обучение, повышение квалификации и улучшение возможностей трудоустройства людей на рынке вакансий.

Волонтерская деятельность объединяет людей, которые иначе не могли бы контактировать друг с другом. Социальная структура может быть укреплена только практикой, которая позволяет преодолеть социально-экономические разногласия.

Таким образом, можно выделить следующие социальные последствия добровольчества, развивающие гражданское общество:

- укрепление социальных связей и формирование социального доверия;
- создание сильного, безопасного, сплоченного сообщества;
- повышение гражданской активности и вовлечение граждан в общественную жизнь;
- предоставление качественных и безвозмездных общественных благ и услуг.

Социологический анализ волонтерской деятельности в зарубежных странах

Поскольку исследование носит междисциплинарный характер, будем использовать методы сравнительной социологии, организационной социологии и социологии управления:

- сравнение как косвенный эксперимент, в котором мы, работая с имеющимися данными, попытаемся проверить и объяснить причинно-следственные связи сходства и различий в развитии волонтерского движения в крупнейших странах мира и оценить их влияние на развитие гражданского общества;

- на основе сбора информации о существующих формах организационного управления волонтерами представим выводы об их состоянии, сильных и слабых сторонах, а также возможных перспективах развития;

– проанализируем имеющиеся управленческие среды и оценим мотивационный аспект в различных волонтерских системах, оказывающих существенное влияние на формирование гражданского общества.

Социологический анализ волонтерской деятельности как механизма развития гражданского общества в крупнейших зарубежных странах, таких как США, Япония, Великобритания, Германия, Франция, Канада, Австралия, проведем по пяти категориям.

1. Общие исторические черты создания и развития волонтерских организаций

Говоря об истоках зарождения феномена волонтерства, или добровольного служения в мировом сообществе, важно отметить принятие христианской веры, идеи которой напрямую связаны с волонтерством: бескорыстная помощь ближнему, добровольные подаяния нуждающимся, труд на благо церкви и проч. Религиозная благотворительность насчитывает более тысячи лет и относится не только к христианству. По мере зарождения иных религий общенациональным делом считалась организация благотворительных столовых, приютов, госпиталей, домов для странников и проч. при религиозных учреждениях. Добровольцы помогали справляться с катастрофами, стихийными бедствиями, собирая гуманитарную помощь пострадавшим.

В средние века во время эпидемий по городам странствовали врачи, желающие помочь нуждающимся, порой осознанно идущие на смерть. Для высших сословий было делом чести жертвовать средства на поддержку обездоленных. История развития идей волонтерства также связана с военной тематикой, когда мужчины добровольно уходили на фронт, а женщины и дети трудились на фермах, помогали раненым, участвовали в восстановлении хозяйства после военных конфликтов. Такая всеобщая безвозмездная деятельность формировала среди населения чувство солидарности, объединяя всех общей идеей.

Одной из старейших организаций по оказанию добровольной помощи участникам кровопролитных войн является Международный Комитет Красного Креста, образованный швейцарским предпринимателем Анри Дюнаном в 1863 году, который ставил перед собой задачу предоставления помощи враждующим сторонам и пострадавшим, при этом сохраняя позицию нейтралитета. Сегодня представительства организации расположены почти в 80 странах мира. МККК был трижды удостоен Нобелевской премии мира [1].

Но именно XX век можно смело назвать эпохой расцвета волонтерства, тогда создаются такие международные организации, как Greenpeace, Волонтеры ООН, ЮНЕСКО и проч., по примеру МККК объединяющие между собой страны и континенты. Постепенно создаются национальные волонтерские организации, поддерживаемые на государственном уровне.

Волонтерство США берет начало с образования в 1933 году Гражданского корпуса охраны окружающей среды, главной идеей которой была борьба с молодежной безработицей. Далее в 1961 году президент Кеннеди создает «Корпус мира», оказывающий помощь нуждающимся странам [2].

Сегодня в волонтерской деятельности США участвует около 50 % населения, что свидетельствует о важной роли волонтерства в развитии страны. В Японии в 1910 году создается актуальная и по сей день система благотворительной помощи «Хоумен инн», смысл которой заключается в определении уровня благосостояния граждан и оказа-

нии необходимой поддержки нуждающимся путем привлечения волонтеров. А уникальная система поощрения волонтеров «Банк времени», представляющая собой накопление волонтерских часов с целью их обмена в будущем на эквивалентную помощь для самого волонтера или членов его семьи, создает серьезные социальные гарантии. В 1973 году в Великобритании создается крупнейший Центр добровольцев для обеспечения комфортных условий работы волонтеров, поощрения их деятельности и поддержания качества выполняемых работ. На текущий момент существует четыре национальные добровольческие организации по всей Великобритании: «Добровольчество Англии», «Развитие добровольчества Шотландии», «Уэльский совет по добровольческой деятельности» и «Агентство по развитию волонтерства в Северной Ирландии». За поиск и подготовку кадров для Волонтерского сектора Великобритании отвечают 343 Волонтерских агентства, они объединены в «Национальной ассоциации Волонтерских агентств» [3].

Волонтерские агентства называют «биржей труда волонтеров». Франция признает две формы участия в волонтерской деятельности: *Bénévolat* и *Volontariat*. *Bénévoles* не связаны контрактом с организацией, где работают. Для вступления в этот статус не требуется ни предоставление диплома, ни соответствие определенным условиям. Волонтеры такого типа могут закончить свою деятельность в любой момент [4]. *Volontaires* заключают контракт на проведение определенных работ в определенные сроки в рамках волонтерской активности. Ведущей общественно полезной организацией Франции является учрежденная в 1966 году ассоциация *REMPART*, смысл которой в восстановлении объектов культурного наследия и памятников архитектуры силами волонтеров [5].

В 1950-х годах в Восточной Германии была запущена государственная массовая инициатива по национальной интеграции, которая занималась исправлением последствий Второй мировой войны. В 1960-х в Западной Германии стартовала новая инициатива, реализуемая по текущий момент, а именно Добровольный социальный год. Крупнейшая благотворительная организация Канады «Волонтеры Канады» была образована в 1977 году и нацелена на всестороннюю поддержку волонтерских инициатив, развитие третьего сектора и повышение разнообразия волонтерских программ как для коренных жителей Канады, так и для туристов из разных стран. Канада по праву является одной из ведущих стран по уровню участия волонтеров в общественной жизни [6].

Таким образом, зарождение волонтерства тесно связано с религиозным гуманизмом, который охватил сотни стран две тысячи лет назад. Военные действия также являлись причиной для развития добровольной помощи нуждающимся на всех континентах. XX век и новые политические веяния определили особенности развития волонтерского движения разных странах, обозначив наиболее приоритетные направления, систему поощрения добровольцев и взаимодействие с государственным сектором.

2. Типичные направления деятельности волонтерских организаций

Чаще всего волонтеры США работают в сфере обслуживания, больницах, конфессиональных организациях, образовательных организациях, НКО. Они обучают английскому языку иммигрантов, организуют различные кружки и студии для детей и т. д. Добровольцы в Америке – люди всех возрастов и профессий из разных сфер и слоев общества. Особую популярность в последнее время приобрело так называемое «вирту-

альное» волонтерство: создание и поддержка веб-сайтов, проведение онлайн-исследований, предоставление технической помощи некоммерческим организациям. Основной структурой, благодаря которой организации и люди сообщают о своих нуждах в добровольных помощниках, а добровольцы могут найти подходящую вакансию, являются Добровольческие центры. Сегодня в США действует более 500 таких центров. Каждый желающий в США может найти проект, подходящий именно ему: от волонтерства с лошадьми на ранчо в Вайоминге, сохранения дикой природы в болотах Флориды и диких горах Колорадо до помощи во всестороннем развитии молодежи на юге Америки. Уникальность Соединенных Штатов заключается в том, что волонтеры имеют возможность работать с коренными американцами – от навахо на юге до племен на Северо-Западе Тихого океана.

Япония обладает современностью, роскошью и инфраструктурой развитой западной нации со многими уникальными культурными аспектами Дальнего Востока. Несмотря на то, что Япония имеет процветающую экономику и меньше нуждается в добровольцах, чем более слаборазвитые азиатские страны, все равно каждый сможет найти подходящий Волонтерский проект, знакомясь с японской культурой, традициями и языком. В Японии существует высокий спрос на добровольцев, которые могут преподавать английский язык, а также быть опекунами для пожилых людей и выполнять сельскохозяйственные работы на фермах. Волонтерские проекты можно найти в крупных городах Японии, таких как Токио и Осака, а также в сельской местности и небольших городах по всей стране. Принятые государством «фуреаи киппу», или «билеты заботливого отношения» – альтернативная денежная система, существующая в Японии. Ухаживая сегодня за пожилыми людьми и получая за это «фуреаи киппу», волонтер обеспечивает себе и своим близким возможность получения соответствующей волонтерской помощи в будущем. Эта система поощрения волонтерского ухода за пожилыми людьми была внедрена в Японии из-за проблемы быстрого старения населения. Одной из главных задач при создании «фуреаи киппу» было объединить многочисленные локальные независимые волонтерские организации, занимающиеся уходом за пожилыми людьми, разбросанные по всей стране, в некую единую структуру для создания децентрализованного, но при этом единого банка времени.

Среди жителей Канады существуют две основные категории людей, которые занимаются этим важным для общества видом деятельности: это пожилые, материально обеспеченные люди (чаще всего пенсионеры), привыкшие к труду, которые хотят продолжать жить активной жизнью, используя свои знания и практический опыт. Они добросовестны, внимательны и с готовностью ответят на любые вопросы. Работа наполняет их жизнь содержанием и смыслом. Другая категория людей использует волонтерскую работу как стартовую площадку для начала или продолжения трудовой карьеры.

В рамках семейного волонтерства можно выделить добровольную помощь в подаче еды в продовольственном банке; раздаче теплой одежды во время праздников; чтении для пожилых людей; посадке общественного сада; выгуливании животных из приюта. Круг друзей, сотрудники компании, молодежная группа, клуб обслуживания, класс, религиозная группа, семья или соседи могут заниматься групповым волонтерством: строительство / реконструкция муниципального жилищного фонда; организация поездок за едой или одеждой для нуждающихся; экологические проекты, такие как очистка береговой линии, и проч.

Одной из тенденций добровольчества за последние десять лет стал рост микро-волонтерства, сосредоточенного вокруг нескольких ключевых аспектов: краткосрочное обязательство и быстрые проекты. Возможности добровольчества особенно важны для людей с ограниченными возможностями и других групп населения, которые сталкиваются с препятствиями, поскольку они могут облегчить социальную изоляцию. Добровольчество позволяет людям, которые могут нуждаться в помощи или поддержке для некоторых из своих повседневных действий, быть в состоянии помогать другим и развивать большее чувство самоэффективности.

Сегодня все больше и больше людей хотят применить определенные навыки в своей волонтерской работе. Это может помочь отточить эти навыки и записать свой большой опыт в резюме. В то же время организации выигрывают от участия экспертов. Добровольчество, основанное на навыках, приносит пользу добровольцу, организации и всему сообществу. Примеры волонтерства, основанного на навыках: студент, желающий применить свои навыки работы в социальных сетях в местной организации с целью дальнейшего развития своего резюме; недавний учитель – пенсионер, предлагающий добровольное наставничество на внеклассной программе; старший волонтер в правлении ассоциации, применяющий свой предыдущий карьерный опыт в качестве исполнительного директора.

Виртуальное волонтерство является гибким, часто позволяя добровольцу выполнить задачу или проект в соответствии со своим собственным графиком. Он также не ограничен географией, физическими возможностями или организацией работы. Можно выбрать добровольца для организации в любом местном сообществе, по всей стране или по всему миру, не выходя из дома. Виртуальные волонтеры могут выполнять разовые, краткосрочные или текущие задачи и проекты. Можно добровольно один раз написать блог, в течение нескольких месяцев разработать веб-сайт или на постоянной основе трудиться в качестве репетитора, поддерживающего ученика в течение одного часа в неделю в течение учебного года.

Ведущие волонтерские организации Великобритании: RSPCA – Королевское Общество Предотвращения Жестокости Обращения с Животными, Young Enterprise – Молодое Предприятие, The Trussell Trust – Фонд Трасселла, RNLI – Королевская Национальная Организация Спасательных шлюпок. RSPCA – это благотворительная организация, основанная в 1824 году для предотвращения жестокости по отношению к животным. Является старейшей в мире организацией, которая защищает права животных, и самой большой благотворительной организацией в Великобритании. Работает главным образом на территории Англии и Уэльса, однако время от времени проводит свои акции на территории Европы, Азии и Африки [7].

Young Enterprise – это образовательная благотворительная организация, работающая по всей Великобритании. Цель, которую преследует организация, вдохновить и обучить молодёжь заниматься предпринимательством и добиваться успеха. Для этого волонтеры поощряют стремление учеников школ и колледжей учиться и узнавать новое, организуя для них лекции и тренинги с представителями бизнеса [8]. The Trussell Trust – это благотворительная организация, главная цель которой – накормить всех нуждающихся в Великобритании. За 2015 год она выделила более миллиона порций в своей программе трёхразового питания для людей, оказавшихся в тяжёлой жизненной ситуации [9]. RNLI – это специальная добровольная организация, которая занимается спасением на воде [10].

Франция – кладезь памятников культуры Средневековья, потому вполне логично, что ключевое направление волонтерства во Франции – реставрационные работы, помощь в уходе за достопримечательностями, а также археологические раскопки. Аббревиатура REMPART расшифровывается как восстановление и реабилитация памятников культурно-исторического наследия. В объединение REMPART входят 170 ассоциаций, которые ставят перед собой единую цель – реставрировать и сохранить элементы культурного наследия страны ради содействия развитию своего города, деревушки, поселения. На втором месте в рейтинге направлений французского волонтерства – участие в различных мероприятиях и помощь в их организации. Здесь волонтеры могут не только попробовать себя в роли декораторов и ивент-менеджеров, но и продемонстрировать свои таланты, например, выступив на каком-либо музыкальном фестивале. В то же время во Франции активно внедряется политика экологического перехода, и связанные с ней профессии быстро развиваются, предлагая работу за социальные блага и возможности обучения с присвоением квалификации. Проект направлен на повышение осведомленности молодых людей, находящихся в трудном финансовом положении, о «зеленых» рабочих местах. Действительно, «зеленые» профессии (сельское хозяйство, экологическое жилье, уход за природными территориями и т. д.) – это возможный путь интеграции молодых людей в активную созидательную деятельность через волонтерство.

Одной из крупнейших немецких общественных организаций является Служба примирения действий во имя мира. Она работает в основном с организациями в странах, пострадавших от террора нацизма, но также предлагает услуги по поддержанию мира в Германии. Цель – примирение и взаимопонимание между культурами и религиями. Существуют ежегодные программы для выпускников школ в Германии до 27 лет: в Добровольном социальном году (Freiwilliges Soziales Jahr или FSJ) они помогают в детских садах, учреждениях культуры, спортивных клубах, больницах или домах престарелых, ухаживают за памятниками. Это хорошая подготовка к работе в социальной сфере [11]. Те, кто интересуется природой, охраной окружающей среды или сельским хозяйством, могут провести добровольный экологический год (Freiwilliges Ökologisches Jahr или FÖJ) [12]; поехать в Волонтерские лагеря (Workcamps), присоединиться к Европейской добровольческой службе (EVS) Weltwärts [13]. FÖJ – это учебный год, который предлагает возможность стать активистами в области охраны окружающей среды. Кроме того, FÖJ – это хорошая возможность найти работу или улучшить свою карьеру. Год дает возможность обдумать свои идеи и получить новый опыт. За свою работу волонтеры получают карманные деньги, полную социальную страховку и 26 дней отпуска. Возможно также получить бесплатный пансион и проживание или пособие на питание и проживание.

Австралия признана спортивной страной, и эта характеристика отражена в национальной волонтерской деятельности. Наиболее распространенным типом организации, в которую люди добровольно вступают, является организация, связанная со спортом и физическим отдыхом. Добровольчество в Австралии обычно измеряется с точки зрения добровольчества, осуществляемого через организацию или при ее посредничестве. Формальное волонтерство – это деятельность, которая осуществляется через некоммерческие организации или проекты в целях: приносить пользу обществу и добровольцу; добровольца по собственной воле и без принуждения; без каких-либо финансовых выплат; только на определенных волонтерских должностях. Волонтерство также происходит с помощью неформальных средств и условий. В последние годы наблюдается более широкое признание и измерение неформального добровольчества.

Члены сообществ, владеющие двуязычными навыками, проводят занятия по английскому языку, оказывая неформальную поддержку. Все больше внимания в государственной политике уделяется старению. Признавая эти возможности, Австралия стремится «превратить серебро в золото», реализуя экономический потенциал старших австралийцев, обеспечивая участие старших австралийцев в волонтерской деятельности, решении проблем и барьеров, связанных с ответственностью и страхованием. Достижения в области здравоохранения, образования и технологий расширяют возможности пожилых австралийцев наслаждаться здоровой и активной жизнью. Экоорганизация GACR опрашивает своих постоянных добровольцев, чтобы получить представление о том, как она может улучшить качество своей волонтерской программы. Эта обратная связь помогает понять преимущества, которые волонтеры получают от своего участия. Добровольцы – это в основном пенсионеры, которые мотивированы участвовать в GACR в первую очередь для работы на открытом воздухе и общения с другими. Добровольцы сообщают, что их участие в уходе за ландшафтом приносит пользу их физическому, психическому и социальному здоровью. Молодые люди работают волонтерами в самых разных местах и сообществах в Австралии и за рубежом.

Исходя из вышесказанного, следует вывод, что волонтерская деятельность различается в зависимости от территориального, экономического положения стран, их исторического компонента, но можно выделить список единых направлений волонтерства, которые объединяют эти страны:

- помощь социально незащищенным категориям граждан;
- помощь животным;
- экологические проекты;
- событийное волонтерство при проведении спортивных, культурных, массовых мероприятий;
- корпоративное волонтерство;
- медицинская и гуманитарная помощь при возникновении катастроф и бедствий.

3. Общие мотивы и возможности деятельности волонтеров и волонтерских организаций

Для волонтеров Германии, ухаживающих за пожилыми немощными людьми, а также для волонтеров-преподавателей и инструкторов предусмотрены значительные налоговые льготы, включение волонтерской деятельности в общий трудовой стаж, бесплатное страхование, реализация права на возмещение потерянного заработка, который возмещает волонтеру работодатель за счет государственного бюджета. Волонтерская деятельность рассматривается как ценный профессиональный опыт, который имеет большое значение при приеме на работу как в государственные организации, так и в коммерческие структуры (документально волонтерский опыт отражается в личных книжках волонтера). Важным введением является стимулирующий волонтерскую практику в молодежной среде закон о «социальном годе» и «экологическом годе» Германии. Добровольные работники, как правило, обеспечены жильем, питанием и социально защищены, они получают карманные деньги, размер которых зависит от программы, федеральной земли, принимающего учреждения и других факторов и составляет обычно 150–200 евро и больше. Список волонтерских программ

в Германии определен Федеральной Волонтерской службой (Bundes freiwilligen dienst или BFD).

Многие новички в Канаде заинтересованы в волонтерстве. Помимо вклада в свое новое сообщество, они могут рассматривать его как способ улучшить свои языковые навыки или получить опыт работы. Или они могут захотеть пообщаться и познакомиться с новыми людьми. Чтобы привлечь новых канадцев, организации должны быть приветливыми и поддерживающими. Организации растут и становятся сильнее, когда они применяют то, что они узнают о новых культурах. В то же время сами волонтеры приобретают новые навыки и опыт. Эти вещи могут помочь новичкам освоиться в новой среде. И это дает им возможность формировать сообщество, в котором они живут. Добровольчество, поддерживаемое работодателем, побуждает сотрудников компаний жертвовать свое время на общественные цели. Это может быть сделано в рабочее время компании или поддержано другими ресурсами компании. Спрос сотрудников на корпоративную социальную ответственность (КСО) растет. Сильные программы КСО являются важным компонентом этической деловой практики во многих странах мира. У компаний, которые поддерживают волонтерские усилия своих сотрудников, обнаруживаются более низкие показатели текучести кадров. Исследования «Волонтеров Канады» показывают, что около 80 % добровольцев, поддерживаемых работодателями, считают, что групповое волонтерство укрепляет их отношения с коллегами. Это также помогает людям осваивать новые навыки. Волонтерский центр Торонто приводит следующие пять причин, по которым стоит заниматься социальным служением: будучи волонтером, любой человек может приобрести опыт и знания в той области, где он хотел бы в дальнейшем трудиться. В результате осуществления этой деятельности легче оценить, насколько она соответствует интересам и склонностям соискателя. Доброволец получает доступ к служебным источникам информации, что позволяет глубже изучить структуру и деятельность интересующей вас организации. Многие волонтеры получают от работы моральное удовлетворение, чувство самоуважения и уверенности в себе. Данный вид деятельности расширяет круг общения и дает полезные знакомства. Как мы указывали ранее, выбор у волонтеров большой: туризм, работа в больницах или дошкольных учреждениях, присмотр за тяжелобольными людьми, участие в работе финансовых или юридических компаний и многое другое.

Модели добровольчества Австралии существенно различаются в разных профессиональных группах. В группе занятых доля добровольцев всегда выше среди специалистов и менеджеров по сравнению с операторами и водителями машин, рабочими, техниками и торговыми работниками. Волонтерская деятельность молодых людей определяется их возрастом и стадией развития, полом, наличием у них инвалидности, местом их проживания и культурным происхождением. Благоприятная для молодежи информация и значимые возможности для различных групп молодежи являются важными составляющими расширения участия молодежи в волонтерской деятельности.

Как мы видим, мотивы у добровольцев разных стран очень схожи и в первую очередь затрагивают моральную составляющую. Ведущей силой к занятиям волонтерской деятельностью служит искреннее желание помочь и принести пользу, а дополнительные возможности со стороны государства позволяют более охотно включаться в волонтерскую деятельность.

4. Нормативно-правовая поддержка волонтерских организаций

Основной структурой США, благодаря которой организации и люди сообщают о своих нуждах в добровольных помощниках, а добровольцы могут найти подходящую вакансию, являются государственные Добровольческие центры. Сегодня в США действует более 500 таких центров. Финансовый эквивалент добровольческого труда за год в Америке составляет более 5300 млрд. долларов.

В Великобритании волонтерская деятельность является ответственностью децентрализованных администраций. Правительственное ведомство, которое отвечает за добровольчество, – это Управление третьего сектора в кабинете министров. В 1973 г. создан Центр добровольцев Великобритании, где добровольчество рассматривается как мощная и жизненная сила для благотворных изменений всего общества, а основной целью деятельностью Центра считается расширение численности волонтеров и улучшение качества их работы, а также обеспечение условий для дальнейшего развития добровольчества в Великобритании. Главной задачей Национального центра волонтерской работы является лоббирование интересов волонтерских организаций. Он представляет волонтерское движение в государственных и коммерческих структурах, а также на политическом и международном уровнях.

В настоящее время в стране восходящего Солнца существует более 3300 центров добровольцев, которые работают почти во всех муниципалитетах страны. Активизация и поощрение волонтерской деятельности входит в круг обязанностей и целого ряда министерств в Японии. Система добровольческих центров вписана во все общенациональные, муниципальные и многие частные институты.

Вовлечение добровольцев Канады является важной функцией государства, поскольку оно обеспечивает гармонию и устойчивость социальных программ. Ассоциации и высшие школы предлагают курсы по управлению добровольческими ресурсами и добровольцами в целом. Существует ряд мер, поддерживающих высокий статус добровольца в Австралии, со стороны правительства и коммерческого сектора.

Основной закон, регулирующий волонтерскую деятельность молодежи и включающий в себя основные добровольческие программы в Германии, – это «Закон о содействии Волонтерской деятельности молодежи». «Закон о Федеральной Волонтерской службе» регулирует волонтерскую деятельность взрослых и молодежи в социальной, экологической и культурной сферах. В Германии также хорошо развита система Центров добровольцев. Они существуют практически в каждом городе и призваны соединять организации и волонтеров. Германия имеет не классический пример национального волонтерства. Немецкое гражданское общество очень сильное, потому что там действуют принципы субсидиарности и самоуправления, по которым некоммерческие организации имеют особую и, возможно, уникальную роль в отношении предоставления социальных услуг и посредничества в Германии. Так, в ряде областей законодательные органы государственной власти обязаны консультироваться с НКО в экономических, социальных и культурных вопросах. Что касается субсидиарности, то в Германии этот принцип играет важную роль для добровольческой деятельности. Согласно этому принципу, предпочтение отдается некоммерческим организациям, которые предоставляют основные социальные услуги и имеют право на государственную финансовую поддержку.

Добровольчество – это фундаментальный акт активной гражданской позиции, поэтому национальное объединение «Волонтеры Канады» поддерживает организации в разработке стратегий набора и управления добровольцами из всех слоев общества,

возрастов и культурных групп. Также оно помогает оценить риски на волонтерских должностях, эффективно решать связанные с ними правовые и этические вопросы, внедрять политику добровольчества при поддержке работодателя на рабочем месте и многое другое. Skills-Plus – это инструмент, разработанный Volunteer Canada, что помогает рабочим местам стратегически поддерживать сотрудников-волонтеров для достижения целей сообщества и развития компетенций. Он также поддерживает некоммерческие организации, поскольку они планируют и развивают волонтерские возможности для рабочих мест. Skills-Plus помогает обеим сторонам определить и измерить выгоды, ценность и отдачу от инвестиций добровольчества, поддерживаемого работодателем. Пакет Skills-Plus включает в себя:

- шаблон волонтерских возможностей и конкретные примеры;
- матрицу компетенций;
- инвестиционный сценарий развития волонтерского сообщества.

Стоит отметить, что в рассматриваемых нами странах существует серьезная поддержка третьего сектора со стороны государств. Россия же находится на этапе становления той социальной политики, которая приравнивает волонтерство к социально значимой гражданской деятельности, и у нас также появятся центры обучения волонтеров и менеджеров волонтерских организаций, будет развито туристическое волонтерство, большой волонтерский опыт будет записан в официальный трудовой стаж, для волонтеров будет организована обязательная медицинская страховка и покрытие некоторых видов расходов, таких как расходы на топливо, связь, аренду помещений и проч. На текущий момент в России существует грантовая поддержка НКО и волонтерских организаций, и хочется верить, что через пару лет мы приблизимся к зарубежной системе господдержки.

5. Идентичные черты организации волонтерской деятельности волонтерских организаций

Всеобщая декларация о добровольчестве принята Международной ассоциацией добровольческих усилий [14], в ней говорится: «Добровольчество является фундаментальным строительным блоком гражданского общества. Оно воплощает в жизнь самые благородные устремления человечества – стремление к миру, свободе, возможностям, безопасности и справедливости для всех людей... На заре нового тысячелетия добровольчество является важнейшим элементом всех обществ». Проанализировав информацию с различных сайтов, мы можем выделить общие черты развития волонтерской деятельности в разных странах. Среди них:

- наличие добровольческих центров;
- ведущие национальные организации, с перечнем возможностей для волонтеров;
- разнообразие видов деятельности для граждан любого возраста, социального положения, вероисповедания, способностей;
- система мотивации и стимулирования волонтеров как с позиции менталитета, так и с позиции государственного сектора;
- закрепление статуса волонтера на законодательном уровне;
- наличие отличительной терминологии, атрибутики, символов, ценностей, позволяющих назвать волонтерство социальным институтом.

Итак, волонтерство разных стран обладает следующими общими чертами: 1) имеет идентичные этапы исторического развития; 2) обладает типичными направлениями деятельности не только в национальных государствах, но и в мире; 3) транслирует общечеловеческие транснациональные гуманистические ценности; 4) волонтерская деятельность в той или иной степени поддерживается не только национальными государствами, но и межнациональными общественными институтами; 5) национальное и международное волонтерство выступает как организация с ее управленческим аппаратом, регулированием деятельности и наличием необходимых средств для осуществления своих функций.

Проанализировав особенности волонтерской деятельности в разных странах, можно проследить ее эффективность в развитии гражданского общества путем вовлечения большого количества людей, ведомых едиными принципами и идеями творить, создавать, помогать, развивать и нести пользу. Мы увидели, что во многих странах мира волонтеры имеют одинаковые мотивы, участвуют в похожих проектах, совершают единые действия, направленные на достижение общего блага. Такая социальная инфраструктура, где люди помогают близким, друзьям, соседям и даже незнакомым, позволяет чувствовать свою причастность к мировым событиям, объединяться для достижения общих целей и ощущать себя гражданами мира.

Заключение

В то время как волонтерство становится международным явлением, растет осознание того, что значение и модели волонтерства меняются, особенно на национальных уровнях. Индивидуализация и секуляризация дают новое определение волонтерству. Сегодня оно в меньшей степени связано с религией, такими понятиями, как «служение нации» и традиционными ожиданиями.

Вместо этого оно больше привязано к конкретным потребностям, личным интересам и большему индивидуальному выбору. В ответ на это правительства и некоммерческие организации пытаются создать новые институциональные структуры для поощрения волонтерства, чтобы сделать его более привлекательным для членов современного гражданского общества.

Международные организации также стараются способствовать большему признанию и поддержке добровольцев. Многие международные институты видят тесную связь между индивидуальным участием в общественной жизни, волонтерством и демократией. В этом смысле правительства громко заявляют о том, что добровольцы являются частью «социального клея», который скрепляет современные общества и формирует гражданственность.

Различные страны в разное время предлагали поднять добровольный труд до статуса, равного оплачиваемому труду, и поощрять создание той или иной формы системы социального кредита для тех, кто выполняет различные общественные задачи. В рамках этой системы добровольцы во всем мире могли бы зарабатывать «социальные доллары», которые, наряду с их денежным вкладом в систему социального обеспечения, учитывались бы в качестве медицинских, образовательных или пенсионных пособий.

Таким образом, волонтерство можно рассматривать как человеческую деятельность, основное выражение субъективной нравственной позиции и человеческих отношений, которое происходит в каждом обществе мира. Люди занимаются волонтерством по самым разным причинам. Условия, которые определяют волонтерство

и формы его выражения, могут различаться в разных языках и культурах, но ценности, являются общими и универсальными: желание вносить вклад в общее благо, свобода и дух солидарности, отсутствие материального поощрения.

Волонтерство способствует сотрудничеству, поощряет гражданскую активность и способствует благополучию как отдельных людей, так и общества в целом. Это способ участвовать в жизни социума, приобретая чувство принадлежности к нему и влияя на направление жизни. Но нельзя рассматривать добровольчество как панацею от мировых проблем, это, скорее, важнейший компонент стратегии построения гражданского общества, признающей, что прогресс не может быть измерен исключительно с точки зрения экономической отдачи и что отдельные люди мотивированы не только личными интересами, но и своими глубоко укоренившимися ценностями и убеждениями.

Ссылки / References

1. The ICRC's mandate and mission // International Committee of the Red Cross 13.05.2010. URL: <https://www.icrc.org/en/mandate-and-mission> (дата обращения: 01.04.2021).
2. Make the Most of Your World // Peace Corps. 02.08.2006. URL: <https://www.peacecorps.gov/> (дата обращения: 01.04.2021).
3. Volunteering // Navb.org.uk. 22.06.2009. URL: <http://navb.org.uk> (дата обращения: 01.04.2021).
4. Du coeur à l'action // France Bénévolat. 04.01.2004. URL: <https://www.francebenevolat.org/about-us> (дата обращения: 01.04.2021).
5. Values // REMPART | Chantiers de bénévoles pour le patrimoine. 24.02.2011. URL: <https://www.rempart.com/rempart-lassociation/qui-sommes-nous/valeurs/> (дата обращения: 01.04.2021).
6. Volunteer Centres // Volunteer Canada. 11.07.2017. URL: <https://volunteer.ca/index.php?MenuItemID=332> (дата обращения: 01.04.2021).
7. What we do // The Largest Animal Welfare Charity in the UK | RSPCA. 26.04.2021. URL: <https://www.rspca.org.uk/whatwedo> (дата обращения: 01.04.2021).
8. What We Do // Young Enterprise & Young Money. 10.07.2015. URL: <https://www.young-enterprise.org.uk/what-we-do/> (дата обращения: 01.04.2021).
9. Shops Contact us Find a foodbank. What We Do // The Trussell Trust – Stop UK Hunger. 11.12.2019. URL: <https://www.trusselltrust.org/what-we-do/> (дата обращения: 01.04.2021).
10. What we do // RNLI – Lifeboats. 06.08.2014. URL: <https://rnli.org/what-we-do> (дата обращения: 01.04.2021).
11. Über uns // Freiwilliges Soziales Jahr | FSJ. 13.06.2015. URL: <https://www.fsj.at/ueber-uns/> (дата обращения: 01.04.2021).
12. Freiwilliges Ökologisches Jahr (FÖJ) // Förderverein Ökologische Freiwilligendienste e.V. 18.06.2018. URL: <https://foej.de/foej-2/> (дата обращения: 01.04.2021).
13. Über weltwärts // Weltwärts. 29.01.2008. URL: <https://www.weltwaerts.de/en/ueber-weltwaerts.html> (дата обращения: 01.04.2021).
14. Our Strategic Plan // International Association for Volunteer Effort. 16.02.2013. URL: <https://www.iave.org/about-iave/> (дата обращения: 01.04.2021).

Educational emigration of Iranian and Tajik students to Russia: a comparative analysis

T. K. Rostovskaya¹, Mehdi Afzali¹

¹Institute for Demographic Research FCTAS RAS, 6 Fotieva str., p. 1, Moscow, 119333, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-4-416-429

Research Article
Full text in Russian

Academic mobility of students is a complex phenomenon that plays an important role in the process of socio-economic and cultural development of receiving and sending countries. With the beginning of the globalization process, the movement of scientists, professors, students, etc. has become easier, faster, and more convenient, which has prompted universities and research institutions to attract students from abroad. Russia, like many other countries, has created the project «Development of the export potential of the Russian education system». However, there are different internal and external factors affecting the export process of Russian educational services. The purpose of this study is to compare the motives of foreign students from Iran and Tajikistan who chose Russia as a destination country to continue their education. This study uses a qualitative approach using open, semi-structured interviews with international students from Iran and Tajikistan. In total, 33 students from four cities and 6 different universities in Russia were interviewed with 21 men and 12 women aged 20 to 31 years old. The results of this study show that Iranian and Tajik students have much in common in terms of language, culture, values, and traditions but differ in their motives and decision-making process.

Keywords: Mobility, academic mobility, students, higher education, migration, Russia, Iran, Tajikistan

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rostovskaya, Tamara K. | E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru
(correspondence author) | Doc. Sc. (Sociology), Professor

Afzali, Mehdi | E-mail: Mehdiafzali1991@gmail.com
| Cand. Sc. (Sociology), Senior researcher

Funding: RFBR, project No. 18-29-15043 MK.

For citation: Rostovskaya T. K., Afzali M. Educational emigration of Iranian and Tajik students to Russia: a comparative analysis // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2021. Vol. 7, No 4. P. 416-429. (in Russ.)

Образовательная эмиграция иранских и таджикских студентов в Россию: сравнительный анализ

Т. К. Ростовская¹, Мехди Афзали¹

¹Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, ул. Фотиевой, дом 6, стр. 1, Москва, 119333, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-4-416-429
УДК 314.74

Научная статья
Полный текст на русском языке

Академическая мобильность студентов – сложное явление, которое играет важную роль в процессе социально-экономического и культурного развития принимающих и отправляющих стран. С началом процесса глобализации перемещение ученых, профессоров, студентов и т. д. стало проще, быстрее и удобнее, что побудило университеты и научные учреждения привлекать студентов из-за рубежа. Россия, как и многие другие страны, создала проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». Однако существуют различные внутренние и внешние факторы, влияющие на процесс экспорта российских образовательных услуг. Цель данного исследования – сравнить мотивы иностранных студентов из Ирана и Таджикистана, которые выбрали Россию в качестве страны назначения для продолжения своего образования. В этом исследовании используется качественный подход с задействованием открытых полуструктурированных интервью с иностранными студентами из Ирана и Таджикистана. Всего было опрошено 33 студента из четырех городов и 6 различных университетов России, из них – 21 мужчина и 12 женщин в возрасте от 20 до 31 года. Результаты этого исследования показывают, что иранские и таджикские студенты, имеющие много общего с точки зрения языка, культуры, ценностей и традиций, различаются по своим мотивам и процессу принятия решений.

Ключевые слова: мобильность, академическая мобильность, студенты, высшее образование, миграция, Россия, Иран, Таджикистан

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ростовская, Тамара Керимовна
(автор для корреспонденции)

E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru
Доктор социологических наук, профессор, заместитель
директора по научной работе

Афзали, Мехди

E-mail: Mehdiafzali1991@gmail.com
Кандидат социологических наук, старший научный
сотрудник

Финансирование: РФФИ, проект № 18-29-15043 мк

Для цитирования: Ростовская Т. К., Афзали М. Образовательная эмиграция иранских и таджикских студентов в Россию: сравнительный анализ // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 4. С. 416-429.

Введение

Академическая мобильность – сложное социально-экономическое, политическое, культурное и психологическое явление, которое можно рассматривать с разных точек зрения в процессе миграции. В ходе глобализации академическая мобильность стала одним из важных факторов, который способствует развитию и росту профессионального уровня населения принимающих стран. Хотя существуют разные подходы к определению академической мобильности, как правило, она понимается как «период обучения, преподавания и / или исследования в стране, отличной от страны проживания студента или академического сотрудника (отныне именуется «родной страной») [1]. Академическая мобильность имеет прямое отношение к процессу интернационализации образовательных услуг в странах и университетах.

Процесс интернационализации образовательных услуг сделал перемещение ученых, профессоров, студентов и т. д. проще, быстрее, удобнее, продвигая различные образовательные программы для привлечения академического персонала и особенно студентов из других стран. В международном масштабе это повысило межкультурную терпимость, межкультурное понимание, знания, навыки, ценности и т. д., а также способствовало образовательному партнерству между странами. Студенты как основная группа академической мобильности играют важную роль в социально-экономическом и культурном развитии принимающих и отпускающих стран.

Студенческая мобильность имеет разное значение для университетов и студентов [2]. Университеты стараются привлекать лучших иностранных студентов, чтобы повысить свой мировой рейтинг. В развитых странах привлечение иностранных студентов способствует развитию экономики, основанной на знаниях, и положительно влияет на качество образования в университетах [3]. Студенты посредством образовательного и культурного обмена получают возможности для саморазвития и самореализации, знакомятся с другими культурами, новыми людьми, изучают иностранные языки, что делает их более социализированными в обществе [4]. Таким образом, мобильность студентов является очень важной характеристикой в процессе интернационализации университетов и стран, которая дает студентам новые знания и профессиональные навыки.

Чтобы иметь возможность эффективно использовать преимущества мобильности студентов, устанавливать личные связи и дальнейшее сотрудничество, должно быть налажено надлежащее взаимодействие между странами, университетами, партнерами по образованию, культурами, традициями и студентами.

Цель данного исследования – сравнить мотивы иностранных студентов из Ирана и Таджикистана, которые выбрали Россию в качестве страны назначения для продолжения своего образования. Сравнение в этом исследовании построено с трех точек зрения: причины эмиграции из родной страны (факторы выталкивания), причины выбора России в качестве страны назначения (факторы притяжения) и выбор конкретного университета. В этом исследовании мы выбрали студентов из Ирана и Таджикистана, поскольку у этих двух стран много общего, например язык, культура и традиции.

Методология

В данном исследовании применяется качественный подход с использованием открытых полуструктурированных интервью иностранных студентов из Ирана и Таджикистана. Респонденты обучаются на очной форме в ведущих университетах Москвы, Санкт-Петербурга, Астрахани и Казани. Всего было опрошено 33 студента из четырех городов и 6 различных университетов, в гендерном разрезе: 21 мужчина и 12 женщин в возрасте от 20 до 31 года. В основном они изучали стоматологию, общую медицину, инженерные, гуманитарные и социальные науки. Десять студентов из Таджикистана и один студент из Ирана получали стипендии от правительства России, а остальные оплачивали свое обучение. Данные интервью были собраны в апреле 2021 года. Интервью проводились при личном контакте либо онлайн через Zoom, на персидском и русском языке. Средняя продолжительность интервью составила 51 минуту (минимальная – 29 минут, максимальная – 73).

В ходе интервью задавались вопросы, аналогичные использованным в исследовании А. Нефедовой «Почему иностранные студенты выбирают обучение в ведущих университетах России». Поскольку имеющаяся литература о мотивации иностранных студентов, которые выбирают обучение в России, минимальна, автор использовала результаты интервью с иностранными студентами, чтобы выяснить, что привело их в Россию. Как и в исследовании А. Нефедовой, в нашей работе также используется теория притяжения-выталкивания, чтобы выяснить, что приводит иранских и таджикских студентов в Россию. Таким образом, сходство методов, использованных в этих двух исследованиях, дает более глубокое понимание того, почему иностранные студенты выбирают для обучения РФ.

Интервью включало следующие разделы: предыдущий опыт обучения, процесс принятия решений, процесс получения информации, процесс подачи заявки, процесс отбора, процесс обучения, место проживания, учебный план и плата за обучение. Интервью внимательно выслушивались и записывались, и каждая строчка тщательно анализировалась. Ответы, относящиеся к нашей теме, были определены и помечены. Затем сравнивались сходства и различия результатов, и ответы распределялись по категориям. Все результаты были показаны участникам, чтобы они могли оценить достоверность и надежность этих кодов.

Политика России в области экспорта образовательных услуг

Развитие сотрудничества между странами в области высшего образования в целом и академической мобильности в частности - сложный многомерный процесс. На высококонкурентном глобальном рынке образовательных услуг академическая мобильность - яркий символ современного мира и важный индикатор глобальных миграционных процессов. Для повышения эффективности миграционной политики России в условиях нынешнего реформирования системы международных отношений разработан проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» [5]. Это привело к увеличению привлечения иностранных студентов из стран СНГ и дальнего зарубежья.

Согласно статистическому изданию «Экспорт российских образовательных услуг», в 2017/2018 учебном году количество иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, составляло 334,5 тыс. чел. Почти 77 % от общего числа иностранных студентов (~ 257 тысяч студентов) в России обучаются на очной форме, что примерно в пять раз больше показателей 1995/1996 учебного года,

остальные 23 % обучаются на заочной форме. Россия – основная страна назначения для иностранных студентов из СНГ. В 2017/2018 гг. почти 53 % иностранных студентов, обучающихся по очной форме обучения в России, прибыли из стран СНГ, Грузии, Абхазии и Южной Осетии, примерно 25,1 % – из стран Азии, 8,6 % – из стран Ближнего Востока и Северной Африки, 5,7 % – из стран Африки к югу от Сахары, 2,5% – из стран Западной Европы, 2,1% – из Латинской Америки, 1,3 % – из восточноевропейских и балканских стран, 0,8% – из Северной Америки и Океании, 0,6 % – из стран Балтии и 0,3 % – из стран Северной Европы [7]. Студенты из Казахстана, Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана и Украины составляют, соответственно, 12,3 %, 6,5 %, 5 %, 5 % и 3,8 % от общего числа иностранных студентов в России.

Хотя количество иранских студентов в российских вузах за последние десять лет увеличилось почти в 6 раз и в 2017/2018 гг. достигло 2,7 тыс. чел., на них приходится всего 1 % от общего числа иностранных студентов и 6 % от общего числа студентов из стран Азии (в издании «Экспорт российских образовательных услуг» Иран классифицируется как азиатская страна). Это показывает, что доля таджикских студентов в общем количестве иностранных студентов в российских университетах примерно в 10 раз больше, чем иранских.

Ежегодно правительство России выделяет определенную квоту для иностранных студентов на обучение в российских вузах со стипендиями. В 2017/2018 учебном году было выделено 12 183 таких квоты. Наибольшая их доля пришлось на страны Азии (29,9 %), СНГ (28,7 %), Африки южнее Сахары (12,7 %), Ближнего Востока и Северной Африки (11,0 %). Восточно-европейским и балканским странам было выделено 7,35 % «бюджетных» квот, странам Латинской Америки – 5,5 %, Балтии – 2,4 %, Западной Европы – 2,1 %. Наименьшая доля «бюджетных» мест пришлось на страны Северной Европы (0,2 %), а также Северной Америки и Океании (0,2 %) [7].

В 2017/2018 гг. квоту на обучение в России получили 618 таджикских студентов, что составляет примерно 5 % от общего количества квот и 17,3 % от квот, полученных странами СНГ, Грузией, Абхазией и Южной Осетией, которая показывает снижение на 3 % за последние 5 лет. С другой стороны, только 90 иранских студентов получили квоты, что составляет всего 0,7 % от общего числа квот и примерно 2,6 % квот, полученных азиатскими странами, которые показывают рост на 0,6 % с 2005 года. Из 2,7 тыс. иранских студентов в России почти 91 % студентов (2,5 тыс.) учились на платной основе.

Исследование, проведенное А. Нефедовой, показывает, что мотивы студентов из стран СНГ и дальнего зарубежья при выборе России в качестве страны назначения для продолжения образования различны. Студенты из стран СНГ выбрали Россию, потому что у них там либо родственники, либо друзья, либо они сделали свой выбор, основываясь на собственных знаниях. С другой стороны, студенты из стран дальнего зарубежья считали, что Россия является относительно небезопасной страной, и что она не была их первым выбором при получении образования, поэтому их мотивация и процесс отбора иные. Более того, они почти не рассматривают для учебы другие города, кроме Москвы или Санкт-Петербурга. В том же исследовании выявлены другие проблемы, препятствующие привлечению иностранных студентов в Россию, такие как правовые ограничения при приеме на работу, неблагоприятная правовая база, снижение интереса к русскому языку, небольшое количество

образовательных программ на английском языке и плохая репрезентация российских университетов в Интернете [6].

Высокая численность молодежи в Таджикистане обуславливает высокий спрос на высшее образование, что делает эту страну одним из перспективных рынков для российских образовательных услуг. Высокий уровень безработицы в Таджикистане вынуждает большое количество молодых людей эмигрировать, и Россия считается одним из основных и наиболее желанных направлений для эмиграции. Сложившиеся между Таджикистаном и Россией отношения способствовали заключению межгосударственных, межправительственных и межведомственных соглашений, позволяющих таджикским студентам поступать в российские вузы с бюджетной формой обучения.

Несмотря на то, что отношение к России в Таджикистане ухудшается, многие его граждане оценивают РФ как дружественную страну. У многих таджикских семей есть родственники в России, с которыми они поддерживают постоянный контакт. Знание русского языка и культуры таджикским населением, а также более высокое качество образования побуждают таджикских студентов выбирать для учебы Россию [8]. Неконкурентоспособная система образования в Таджикистане и невозможность обучаться по многим специальностям также рассматриваются как факторы, влияющие на эмиграцию студентов из Таджикистана [9].

Эмиграция квалифицированной рабочей силы и студентов из Ирана также связана с высоким уровнем безработицы. Качество образования в области науки или техники в Иране довольно высокое. Выпускники бакалавриата и магистратуры могут легко поступить в западные или восточные университеты, включая Европу, Японию и Сингапур. Главными причинами эмиграции студентов из Ирана являются сложные вступительные экзамены в университеты и обязательная двухлетняя военная служба для мужчин. Многие студенты, не сдавшие экзамен, предпочитают эмигрировать, чтобы избежать военной службы. Даже те, кто поступил в иранские университеты, разочарованы социально-политическим давлением внутри университетов [10]. В исследовании 2018 г., проведенном А. Каземи и др. и посвященном иранским студентам в Малайзии, было установлено, что отсутствие социальной свободы и лишения являются толчком к их эмиграции, в то время как политическое давление не оказывает существенного влияния на эмиграцию. Незначительное влияние на эмиграцию студентов также оказывает ситуация со свободой слова и вероисповедания [11].

Полученные результаты

Чтобы сравнить и выявить сходства и различия, результаты наших исследований представлены в двух разделах. Мы разделили наши выводы на две группы: для иранских студентов и для студентов из Таджикистана. И каждая группа имеет три подкатегории, включая процесс принятия решения об обучении за границей (факторы выталкивания), процесс выбора России в качестве страны назначения для продолжения образования (факторы притяжения) и выбор российского университета.

Иранские студенты, обучающиеся в России

Процесс принятия решения об обучении за границей (факторы выталкивания). Доступ к образованию в Иране не ограничен, в 2017/2018 учебном году более 3,6 миллиона студентов обучались на разных уровнях в высших учебных заведениях Ирана [12]. Однако доступ в лучшие государственные университеты, которые являются бесплатными, высоко конкурентен. Студентам бакалавриата, магистратуры и докторантуры необходимо сдать сложный вступительный экзамен под названием «Конкур». Ежегодно этот экзамен сдают более 1 миллиона студентов. Чтобы поступить в хорошие университеты, особенно по медицинским и инженерным специальностям, студенты должны входить в 1,000 лучших студентов страны. Поэтому многие студенты, которые не могут получить желаемое образование в конкретном университете и конкретном городе, вынуждены эмигрировать на учебу за границу.

Когда мне было 18 лет, мне нужно было сдать вступительный экзамен, чтобы поступить в университет. Посещать любой университет Тегерана, чтобы изучать стоматологию, для меня было невозможно из-за того, что я не входил в 300 лучших студентов страны. Мой рейтинг на экзамене «Конкур» составил 45,000 по стране, что не дает мне возможности изучать стоматологию ни в одном университете Ирана.

В Иране у мужчин ситуация с поступлением в университет более сложная и ограниченная. Каждый мужчина в Иране должен пройти обязательную военную службу в течение почти 2 лет. После школы ученики должны заявить о своем военном статусе. Таким образом, у них есть один или два года для поступления в университет, а если не могут, они должны пойти служить в армию. Поэтому одним из основных факторов, влияющим на эмиграцию иранских студентов мужского пола, является военная служба.

Я очень усердно учился для экзамена «Конкур», но в первый год не смог поступить ни в один университет. На втором курсе я начал учиться, но думал, что не смогу попасть на желаемую программу в моем городе и, конечно, я никогда не планировал служить в армии. Я внес залог в размере 5,000 долларов США, чтобы уехать из страны, потому что в тот год я должен был стать солдатом. После этого я ни разу не вернулся в Иран за последние 4 года.

Еще одна проблема иранских университетов – это гендерная дискриминация и очень тяжелая атмосфера в образовательной среде. По некоторым специальностям количество мест для мужчин и женщин неравное. Более того, в университетах из-за менталитета религиозных групп женщины подвергаются давлению по поводу того, какая у них одежда и макияж.

Я прouчилась два года в университете в городе Мешед, за эти годы более десяти раз меня останавливали религиозные группы из-за моей одежды, моего макияжа и моего головного убора. Дважды я не смогла войти в университет. Есть некоторые профессора, которые не хотели сотрудничать со мной, потому как считали, что я этого не достойна из-за моего внешнего вида. Итак, я ушла из университета, когда мне

было 20 лет. Примерно один год я пробыла дома, а потом моя семья согласилась отправить меня в Россию, хотя они очень боялись это сделать.

Экономическая ситуация в Иране за последние десятилетия постоянно ухудшается. По данным статистического центра Ирана, в 2021 году уровень безработицы составит почти 12 %. В каждой семье можно найти человека образованного и не имеющего работы. Более того, одна из главных проблем заключается в том, что многие люди без оптимизма смотрят в будущее. Они считают, что социально-экономическая ситуация в Иране в ближайшее время не изменится.

В моей семье двое моих братьев остались без работы, один из них имеет степень магистра социальных наук, а другой – инженер, оба безработные. Я решил покинуть Иран, потому что хотел осуществить свои мечты в другой стране. Я не думаю, что вернусь в Иран, потому что считаю, что социально-экономическая ситуация в моей стране не соответствует моим амбициям, и не думаю, что ситуация изменится в ближайшем будущем.

Процесс выбора России как страны назначения для продолжения образования (факторы притяжения). Хотя от наших иранских студентов поступило много ответов о выборе России в качестве страны назначения для продолжения учебы, некоторые ответы повторялись чаще, чем другие. Например, более простой процесс подачи заявления на визу, дипломы некоторых российских университетов были приняты Министерством здравоохранения и медицинского образования Ирана и Министерством науки, исследований и технологий, простые университетские требования, отсутствие требований сертификатов о знании английского языка (например IELTS и TOEFL) и более низкая плата за обучение, чем в европейских или американских университетах. Поскольку Иран уже много лет находится под международными санкциями, получение визы – очень сложная задача для иранцев. Многие студенты, несмотря на то, что у них были приглашения от европейских и американских университетов, в процессе оформления визы получили отказ. Однако оформить заявку на визу для въезда в Россию очень просто и удобно.

Когда я получил приглашение из университета в России, я поехал в посольство России, которое находится в Тегеране, мне нужно было получить визу в очень короткие сроки. Я получил визу всего за 2 дня, но мне пришлось доплатить деньги за это. Другие мои друзья также получили визы не более чем за неделю без каких-либо проблем или странных требований.

Если иранский студент, получивший образование за границей, возвращается в Иран, чтобы работать на родине, его / ее диплом, полученный за границей, должен быть заверен либо Министерством здравоохранения и медицинского образования Ирана, либо Министерством науки, исследований и технологий. Каждый год эти министерства предоставляют список с названиями университетов в других странах, дипломы которых признаются ими. Это означает, что только те студенты, которые получили свои дипломы в перечисленных университетах, могут подтвердить свои степени и получить иранский эквивалентный диплом (в некоторых случаях им

необходимо сдать несколько предметов, чтобы иметь возможность получить эквивалентный диплом).

Я всегда хотел изучать стоматологию в другой стране, где мои дипломы будут приняты на моей Родине, потому что, когда я закончу учебу, я хочу работать в Иране. Агент, который послал меня в Россию, сказал мне, что здесь есть несколько университетов, которые принимаются Министерством здравоохранения и медицинского образования.

Многие из иранских студентов, обучающихся в российских университетах, не могут нормально говорить по-английски, у них нет сертификатов на знание языка и хорошей академической подготовки и результатов. Поэтому они ищут университеты без каких-либо из этих конкретных требований.

Я знаю, что во многих российских вузах требуется сертификат о знании английского языка, но у меня его не было. Мой агент сказал мне, что, заплатив взятку, он может зарегистрировать меня в университете без каких-либо особых требований.

Более того, обучение в России для иранских студентов считается относительно дешевым, если сравнивать оплату за обучение с европейскими или американскими университетами. Более того, расходы на проживание в городах России считаются более дешевыми, чем во многих городах Европы и Америки.

Сначала я хотел поехать в Чехию учиться, но помню, что это было очень дорого, почти 12000 евро в год на оплату за обучение. А расходы на проживание составляли в среднем 650 евро в месяц. В России это намного дешевле, особенно в Санкт-Петербурге в сравнении с Москвой.

Более того, во время наших интервью с иранскими студентами было еще несколько ответов, подтверждающих результаты исследования, проведенного А. Нефедовой. Например, многие иранские студенты говорили о том, что их родители боялись отправлять их в Россию. Они считали Россию опасной страной с агрессивными людьми. В некоторых случаях родители до сих пор считают Россию коммунистической страной. Кроме того, иранские студенты, обучающиеся в России, поскольку они учатся на английском языке и не могут свободно или должным образом говорить на русском языке, в некоторых случаях подвергались ненадлежащему обращению к себе со стороны российских граждан в общественных местах.

Подбор российского вуза. Иранские студенты не прилагают усилий, чтобы выбрать себе подходящий университет. Хотя в Интернете имеется много информации о российских университетах на персидском языке, студенты в основном ищут информацию об условиях жизни в России, а не о качестве образования. Студенты обычно ищут университеты, которые уже одобрены Министерством здравоохранения и медицинского образования и Министерством науки, исследований и технологий. Все наши иранские собеседники упомянули, что они подавали заявки в университеты через агентов или других иранских студентов в России, которые работают агентами. Агенты обычно поддерживают студентов от встречи в аэропорту до регистрации и подачи заявления на визу. Средняя цена, которую студенты платят агентам, составляет 1300 долларов США или евро.

Когда я хотел поступить в университет, мне было трудно это сделать. Более того, это был мой первый выезд из страны, поэтому я подумал, что мне нужен кто-то, кто мог бы поддержать меня в новой стране. Я уже знал, какие университеты принимаются Министерством здравоохранения и медицинского образования, поэтому я решил подать заявку через агентов, которые могли мне оказать услуги. Я заплатил 1400 долларов США. 700 долларов США я заплатил в Иране, а 700 – после того, как получил визу в университете.

Некоторые из наших собеседников выбрали конкретную программу в конкретном университете, но агенты их не одобряли. Им сказали, что в этот университет невозможно поступить или что университет предлагает программу только на русском языке, что было неверной информацией, предоставленной агентами по их личным соображениям. Более того, те респонденты, которые хотели эмигрировать в Европу или Америку после получения образования в России, отметили, что они были заинтересованы в поступлении в университеты, чей мировой рейтинг в системе QS ниже 500.

Таджикские студенты, обучающиеся в России

Процесс принятия решения об обучении за границей (факторы выталкивания). Одна из основных проблем Таджикистана заключается в том, что студенты университетов имеют ограниченный доступ к современным технологиям и инструментам. Не только учебные помещения и требования устарели, но и условия повседневной жизни студентов в таджикских университетах очень ограничены, недостаточны или имеют низкое качество.

Одна из причин, по которой я эмигрировал из Таджикистана, заключается в том, что мне не нравится университетская среда. У нас нет хороших технологий или новых инструментов. Например, я хочу быть инженером, но машинное оборудование в наших университетах очень старое или его количество недостаточно. Некоторые из наших университетов даже имеют очень ограниченный доступ к спортивным сооружениям, общежитиям и т. д.

Качество образования в таджикских университетах изменилось за последние 25 лет. После распада Советского Союза в 1990-х годах началось формирование новой образовательной системы, отвечающей международным требованиям, основанной на национальных ценностях, культуре и традициях, однако прогресс в изменениях был очень медленным [13]. Качество образования по многим программам очень низкое, преподавательский состав плохо подготовлен, а методы, используемые в некоторых программах, очень старые. Таким образом, рейтинг университетов и институтов высшего образования Таджикистана в мире очень низкий.

Я учился на бакалавриате в Таджикском государственном национальном университете, во время учебы мы могли наблюдать, что многие профессора не имели должного образования. Книги, статьи, методы и обсуждения взяты из очень старых источников. Исследованиям уделялось гораздо меньше внимания, чем в России. Профессора, которые не были хорошо образованы или хорошо подготовлены, были еще более

несправедливы, выставляя хорошие оценки, что делало учебную среду очень неприятной.

Хотя экономическая ситуация в Таджикистане с точки зрения безработицы (7,5 %) и инфляции (6 %) [14] намного лучше, чем в Иране, студенты из Таджикистана очень пессимистично относятся к поиску работы на родине после окончания университетов. Они считают, что для того, чтобы найти работу в Таджикистане, вы должны знать кого-то, кто мог бы помочь вам в процессе трудоустройства. Это означает: если у вас нет никаких связей, вы не сможете найти работу, что заставляет людей эмигрировать в Россию, как это сделали другие члены их семей.

Я считаю, что найти работу в Таджикистане очень сложно, более того, вы не сможете найти подходящую работу с достойной зарплатой, если у вас нет связей с кем-то, кто уже где-то работает. Трое моих двоюродных братьев после 3 лет работы в Душанбе эмигрировали в Москву. Я подумал, зачем мне тратить время в Таджикистане, поэтому я приехал в Москву, чтобы найти работу и помочь своей семье в Таджикистане.

Одним из факторов, побуждающим студентов эмигрировать из Таджикистана, является то, что они, как правило, не чувствуют себя комфортно в местной социальной атмосфере. Они отметили, что уровень жизни как у студентов в России у них выше, чем в Таджикистане. Хотя они столкнулись в России со многими проблемами, такими как дискриминация или расизм, они считают, что живут в России более комфортно и расслабленно с социальной точки зрения. Некоторые из наших собеседников считали, что даже с религиозной точки зрения они чувствуют себя свободнее.

Теперь, когда я приехал в Россию, я больше думаю о том, как мне было неуютно в моей стране. Помню, в то время мне всегда приходилось делать религиозные вещи, которые мне говорили делать родители. Отношения с девушками были под пристальным вниманием. У нас было не так уж и весело, и жизнь была такой рутинной.

Процесс отбора России как страны назначения для продолжения образования (факторы притяжения). Выбор России в качестве страны назначения для продолжения образования или работы – явление не новое для людей из стран СНГ. Традиционно в последние десятилетия миллионы иммигрантов прибывают в Россию из государств СНГ, поэтому существует особая социально-экономическая сеть среди людей в странах происхождения и тех, кто живет в РФ. Наличие членов семьи и родственников в России побуждает других людей в родных странах переезжать в РФ. При этом они получают поддержку родственников, помогающих адаптироваться в России.

Я приехал в Россию, потому что мой брат и двое моих двоюродных братьев живут в Москве, они уехали в Россию в 2016 году. Когда они приехали навестить семью в Таджикистане, они объяснили ситуацию с Москвой, университетами и т. д., так что приезд в Россию был для меня менее рискованным, потому что я знал, что там мне могут помочь, если я столкнусь с какой-либо проблемой. Кроме того, когда

я учился в школе в Таджикистане, некоторые из моих учителей окончили университеты в России. В Таджикистане везде, где вы видите, можно найти кого-то, кто так или иначе связан с Россией.

Более того, многие студенты из Таджикистана выбрали Россию, потому что после окончания учебы хотят жить и работать в РФ. Многие из них, пока учатся, работают и материально помогают своим семьям в Таджикистане.

Многие мои друзья работают в России, они приехали сюда давно, работают в такси и на стройке. Я приехал сюда, потому что думал, что мне легче найти работу, чем в моей стране, сейчас я учусь и подрабатываю в службе доставки. После окончания учебы планирую работать в строительной сфере.

Поскольку десять таджикских студентов, участвовавших в нашем исследовании, учились на стипендии, результаты наших интервью показывают, что стипендия для таджикских студентов была одним из основных факторов, побуждающих их учиться в России.

Правительство России предоставляет стипендии многим людям со всего мира. Я смог получить место по квоте, поэтому я переехал сюда.

Более того, во время наших интервью были другие ответы, влияющие на студентов из Таджикистана, желающих учиться в России, такие как знание языка, поскольку многие из них уже могли говорить на русском языке, а также общее понимание и знакомство с русской культурой, окружающей средой и людьми.

Подбор российского вуза. Выбор вуза для студентов из Таджикистана кажется несложной задачей. Доступ к информации о российских университетах на русском языке позволяет студентам найти достаточную информацию о желаемой программе, степени и университете. Однако наиболее важным фактором при выборе вуза для таджикских студентов являются члены семьи или родственники. Это означает, что предоставляемая ими информация играет важную роль в процессе принятия решений. Таджикские студенты предпочитают узнавать об образовании и условиях жизни в России от своих знакомых и членов таджикских миграционных сетей. Однако они предпочитают учиться в университетах, расположенных в крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург, чтобы легче было найти работу.

Я знал, что хочу изучать гуманитарные науки в Москве, поэтому я искал несколько университетов и ознакомился с ними. Однако, чтобы лучше понимать стоимость обучения, условия проживания, атмосферу обучения, задавал вопросы своим таджикским соотечественникам, которые уже учились в российских вузах.

Другими критериями выбора вуза, упомянутыми таджикскими респондентами, являются стоимость обучения, близость к месту проживания членов семьи или родственников, рейтинг вузов в QS и более качественные условия для обучения.

Заключение

В данном исследовании сравниваются мотивы эмиграции из Ирана и Таджикистана, а также обсуждается процесс принятия решений при выборе страны и вуза. Иранские и таджикские студенты, имеющие много общего с точки зрения языка, культуры, ценностей и приверженности своим национальным традициям, различаются по своим мотивам и процессу принятия решений.

Картина эмиграции студентов из Ирана показывает, что если, например, в последние десятилетия иранцы переехали в Европу или Америку для обучения в высококачественных университетах, то сегодня, особенно с 2009 года, после протестов из-за президентских выборов, эмиграция студентов из Ирана в основном вызвана тем, что они просто хотели убежать от таких проблем, как вступительные экзамены в университет, военная служба, гендерная дискриминация и т. д. Кроме того, они редко ищут высококачественные университеты. Многие студенты не могут поступить в такие вузы, так как они не соответствуют их академическим и языковым требованиям. Причины, по которым они выбрали Россию в качестве страны назначения для обучения, ограничиваются такими факторами, как низкая плата за обучение, легкий процесс получения визы и поступления в университет. Во время наших интервью мы почти не заметили такого важного фактора при выборе университета, как качество образования. Более того, поскольку иранские студенты не знают русского языка, они предпочитают работать с посредниками, агентами и т. д., что стоит им денег, а иногда сталкиваются с неверной информацией о стране, университете, людях, культуре и т. д.

С другой стороны, студенты из Таджикистана традиционно эмигрируют в Россию, потому что у них много семей и родственников, которые уже живут в российских городах. Они уезжают из-за плохой инфраструктуры в их университетах, низкого качества образования, необразованных и неподготовленных профессоров, учителей, методик, книг и т. д. Многие студенты также некомфортно чувствуют себя в Таджикистане в социальном и религиозном плане. В отличие от иранских студентов студенты из Таджикистана, которые планируют эмигрировать в третью страну или вернуться домой, намерены работать в России. Они хотят продолжить учебу в России, потому что им легче устроиться на работу во время учебы в университетах или после их окончания. Поэтому они вслед за родителями, членами семьи, родственниками уезжают в Россию, чтобы в будущем как-то помочь своим семьям в Таджикистане.

Ссылки / References

1. Recommendation № R (95) 8 of the Committee of Ministers to Member States on Academic Mobility (Adopted by the Committee of Ministers on 2 March 1995 at the 531st meeting of the Ministers' Deputies) // Council of Europe. 02.03.1995. URL: <https://rm.coe.int/16804e4d00> (дата обращения: 20.05.2021).
2. The Dynamics of International Student Circulation in a Global Context / Agarwal, Pawan & Said, Mohsen & Schoole, Molatlhegi & Sirozi, Muhammad & de Wit, Hans. Brill-Sens, 2007. P. 109–144. DOI:10.1163/9789087903169_006.

3. Interim evaluation of Erasmus Mundus II (2009–2013): Final Report // European commission. 19.09.2012. URL: <http://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2012/EN/1-2012-515-ENF1-1.Pdf> (дата обращения: 20.05.2021).
4. Socialization of a personality under the conditions of globalization and informatization of the society / M. G. Sergeeva, L. Z. Karavanova, M. A. Bereznatskaya, K. E. Klychkov, T. E. Loktionova, V. A. Chauzova // *Espacios*. 12.02.2018. URL: <http://www.revistaespacios.com/a18v39n21/a18v39n21p28.pdf> (дата обращения: 20.05.2021).
5. Russian-Chinese Academic Mobility As Competitive Partnership / S. Ryazantsev, S. Shakhray, A. Yanick, S. Popova // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2020. № 90 (1). P. 15–24. DOI:10.1134/S1019331620010128.
6. Nefedova A. Why International Students Choose to Study at Russia's Leading Universities // *Journal of Studies in International Education*. October 2020. P. 1–16. DOI:10.1177/1028315320963514.
7. Экспорт российских образовательных услуг // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://www.5top100.ru/documents/library/113494/> (дата обращения: 20.05.2021).
8. Голомидова П. С. Экспорт российского высшего образования в Таджикистане: потенциал и перспективы. // *Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов. Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.)*. М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 5604–5613. DOI:10.19181/kongress.2020.659.
9. Ризоён Ш. Ш. Внешняя образовательная миграция молодежи Таджикистана как двухуровневый ресурс «мягкой силы» // *Научный журнал «Дискурс Пи»*. 2021. № 1 (42). С. 158–175. DOI:10.24412/1817-9568-2021-1-158-175.
10. Kamyab S. Flying Brains: A Challenge Facing Iran today // *International Higher Education*. 2007. № (47). P. 23–24. DOI:10.6017/ihe.2007.47.7955.
11. Contributing Factors to Migration Growth Among Iranian Students: Drivers of Migration to Malaysia / A. Kazemi, A. Baghbanian, M. M. Maymand et al. // *Int. Migration & Integration*. 2018. № 19. P. 757–770. DOI:10.1007/s12134-018-0567-z.
12. Statistics of Education and research // Statistical center of Iran. URL: <https://www.amar.org.ir/english> (дата обращения: 20.05.2021).
13. DeYoung A. J., Kataeva Z., Jonbekova D. Higher Education in Tajikistan: Institutional Landscape and Key Policy Developments. In: Huisman J., Smolentseva A., Froumin I. (eds) *25 Years of Transformations of Higher Education Systems in Post-Soviet Countries // Palgrave Studies in Global Higher Education*, Palgrave Macmillan. 25.04.2018. P. 482. https://doi.org/10.1007/978-3-319-52980-6_14
14. Unemployment and inflation rate of Tajikistan // World bank data. URL: <https://data.worldbank.org/country/tajikistan> (дата обращения: 20.05.2021).

Professionalization of social work in Germany: a reflection on the history of professional space development

H.-V. Bossong¹, Z. H.-M. Saralieva², S. A. Sudjin²

¹University of Duisburg-Essen, Germany

²Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 7 University lane, Nizhni Novgorod, 603000, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-4-430-439

Research Article
Full text in Russian

The professionalisation of social work is examined using Germany as an example. The main aspects of the process are explored: professional qualifications, content aspects of professional work, resources allocated and their control, as well as empirical and theoretical research in social work. The evolution of approaches to aid motivation from ecclesiastical and Christian traditions of love for one's neighbour to institutionalised aid within the functioning of welfare states is analysed. The dynamics of approaches to the definition of neediness in order to prevent the development of social parasitism is studied, the historical continuity of forms of work with socially deprived groups is shown. The professionalization of social work is considered in socio-historical context: its connection with protest movements of neo-Marxist persuasion in 1960s and changes in the system of academic training of social work professionals with the introduction of Bologna system is analyzed. The material in this article is the result of many years of research, including participant observation by the authors.

This text is the latest and the last article by Professor Horst Bossong, one of Germany's leading specialists in social work, social policy and administration. The article summarizes the author's long-standing interest in the history and philosophy of social work, which reflects major milestones in the spiritual evolution and economic development of contemporary European societies.

Keywords: social solidarity, professionalisation of social work, social work in Germany, history of social work, philosophy of social work, management in social work

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Боссонг, Хорст-Вернер | Dean of the Faculty of Education Sciences in 2004-2020

Саралиева, Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна | Email: zara@fsn.unn.ru
Doc. Sc. (History), Professor

Суджин, Сергей Александрович | Email: sudjin@mail.ru
(автор для корреспонденции) | Доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук

For citation: Bossong H.-V., Saralieva Z. H.-M., Sudjin S. A. Professionalization of social work in Germany: a reflection on the history of professional space development // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2021. Vol. 7, No 4. P. 430-439. (in Russ.)

Профессионализация социальной работы в Германии: рефлексия развития профессионального пространства

Х.-В. Боссонг¹, З. Х.-М. Саралиева², С. А. Судьин²

¹Университет Дуйсбург-Эссен, Германия

²Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Университетский переулок, д. 7, Нижний Новгород, 603000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-4-430-439
УДК 316

Научная статья
Полный текст на русском языке

Рассматривается профессионализация социальной работы на примере Германии. В качестве основных аспектов процесса изучаются: профессиональная квалификация, содержательные аспекты профессиональной деятельности, выделяемые ресурсы и контроль за их расходованием, а также эмпирические и теоретические исследования в социальной работе. Анализируется эволюция подходов к мотивации оказания помощи: от церковных и христианских традиций любви к ближнему до институционализированной помощи в рамках функционирования социальных государств. Изучается динамика подходов к определению нуждаемости с целью воспрепятствования развитию социального паразитизма, показана историческая преемственность форм работы с социально депривированными группами. Профессионализация социальной работы рассматривается в социально-историческом контексте: анализируется ее связь с протестными движениями неомарксистского толка в 60-х гг. XX века и с изменением системы академической подготовки специалистов по социальной работе с введением Болонской системы. Материалы статьи представляют собой результат многолетних исследований, в том числе включенного наблюдения авторов.

Данный текст является последней статьей профессора Хорста Боссонга, одного из крупнейших немецких специалистов в сфере социальной работы, социальной политики и управления. Статья подводит своеобразный итог многолетнего авторского интереса к истории и философии социальной работы, в которых отразились основные вехи духовной эволюции и экономического развития современных европейских обществ.

Ключевые слова: социальная солидарность, профессионализация социальной работы, социальная работа в Германии, история социальной работы, философия социальной работы, управление в социальной работе

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Боссонг, Хорст-Вернер | Декан факультета наук об образовании в 2004–2020 гг.

Саралиева, Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна | Email: zara@fsn.unn.ru
Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук

Судьин, Сергей Александрович | Email: sudjin@mail.ru
(автор для корреспонденции) | Doc. Sc. (Sociology), Associate Professor

Для цитирования: Боссонг Х.-В., Саралиева З. Х.-М., Судьин С. А. Профессионализация социальной работы в Германии: рефлексия развития профессионального пространства // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 4. С. 430-439.

Введение

Рассуждения о принципе социальной солидарности наводят нас на мысль о том, что человеческий потенциал реализуется не только путем оказания помощи лицам, находящимся в нашем повседневном социальном окружении. Благодаря имеющимся технологиям и методам можно обеспечить необходимой помощью большое количество неизвестных нам клиентов, находящихся на значительном расстоянии от нас, что является одной из черт современных функционально высокодифференцированных обществ. Однако это может быть достигнуто только в организациях, работающих в рамках соответствующего законодательства и получающих необходимое финансирование.

На примере социальной работы можно продемонстрировать цивилизованное развитие процесса структурирования и профессионализации индивидуальной помощи и поддержки в особой сфере социальной солидарности. Этот процесс протекал не линейно, как это обычно бывает с социальными процессами, он далеко не всегда продумывался концептуально, а в большинстве случаев был спонтанным и рождался в ответ на возникающие чрезвычайные ситуации. Среди таковых – социальная реакция на распространение нищенства, уличной проституции и мелкой преступности в крупных городах. В любом случае о начальной профессионализации социальной работы в Германии в современном понимании этого слова можно говорить лишь с начала XX века.

Проследим процесс профессионализации социальной работы с использованием следующих показателей:

- профессиональная квалификация;
- профессиональная деятельность (формальная и содержательная);
- размещение ресурсов и контроль над ними;
- исследования в области социальной работы.

Используем эти четыре области, чтобы задать вопрос, в состоянии ли мы сегодня гарантировать в целом «идеальную», то есть современную, функционирующую систему социального обеспечения? Ответ и «да», и «нет». Но каковы основные проблемы, стоящие перед государством и различными сервисными компаниями и организациями, и какие корректировки могут и должны быть сделаны для обеспечения оптимального организованного ухода в долгосрочной перспективе? Этот вопрос касается наиболее важных элементов формирования профессионализма в интересах современной социальной работы. Какие навыки необходимы для соблюдения принципа социальной солидарности по отношению к социально незащищенным людям? Речь идет не просто о помощи, так как зачастую требуются совершенно новые форматы и методы, с которыми придется иметь дело при обучении, практике и исследованиях.

Солидарность в конкретной форме взаимопомощи, как хорошо известно, существовала всегда, в разных формах в зависимости от уровня развития и конкретного социального контекста; люди помогали друг другу еще и потому, что зависели друг от друга. Это всегда требовало морального поощрения. Так, например, нам известны наставления древнеримского философа Сенеки в начале первого века нашей эры: «Будем солидарны: мы родились для общины; наша община подобна арке из камней, которая рухнула бы, если бы камни не поддерживали друг друга, и они удерживаются ею» [1, с. 495]. Точно так же нам известны проповеди Василия Кесарийского в IV веке: «Ничего, – подчеркнул он, – так не свойственно нашей природе, как то, что мы живем в общении друг с другом, нуждаемся друг в друге и любим наших соплеменников. Но от

того, что Бог ранее посеял в нас, Он, следовательно, требует плодов» [2]. В средние века богословские трактаты Фомы Аквинского (1225–1274) о милосердии и милостыне были особенно новаторскими; он писал: «Поскольку милосердие – это действие Божьей любви, то милостыня – это логическое действие любви Божьей через посредничество милосердия» [3, с. 255].

На этих трех примерах становится ясно, что практическая солидарность, забота и помощь являются не только общечеловеческими, но и религиозными обязанностями. В то же время мы видим, что до конца средневековья парадигма «добродетельного дарителя» была доминирующей. Сенека писал, что помощь «есть черта важного и ценного духа» [4, с. 103.]. А Фома учил: «Любовь Божия ... – это цель, на которую направлена любовь ближнего» [5, с. 146.], которая одновременно направлена «на искупление вины» [6, с. 256], то есть на спасение души дарителя.

Этот взгляд меняется в ранний современный период, когда число горожан, а вместе с ним и бедность и попрошайничество стремительно росли. На некоторых территориях более 50 % жителей жили в относительной или абсолютной нищете. Следовательно, внимание теперь было направлено в первую очередь на нуждающихся: «настоящие» ли они или же это просто «профессиональные паразиты»? Парадигма добродетельного, благочестивого дарителя, господствовавшая до второй половины XV века, начала трансформироваться в парадигму злобного и ленивого получателя, к которому следует относиться с жесткостью, а не с милосердием. В центре общественного дискурса оказалась уже не мотивация дарителя, а характеристики берущего. Хотя религиозно мотивированный даритель все еще был нужен, с этого момента он должен был заботиться о том, чтобы его милостыня не доходила до ленивых и недостойных ее попрошаек.

Этика спонтанной помощи, которая функционировала на протяжении многих веков и функционирует в определенной степени до сих пор, была поставлена под сомнение обществом в целом и была признана дисфункциональной. Вместо этого в ходе дальнейшего развития, то есть продвижения функциональной дифференциации наших обществ, возникли новые формы солидарности, точнее, солидарность между чужими (Хауке Брунхорст) [7, с. 13–38]. Управление бедностью в интересах городского порядка, сегрегация нищих в пенитенциарные учреждения и в рабочие дома, особенно в начале XVII–XIX вв., постепенное, начиная с XIX в., предоставление гарантированных прав на льготы широким массам населения начинают играть все большую роль. Георг Зиммель охарактеризовал это как решающий сдвиг в парадигме. Речь идет прежде всего не о бедных, а о защите общества от бедности. Это имеет свои последствия. Если речь идет уже не о страданиях отдельного человека, а о благополучии общества в целом, доминирующими финансовыми инструментами становятся не добровольные пожертвования и даже не благотворительные фонды. Основными инструментами становятся общие налоги и обязательные отчисления на социальное обеспечение – это основа социального законодательства Бисмарка. Проявлением солидарности в отношении чужих людей стало достойное выполнение обязанностей по уплате налогов и отчислений – и не больше.

Уход и забота сегодня обретают новое звучание. Социальное благополучие, порядок и социальная интеграция в значительной степени реализуются как бизнес-модель, через успех в бизнесе социальных предприятий, которые служат общему благу, профессионально борясь с социальным и психологическим неблагополучием. В то же время это означает, что «помощь утратила прежний пафос» [8].

Так как же сегодня обстоят дела с социальной работой?

Профессиональная квалификация

Как известно, повседневная помощь не является профессиональной деятельностью и не требует квалификации. Идея о необходимости профессионального образования в сфере заботы и помощи возникла в Германии еще в XIX веке, что не в последнюю очередь было обусловлено тогдашними успехами экономической науки. Заслуга в создании системы специализированного обучения практикам заботы принадлежит Алисе Саломон (1872–1948), создавшей в 1908 году в Берлине первую женскую социальную школу, что положило начало профессиональному образованию в сфере социальной работы. Она отмечала, что существует потребность в «тщательно проверенных методах», которые не только поддерживают нуждающихся в помощи, но и предлагают «эффективные», то есть постоянно работающие методы по избавлению от нужды [9, с. 155.]. Ее идеи ознаменовали формирование новой парадигмы заботы: «Любая забота <...> стремится к восстановлению экономической независимости, здоровья, способности вести ответственную жизнь. Но это только одна часть вопроса. Все сводится к другой цели. Ее можно назвать «развитием личности», средством для которого является сознательная и всесторонняя адаптация человека к его окружению, а также к конкретным потребностям и способностям. Это означает, что лицо, обеспечивающее уход, должно справляться с проблемами, порождаемыми как внутренним миром клиента, так и его социальным окружением» [10, с. 80.].

Становится понятно: забота – это сложный процесс, а не просто вынужденная адаптация клиента к социальным требованиям и нормам. Она включает в себя и формирование условий, которые затрудняют или, наоборот, облегчают социальную интеграцию, то есть мобилизуют все те ресурсы социального пространства, которые необходимы для успешной интеграции. Профессиональная помощь должна быть в равной степени сосредоточена на внутриличностных проблемах и конфликтах (а с другой стороны, ресурсах) клиента и на внешних угрозах и рисках. Именно учет психосоциального и внеличностного измерения стал основой современной парадигмы социальной помощи.

Конечно, многие идеи А. Саломон и других теоретиков государства всеобщего благосостояния начала XX века [11, с. 64–65] основаны на понятиях, которые в рудиментарных формах существовали на протяжении многих столетий. Это относится, например, к постулату «экономической самодостаточности» посредством работы в качестве убедительной альтернативы попрошайничеству, преступности и/или государственных трансфертов, а также к постулату о дотошной проверке личных средств. Оба эти постулата являлись важными условиями для предоставления помощи по крайней мере с XVI века. В частности, гуманист Хуан Луис Вивес (1492–1540), родившийся в Валенсии и проживавший в Брюгге (Бельгия), разработал первую систематическую теорию благосостояния и представил ее совету города Брюгге в 1526 году [12, с. 13–23]. Примечательны ясность и строгость его подхода: каждая городская администрация, – писал он, – должна была составить регистр номеров и индивидуальных потребностей всех бедняков и постоянно его обновлять. На основе тщательной проверки средств в каждом отдельном случае каждому малообеспеченному человеку, который способен работать, но не может найти работу по собственному желанию, следует создать рабочее место на одном из ремесленных предприятий города. Если бедняк отказывается от этой работы, его следует к работе принудить, что станет примером и для других. Удивительно, но меры, применявшиеся в XVI веке, актуальны до сих пор: мы сейчас назы-

ваем их первичной, вторичной и третичной профилактикой. Центральная идея в размышлениях Вивеса не утратила значимости и поныне: давать индивиду нужно то, что сделает его сильнее, а не то, чего он требует. Как официальная проверка нуждаемости в каждом отдельном случае, так и способность работать на регулярной основе, ведя благочестивый образ жизни, являются существенными предпосылками для ухода и работы и по сей день. Но если индивид действительно не в состоянии работать и нуждается в серьезной помощи, то от социального работника требуется квалифицированное образование. Эту задачу и попыталась решить А. Саломон в своей женской социальной школе.

С тех пор социальное образование сильно изменилось. Если не принимать во внимание период нацистской диктатуры, можно выделить два этапа, которые сформировали актуальное состояние академической подготовки социальных работников в Германии: так называемое «движение 68 года» и Болонская реформа конца 90-х годов XX века.

«Движение 68 года» – это череда студенческих волнений и протестов, вдохновленных ренессансом марксистских идей в Западной Европе и США, носивших выраженную антиправительственную и критическую ориентацию. Так, в начале 1970-х гг. швейцарский социолог Вальтер Гольштейн и берлинский психолог Марианна Майнхольд критиковали социальную работу как орган контроля, надежное средство поддержания социального статус-кво капиталистической системы. Социальную работу обвиняли в дезинтеграции общества, в делении клиентов на «обычных» и «деклассированных», которые представлялись как жертвы эксплуатации, вынужденные приспосабливаться к окружающей действительности вопреки своим интересам и потребностям. Решением проблем виделось формирование класса подобных отверженных на основе осознания своих интересов.

Под шквалом этой критики, но прежде всего в связи с вопиющими недостатками в работе большинства учреждений в 1950-е годы и ростом жалоб со стороны клиентов профессиональное образование и практика социальной работы претерпели значительные изменения. Социальная работа стала университетской специальностью, подготовка была усилена блоком политических и общественных дисциплин. Образовательные науки заняли лидирующие позиции в формировании теории социальной работы. На протяжении многих лет особенно влиятельным был эмансипационный подход Клауса Молленхауэра из университета Франкфурта-на-Майне и Геттингена, а также концепция жизненного мира или повседневной ориентации, разработанная тюбингенским педагогом Хансом Тиршем. Развитие университетов с начала 1970 г. и появление молодых научных кадров, создание кафедр социальной работы по всей стране ознаменовали начало новой эпохи в развитии социальной работы как науки и учебной дисциплины.

После принятия в 1999 г. Болонской декларации о европейской реформе высшего образования произошел еще один важный, хотя и далеко не бесспорный шаг в сторону повышения качества академической подготовки социальных работников и социальных педагогов. В частности, модульная структура учебных программ и более конкретные учебные планы оптимизировали процесс обучения и сократили продолжительность учебных курсов. В настоящее время в 114 университетах немецкоязычного пространства существует в общей сложности 178 бакалаврских программ по социальной работе и социальной педагогике [13]; общее число студентов в последние годы в немецких университетах составляет от 70 000 до 80 000 человек; число студен-

тов, зачисленных на первый курс, возросло за последние года с 16 000 до 24 000 человек. Количество выпускников варьируется от 12 000 до 14 000 человек [14], примерно 80 % из них – женщины. В 2006 г. Профессиональный совет по социальной работе, в котором представлено большинство университетов, осуществляющих подготовку по данному направлению, впервые принял единые квалификационные рамки для обучения бакалавров и магистров в области социальной работы.

Профессиональная деятельность

На протяжении многих веков забота о бедных осуществлялась отдельными лицами и учреждениями, работающими на общественных началах, в первую очередь – христианскими церквями и благотворительными ассоциациями. Социальная работа как профессиональная деятельность состоялась только в начале XX века. Предшественником этого была так называемая Страсбургская система 1905 г., которая, в свою очередь, пришла на смену так называемой Эльберфельдской модели, заключавшейся в разделении города на маленькие участки, в каждом из которых за призрение бедных отвечали конкретные люди, работавшие полный день на добровольных началах [15]. Предполагалось, что работники, занятые полный рабочий день, имеют больше опыта и смогут более последовательно осуществлять возложенные на них функции заботы о бедняках. Однако так думали не все. Влиятельный педагог Алоис Фишер (1880–1937), работавший в Университете Людвиг Максимилиана в Мюнхене, резко раскритиковал созданный таким образом класс служащих, поскольку считал, что при определенных обстоятельствах «профессиональный подход приводит к усилиям, которые помогают и покровительствуют даже там, где собственные силы хотят и способны справиться с нуждой». С позиции сегодняшнего дня его страх нельзя сбрасывать со счетов: социальный бизнес живет во многом за счет конструирования социальных проблем и, как следствие, потребности в помощи. Другими словами, генерирование постоянного спроса является основой успеха.

Тем не менее в XX веке эпоха неоплачиваемой добровольной (почти) помощи подходит к концу, и большинство «помощников» теперь выполняют свою работу на профессиональной основе. Если в 1950 г. работники, занятые полный рабочий день, выполняли около трех миллионов часов работы в год, то пятьдесят лет спустя эта цифра уже достигла почти двух миллиардов часов [16, с. 40.]. С середины 1970-х годов мы наблюдаем значительный рост числа профессиональных социальных работников. Конрад Майер и Кристиан Шпатшек подсчитали, что в 1977 г. в (Западной) Германии на каждые 2777 жителей приходился один социальный работник, занятый полный рабочий день. В 2004 г. в объединенной Германии один социальный работник приходился уже на 720 жителей [17, с. 27.]. С тех пор ситуация на рынке труда для социальных работников продолжает улучшаться; в целом, по данным Немецкого совета экономических экспертов, в период с 1991 по 2015 гг. объем занятости в социальной сфере Германии увеличился на 77 % (для сравнения: во всех секторах экономики за тот же период – на 11 %). Поэтому неудивительно, что студенты, обучающиеся по специальности «Социальная работа», получают предложения от социальных организаций о будущем трудоустройстве буквально с первых семестров. При этом везде говорится о растущей нехватке квалифицированных кадров в сфере социальной работы. И последнее, но не менее важное: этот спрос позитивно отражается в законодательстве о коллективных договорах и дает заметный рост заработной платы в профессии.

С конца 1970-х гг. произошли значительные изменения и в содержании образования, и в технологиях работы. Системный подход и консультирование, ориентированное на решение проблем, экспериментальные и реконструктивные методы нашли свое место в социальной работе. Широкое распространение получили медиативные процедуры, эмпауэрмент, кейс-менеджмент, социально-средовая ориентация и работа в социальных сетях. В целом можно сказать, что за последние сорок лет арсенал методов социальной работы был существенно расширен и диверсифицирован. Фактически развитие методов в последние десятилетия представляло собой в значительной мере компромисс между радикальными подходами идеологов 1968 г. и традициями психосоциального призрения, уходящими корнями в церковную благотворительность.

Этот компромисс сделал возможным технологический синтез и способствовал взаимному обогащению подходов. Прежде всего удалось акцентировать внимание на профессионализации социальной работы как части сферы услуг, которая преобладает в экономической структуре постиндустриальных обществ. Если повседневные потребности индивида в социальном и психологическом благополучии удовлетворяются сферой услуг, которые становятся все более индивидуализированными и приближенными к потребителю, то спектр этих услуг начинает расширяться и диверсифицироваться даже при сохранении права социальной работы на вмешательство в жизненную ситуацию клиента. Это, однако, относится к таким формам оказания услуг, которые организованы скорее рыночно, чем бюрократически. В силу этого неудивительно, что мы можем наблюдать возрождение интереса к критическим теориям 70-х гг. при анализе актуального состояния социальной работы, которая должна вернуть себе роль не рыночного, а политического субъекта. Здесь, возможно, упускается из виду то, что социальная политика имеет собственное дисциплинарное поле, отличное от профессионального пространства социальной работы. Интеграция в социальную политику чревата для социальной работы потерей собственной идентичности профессионального профиля. Следует задаться вопросом, какие предложения востребованы, почему и насколько устойчиво они работают? Существует потребность в эффективном управлении социальными услугами: эта тема на протяжении многих лет является предметом ожесточенных споров ученых и практиков.

Использование ресурсов и контроль

Около 30 % ВВП ежегодно расходуется в Германии на общественно-политические цели, из них почти 50 млрд. евро тратится на меры и предложения по социальному обеспечению детей и молодежи (в 2018 г.). Только за последние десять лет расходы в этой области увеличились примерно в два раза, поэтому очевидно, что необходимо постоянно анализировать эффективность распределения ресурсов. На фоне стремительного роста муниципального и государственного долга в 1990-е гг. начали систематически использоваться инструменты контроля расходования средств. Эти усилия в целом были интегрированы в процессы реформирования или модернизации местных и государственных администраций.

Фактически речь шла о достаточно банальных требованиях. Например, предписывалось более четко, чем ранее, формулировать оперативные и стратегические цели проводимой политики для определения адекватности, типа и объема предоставляемого финансирования и последующего контроля. Процесс оказания услуг должен иметь конкретные и привязанные к результатам сроки, что делает возможным контроль отклонений от целевого результата. Текущие процедуры должны соблюдаться,

документироваться и при необходимости корректироваться. В конце установленного периода дается взвешенная и критическая оценка проведенных работ. Только на основании этого должно быть принято решение о дальнейшей стратегии действий: будет ли продолжен проект, исправлен или прекращен. Существующие методы и приемы при всей их очевидности нередко горячо оспариваются. Классическая проблема «черного ящика» в процессе предоставления услуг, знакомая по теории принципала-агента, остается, таким образом, нерешенной и здесь. Одним из средств нормализации ситуации могло бы стать разумное использование сравнительного анализа, который в сочетании со строгими санкциями способствовал бы поиску передовой модели практики. Но и здесь критика часто бывает жесткой, довольно огульной и далеко не всегда улавливающей суть вопроса. Казалось бы, именно проблема «черного ящика» и массовая общественная критика заставляют многих руководителей отказываться от жесткого контроля. Вопрос, однако, в том, будут ли клиенты удовлетворены этим в долгосрочной перспективе?

Исследования

Начало исследований в области социальной работы можно датировать XVI веком. Они были посвящены изучению реального уровня жизни потенциальных получателей различных видов социальной помощи, что мы увидели в трудах Хуана Луиса Вивеса. Отчасти вдохновленные зарождающимися экономическими исследованиями в начале XIX века социальные науки на ранних этапах развития своей эмпирической практики тоже ставили своей целью детальное изучение сферы социальной работы. Пионерами здесь были в основном полевые исследователи в Англии и США. Благодаря своей работе 1845 года «Положение рабочего класса в Англии» к пионерам социологического подхода к проблеме бедности может быть причислен и Фридрих Энгельс [18]. Следует упомянуть, конечно, и Георга Зиммеля, который посвятил 7-ю главу своей «Социологии» (1908) теме бедности и недостаточности мер социальной политики [19]. Среди других авторов необходимо выделить Кристиана Джаспера Клумкера [20] и Алису Саломон. Пауль Наторп (1899) [21] и до него Карл Магер (1844/1845) [22] занимались темой социальной педагогики, но в первую очередь их работы были нацелены на инновации в области общей педагогики или школьного образования.

С конца 1940-х до начала 1960-х годов в особом почете были эмпирические исследования, нацеленные на решение конкретных проблем. Практика «ползучего эмпиризма», пришедшая из США, оказалась очень востребованной. С 1990-х годов неуклонно растет популярность как эмпирических, так и теоретических исследований. С методической точки зрения отметим преобладание качественных методов, что обусловлено, с одной стороны, спецификой предмета социальной работы, а с другой – инерционностью профессионального сообщества, которое пока еще трудно убедить в необходимости использования количественных методов. Тем не менее в целом результаты исследований в настоящее время являются важным элементом функционирования системы социальной работы.

Ссылки / References

1. Lucius Annaeus Seneca. Briefe an Lucilius (Liber Quintus Decimus) // Lucius Annaeus Seneca. Philosophische Schriften. Band 4. Darmstadt, 1984.
2. Basilius von Caesarea. Ausgewählte Schriften. Kempten, 1877.

3. Thomas von Aquin. De Beneficentia, Quaestio XXXII // Thomas von Aquin. Summa Theologica. Band 17a. Heidelberg u.a., 1959.
4. Lucius Annaeus Seneca. Über die Wohltaten (De Beneficiis) // Lucius Annaeus Seneca. Philosophische Schriften. Band 5. Darmstadt, 1989.
5. Thomas von Aquin: De Praeceptis Caritatis, Quaestio XLIV // Thomas von Aquin. Summa Theologica. Band 17b. Heidelberg u.a., 1966.
6. Thomas von Aquin. De Eleemosyna; Quaestio XXXII // Thomas von Aquin. Summa Theologica. Band 17a. Heidelberg u.a., 1966.
7. Liebsch B. Originäre Solidarisierung versus Pseudo-Solidität // Jahrbuch für christliche Sozialwissenschaften. Münster, 2007. Band 48, S. 13–38.
8. Luhmann N. Formen des Helfens im Wandel gesellschaftlicher Bedingungen // Otto, H. U., Schneider, S. (Hg.) Gesellschaftliche Perspektiven der Sozialarbeit. Band 1. Neuwied u. Darmstadt, 1973.
9. Salomon A. Leitfaden der Wohlfahrtspflege. Leipzig u. Berlin, 1921.
10. Salomon A. Schriften. Band 3. 1926 // Kuhlmann, C. (Hg.): Geschichte der Sozialen Arbeit II. Schwalbach, 2008.
11. Vgl. vor allem: Klumker, Chr. J. Methodik. 1911 // Schriften zur Jugendhilfe und Fürsorge. Frankfurt/M., 1968. S. 64-65.
12. Kuhlmann C. Geschichte Sozialer Arbeit II. Eine Einführung für soziale Berufe. Textbuch. Schwalbach/Ts.: Wochenschau Verlag, 2008.
13. Sozialarbeit Studium. 196 Studiengänge // StudiScan. URL: <https://www.studieren-studium.com/studium/Sozialarbeit> (дата обращения: 14.06.2020).
14. Sozialwesen: Sozialarbeit und Sozialpädagogik // Universität Duisburg-Essen. URL: https://www.uni-due.de/isa/fg_sozial_gesund/sozialwesen/sozialwesen_hs_frm.htm (дата обращения: 14.06.2020)
15. Павлова И. П. Эльберфельдская система социальной помощи неимущим: от добровольчества к профессионализму // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 3. С. 363–376.
16. Ottnad A. u.a. Zwischen Markt und Mildtätigkeit. Augsburg, 2000.
17. Maier K. Spatscheck, Chr. Arbeitsmarktchancen für SozialarbeiterInnen // Sozial extra. 2004. Heft 11.
18. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 2. М.: Политиздат, 1955. С. 231–517.
19. Simmel G. Soziologie. Leipzig: Duncker & Humblot, 1908.
20. Klumker Chr. J. Methodik // Schriften zur Jugendhilfe und Fürsorge. Frankfurt, 1968.
21. Наторп П. Избранные работы / Сост. В. А. Куренной. М.: Территория будущего, 2006. 384 с. // Высшая школа экономики. URL: <https://www.hse.ru/data/2010/03/07/1231520277/Наторп%20Пауль.%20Избранные%20работы.%202006.pdf> (дата обращения: 17.11.2021).
22. Karl Mager. Die deutsche Bürgerschule. Schreiben an einen Staatsmann. Stuttgart, 1840. 268 s.

Stable expressions with the color adjective orange in the Russian language of the 20th century

E. N. Laguzova¹, E. N. Martynova¹

¹Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, 108/1 Respublikanskaya str., Yaroslavl 150000, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-4-440-447

Research Article
Full text in Russian

The article presents a structural and semantic analysis of stable expressions of the 20th century with the adjective orange, many of which are based on metaphorical and associative-symbolic use of their constituent components. Among the ways of the author's transformation of such lexical units, the authors note the addition and replacement of significant parts of speech with other forms of the same word or synonyms, as well as a change in the location of the components of the expression in relation to each other, which not only does not destroy the idiom, but, on the contrary, intensifies its meaning. The evolution of the original meaning of expressions with the color adjective orange is shown, which is due to the change (expansion) of the circle of nouns combined with the adjective, the implication of evaluation, the formation of new synonymous links with metaphor. Particular attention is paid to stable expressions with political significance, the largest number of which began to appear since 2013 in connection with political events taking place in Ukraine, where orange was chosen for the symbols of the Ukrainian opposition. The development of negative connotations in the expression orange revolution is explained by the corresponding semantic potential of the adjective orange itself, for which semes with negative connotations are productive in speech. The expansion of the compatibility of the adjective orange in modern Russian has led to the emergence of new meanings for the adjectival. Using examples extracted from the newspaper subcorpus of the National Corpus of the Russian Language, representing a collection of texts of printed newspapers and electronic agencies of the 2000s, it is shown that the use of stable expressions with the color adjective orange reflects the tendency characteristic of the development of the modern Russian language to expressivize the written text in connection with the formation of an evaluative statement capable of conveying the attitude of a journalist to social, cultural, political events. At the same time, the expressed social axiological assessment performs various functions in the text: from attracting attention and overcoming the standard to manipulating the consciousness of the mass reader.

Keywords: stable expressions, adjective orange, figurative meaning, metonymic transfer, metaphor, author's transformation of stable expressions

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Laguzova, Evgeniya N. | E-mail: laguzova.e@mail.ru
| Doc. Sc. (Philology), Professor

Martynova, Elena N. | E-mail: martlen2009@yandex.ru
| Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor

For citation: Laguzova E. N., Martynova E. N. Stable expressions with the color adjective orange in the Russian language of the 20th century // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2021. Vol. 7, No 4. P. 440-447. (in Russ.)

Устойчивые выражения с цветовым прилагательным *оранжевый* в русском языке XXI века

Е. Н. Лагузова¹, Е. Н. Мартынова¹

¹Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, ул. Республиканская, 108/1, Ярославль, 150000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-4-440-447
УДК 81'373

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлен структурно-семантический анализ устойчивых выражений XXI века с прилагательным *оранжевый*, многие из которых основаны на метафорическом и ассоциативно-символическом использовании входящих в их состав компонентов. Среди способов авторской трансформации подобного рода лексических единиц авторы отмечают дополнение и замену знаменательных частей речи другими формами того же слова или синонимами, а также изменение расположения компонентов выражения по отношению друг к другу, что не только не разрушает идиому, а, напротив, интенсифицирует ее смысл. Показано эволюционирование исходного значения выражений с цветовым прилагательным *оранжевый*, которое обусловлено изменением (расширением) круга сочетающихся с прилагательным имён существительных, имплицированием оценки, образованием новых синонимических связей с метафорой. Особое внимание уделено устойчивым выражениям с политическим значением, наибольшее количество которых стало появляться с 2013 года в связи с политическими событиями, происходившими на Украине, где *оранжевый* цвет был выбран для символики украинской оппозиции. Развитие негативных коннотаций у выражения *оранжевая революция* объясняется соответствующим семантическим потенциалом самого прилагательного *оранжевый*, для которого семы с негативными коннотациями являются продуктивными в речи. Расширение сочетаемости прилагательного *оранжевый* в современном русском языке привело к появлению у адъектива новых значений. На примерах, извлечённых из газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка, представляющего собрание текстов печатных газет и электронных агентств 2000-х гг., показано, что в употреблении устойчивых выражений с цветовым прилагательным *оранжевый* отражается характерная для развития современного русского языка тенденция к экспрессивизации письменного текста в связи с формированием оценочного высказывания, способного передать отношение журналиста к социальным, культурным, политическим событиям. При этом выражаемая социальная аксиологическая оценка выполняет в тексте различные функции: от привлечения внимания и преодоления стандарта до манипулирования сознанием массового читателя.

Ключевые слова: устойчивые выражения, прилагательное *оранжевый*, переносное значение, метонимический перенос, метафора, авторская трансформация устойчивых выражений

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лагузова, Евгения Николаевна
(автор для корреспонденции)

Email: laguzova.e@mail.ru
Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка

Мартынова, Елена Николаевна

E-mail: martlen2009@yandex.ru
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин

Для цитирования: Лагузова Е. Н., Мартынова Е. Н. Устойчивые выражения с цветовым прилагательным *оранжевый* в русском языке XXI века // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 4. С. 440-447.

Введение

Изменения, произошедшие в 90-е годы XX в. во всех сферах нашей жизни, привели к активному образованию в начале XXI века новых слов и выражений, среди которых особый интерес представляют устойчивые выражения, включающие в свой состав цветочные прилагательные. Это связано с кумулированием в них традиционных национальных смыслов и способностью цвета влиять на физическое и психоэмоциональное состояние человека.

Некоторые устойчивые выражения с цветочными прилагательными в своём составе достаточно частотны, однако не отражены в современных словарях. Между тем они содержат в себе социальную аксиологическую оценку и выполняют ряд специфических функций: от привлечения внимания и преодоления стереотипов до манипулирования сознанием массового читателя. Именно этим объясняется довольно пристальное внимание к данным языковым единицам исследователей Е. А. Анохиной, И. В. Бариновой, Н. Ю. Бородулиной, В. М. Бурунского, Е. А. Власовой, Ю. В. Зольниковой, А. Н. Клевцова, М. В. Сандаковой, Н. С. Редькиной, М. Б. Талапиной, Чжан Цзе и др. [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11]. Однако в работах названных авторов рассматриваются отдельные аспекты исследуемых языковых единиц в контексте сопоставительного анализа разных языков без выявления способов переноса значений, а также способов и функций авторской трансформации подобного рода лексических единиц.

Для более детального структурно-семантического анализа нами были выбраны устойчивые выражения XXI века с прилагательным **оранжевый**. Именно в это время наблюдается его интенсивное использование при образовании устойчивых выражений разных типов.

Оранжевый, как и любой другой цвет, имеет противоположные символические значения: с одной стороны, это цвет теплоты и блаженства, означающий святость и здоровье, символизирующий энергию, радость, смелость; а с другой стороны, это цвет раскалённого жара, пекла, накала; сдвиг в сторону красноты прибавляет ему агрессии. Можно выделить и третье символическое значение – это сигнальный цвет, предупреждающий об опасности, требующий осторожности.

Свои наблюдения мы строили на материале фразеологизмов, извлечённых из газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка, представляющего собрание текстов печатных газет и электронных агентств 2000-х гг.

1. Устойчивые выражения с политическим значением

Наибольшее количество устойчивых выражений с прилагательным **оранжевый** стало появляться с 2013 года в связи с политическими событиями, происходившими на Украине. Оранжевый цвет был использован как символом украинской оппозиции, инициировавшей революционный подъём 2004 года. Название **«оранжевая революция»** появилось из-за оранжевого цвета знамени Виктора Ющенко, ленточек и шарфов его сторонников. Этот цвет способствовал созданию символической ассоциации (близкой к метонимическому переносу) с языками пламени, пожаром-таким образом организаторы революции хотели добиться накала, напряжённости, драматизма.

Исходным сочетанием, на основе которого продолжают возникать переносные значения, является сочетание **оранжевая революция** [7, с. 147]: **«Оранжевая революция привела к тому, что быть украинцем в мире стало модно, почётно и престижно»**, – сказал Ющенко ... Ющенко выглядел счастливым и предстал перед журналистами в чёрном костюме, белой рубашке и в **оранжевом галстуке**¹. Устойчивое

¹Украина не спит: сторонники Ющенко празднуют победу, штаб Януковича ждёт итогов // РИА Новости, 2004.12.27.

сочетание **оранжевая революция** после тех украинских событий стало широко употребляться и обозначать протестное движение, смену верхушки власти в какой-либо стране.

Основное значение выражения **«оранжевая революция»** в ряде случаев приобретает дополнительную позитивную или негативную коннотацию в зависимости от того, какова позиция автора. Более того, мы можем наблюдать своего рода «эволюцию» исходного значения выражения в связи с изменением отношения в обществе к описываемым событиям: **«Оранжевая революция» была высшей точкой национального вдохновения¹; «Оранжевая революция» и прочие идеалы²; «Оранжевая революция» отмерила начало самого тяжёлого и позорного периода истории бывшей Украинской ССР³; «Оранжевая революция» была лишь имитацией раскола Украины⁴; «Оранжевая революция» похожа на буйное застолье и даже лозунги – «За свободу», «За вхождение в Европу» – напоминают тосты⁵; «Оранжевая революция» – это уже анекдот⁶, что «оранжевая революция» – это технология американских спецслужб⁷. Исследователи связывают развитие негативных коннотаций у выражения **оранжевая революция** с семантическим потенциалом прилагательного **оранжевый**, для которого негативные коннотации являются продуктивными в речи [10, с. 93].**

Расширение сочетаемости прилагательного **оранжевый** в современном русском языке привело к появлению у адъектива новых значений [7, с. 147]:

1. 'Оранжевый' (о сторонниках В. Ющенко) – 'такой, который поддерживает В. Ющенко на выборах' [субстантив] (о человеке/ совокупности людей) [12, с. 9]: **«Оранжевая команда» обвиняла предыдущее правительство Януковича в «развале бюджетной политики»⁸. В данной группе можем отметить следующие устойчивые выражения: **оранжевая элита, оранжевый электорат, оранжевая Украина, оранжевые массы, оранжевый лагерь, оранжевые политики, оранжевая принцесса** (Юлия Тимошенко), **оранжевая власть, оранжевые депутаты, оранжевый звездпад, оранжевая коалиция**⁹.**

2. 'Оранжевый' – 'такой, который обозначает место и время проведения **оранжевой революции**' [12, с. 10] (**оранжевые времена, оранжевая пора**): «В пылу баталий появляется Владимир Литвин, тот самый, который был спикером в **«оранжевую» пору** и смог удержать тогда ситуацию от бойни»¹⁰.

3. 'Оранжевый' – 'такой, который связан с идеями В. Ющенко' [12, с. 9] (**«оранжевые идеи», «оранжевое настроение», «оранжевые волнения»**): **Любопытно, что Украина вошла в оба списка. Но если в рейтинге друзей она стоит только на 7-м месте, то в списке врагов возглавляет вторую пятерку – каждый четвертый опрошенный воспринимает «оранжевые настроения» нашей соседки как явно антироссийские**¹¹.

¹Дайджест российской прессы – 27 марта // РИА Новости, 2006.03.27.

²Янина Соколовская, Максим Юсин, Киев. Украина выбирала или выбрала? // Известия, 2010.01.18.

³Виталий Иванов, директор Института политики и государственного права. Грустная годовщина // Известия, 2009.11.23.

⁴Софья Кораблева. Украину ждёт революция // Новый регион 2, 2008.10.15.

⁵Дмитрий Быков. Кризис как среда // Известия, 2006.07.19.

⁶Итоговый выпуск (вечерний) – 22.11.05 18:40 – Екатеринбург // Новый регион 2, 2005.11.23.

⁷Анна Герман: с мая Кучма трижды готовил указ об отставке Януковича // Новый регион 2, 2004.12.15.

⁸Премьер-министр Украины Виктор Янукович: «Ющенко уехал в Крым, а я хочу поработать» // Известия, 2006.08.07.

⁹«Оранжевой команде» мешает Тимошенко? // НТВ, 18.04.2006. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/85735/>.

¹⁰Янина Соколовская, Киев. Украинское правительство не приняло приглашение на казнь // Известия, 2013.12.03.

¹¹Василий АУТ. С Китаем нам найти общий язык проще, чем с Америкой // Комсомольская правда, 2013.06.18.

Семантическое развитие прилагательного *оранжевый* связано не только с расширением круга сочетающихся с ним имён существительных, но и с образованием новых синонимических связей с метафорой. В некоторых сочетаниях значение первоначального выражения сохраняется, но оборот приобретает другую коннотацию. Так, в новых выражениях у прилагательного *оранжевый* появляется сема «крайне опасный»: *попытка «оранжевого переворота»*; *«оранжевые» сценарии у нас не сработают*; *«оранжевая» технология в Москве провалилась*; *персонажами «оранжевых волнений»*; *«оранжевое движение»*; *борьбы с «оранжевой угрозой»*; *«оранжевая чума»* (последнее выражение вызывает особенно зловещие ассоциации в связи с угрозой экспорта оранжевой революции в Россию).

Широко используя языковую игру для нестандартного употребления идиом, авторы газетных статей предпочитают трансформировать их компонентный состав или расположить компоненты по отношению друг к другу, что не только не разрушает идиому, а, напротив, интенсифицирует её смысл. Яркие идиоматические комплексы способствуют реализации авторской иронии и повышению экспрессивности высказывания [13, с. 162]: *На смену оранжевому цвету «либеральной вольницы» приходит коричневый – цвет разбойной фашизации, цвет оккупации, цвет национального предательства. Здесь русский язык попросту выдавливают из школ. То есть на самом деле именно у оранжевого цвета разрушительных революций хорошо просматривается коричневатый оттенок, а в криках глашатаев слышны отголоски средневековья. И не заметить это могут только глухие дальтоники. А вернее, люди, старающиеся такими казаться¹.*

Нередко имплицитное выражение авторской иронии создается посредством использования гиперболизации устойчивого выражения и смещения фокуса высказывания в направлении буквального смысла цветového прилагательного: *«Оранжевая революция» на Московских прудах: Начало «оранжевой революции» огарей, или красных уток²*. Авторская ирония в данном контексте выражается имплицитно

Для привлечения внимания потенциальных читателей публицисты используют приём объединения или противопоставления двух или более устойчивых выражений, что приводит к слиянию их фразеологических значений: *«Оранжевая революция» 2004 года превратилась в грязную, выцветшую «оранжевую тень»³; после падения Сири, последнего союзника Ирана, попытаются разыграть «оранжевую» карту и там⁴; Украина сейчас немножко сошла с ума, у неё периодически бывают замутнения вроде «оранжевой» революции, когда шарик за ролики заходят⁵.*

Нередко авторы газетных текстов при помощи антонимического противопоставления двух иносказательных комплексов выражают своё ценностное отношение к чему-либо: *«В 2006-м вышел уже немаргинальный фильм о любви на фоне «оранжевой революции» – «Оранжевое небо», в котором были фрагменты с участием Тимошенко и других украинских политиков. О Тимошенко Крутова намерена снять авантурную политическую драму. Упор будет сделан на личность Тимошенко»⁶.*

¹Михаил Шахназаров. Оранжевый для глухих дальтоники // Известия, 2014.03.04.

²Василий Вишневский. «Оранжевая революция» на московских прудах // «Наука и жизнь», 2009.

³Известия, 2006.08.07.

⁴Евгений АРСЮХИН. Плохо Уолл-Стриту спать? Значит, надо воевать! // Комсомольская правда, 2013.05.03.

⁵Дарья АСЛАМОВА. Почему Молдова рвется в Европу, а гастарбайтеров шлет в Россию. Часть 2 // Комсомольская правда, 2013.11.13.

⁶Мария Амирджанян. В России снимут художественный фильм про Тимошенко // Известия, 2014.04.15.

2. Оранжевый цвет – цвет праздника

Доминирующим значением устойчивого выражения *оранжевое настроение*, образованного на основе ассоциативного метафорического переноса, становится значение 'хорошее настроение': *Это стиль и подход к жизни, когда вы отказываетесь от отвратительно-серых будней и начинаете жить на яркой стороне* [14, с. 459].

В этом значении названию цвета придаётся новая рекламная функция, основанная на создании положительного ассоциативного поля у потенциальных потребителей создаваемого контента, так как упоминание цвета влечёт за собой возникновение определённых положительных ассоциаций (тепло, вкус, настроение) у читателя или слушателя. Именно этим можно объяснить возникновение большого количества названий, включающих в свой состав прилагательное *оранжевый*: «*Оранжевое настроение*» – название студийного альбома российской рок-группы Чайф; «*Оранжевое настроение*» – название детского праздника – День апельсина; «*Оранжевый викинг*» – сборник путевых заметок; «*Оранжевый гид*» – путеводитель по Финляндии; «*Оранжевый канал*» – дебютный студийный альбом американского исполнителя Фрэнка Оушена; «*Оранжевый ЮТУБ*» – название группы в социальных сетях; «*Оранжевый – хит сезона*» – название американского комедийно-драматического сериала; «*Оранжевая корова*» – название мультсериала; «*Оранжевый верблюд*» – название магазина игрушек; сеть магазинов коллекционной одежды для детей; «*Оранжевый кот*» – название детского центра; производителя антистрессовых игрушек; «*Оранжевая книга сказок*» – книга из весенней коллекции Clever «Растем вместе» М. Носова; «*Оранжевая компания*» / «*Оранжевая организация*» – название IT-компаний, в которых присутствуют элементы гибких проектных групп¹; «*Оранжевая команда*» – название социальной группы «Одноклассники» в социальных сетях: *Дружнее и оранжевее команды Одноклассников нет никого в мире*², *спортивная команда Голландии*; «*Оранжевый монстр*» второго поколения – название марки дайверских часов.

В перечисленных примерах именно прилагательное *оранжевый* лежит в основе образования метафорического переноса значения выражения и перехода простого словосочетания в идиоматическое. Подобного рода выражения служат для более экспрессивного описания конкретной ситуации, что делает текст запоминающимся и облегчает понимание авторской позиции: «... *если ничем, кроме благих пожеланий, не стимулируется экономический рост – то откуда взойдёт оранжевое солнце процветания? И уж никак нельзя ждать этого восхода ближайшим утром*»³.

Прилагательное *оранжевый*, помогая создавать яркий образный план устойчивого выражения, не просто способствует выражению экспрессии и повышению эмоциональности высказывания, но и является эффективным средством компрессии информации: «*Оранжевые дни*» в Сочи: *о чём говорит Крамер и от чего бежит Блокхайзен, составив «оранжевой команде» ('спортивная команда, которую так прозвали по наличию оранжевой формы футболистов Голландии')* хоть какую-либо конкуренцию;

¹Дмитрий Иванов. Что такое «Оранжевая компания»? // vc.ru [сайт 2021]. URL: <https://vc.ru/u/533789-dmitriy-ivanov/183444-chto-takoe-oranzhevaya-kompaniya>.

²В команде оранжевых // Одноклассники.ru [сайт 2021]. URL: <https://insideok.ru/blog/v-komande-oranzhevih>

³РИА Новости, 2005.09.30.

В голландском Апельдорне завершился чемпионат Европы по трековым гонкам, который принёс сборной России **«оранжевое настроение»**. И тут Крамер назвал претендентов на то, чтобы разрушить **«оранжевую мечту»**. Их оказалось не так много – кореец Ли Сын Хун и наш Иван Скобрев. На этом список планирующих вторжение на голландскую территорию у Крамера заканчивается¹.

В приведённых контекстах устойчивые выражения с прилагательным *оранжевый* позволяют создать краткую образную характеристику, позволяющую лаконично выразить сложную мысль и дать оценку определённому положению вещей.

3. «Сигнальное» значение прилагательного *оранжевый*

Сигнальный цвет – цвет, предназначенный для привлечения внимания людей к непосредственной или возможной опасности, рабочим узлам оборудования, машин, механизмов и (или) элементам конструкции, которые могут являться источниками опасных и (или) вредных факторов, пожарной технике, средствам противопожарной и иной защиты, знакам безопасности и сигнальной разметке. В качестве сигнальных используются яркие, бросающиеся в глаза цвета, и прежде всего оранжевый.

К устойчивым выражениям, включающим «сигнальное» значение прилагательного *оранжевый*, относятся выражения **«оранжевый» уровень опасности** – ‘второй по уровню опасности после красного’; **оранжевая книга** – ‘основной документ, который устанавливает критерии и правила оценки защищённости компьютерных систем’; ‘неофициальное издание нескольких публикаций’; **оранжевые жилеты** – ‘сигнальные жилеты’. На основе метонимического переноса значения у данного выражения появились дополнительные значения: ‘гастарбайтеры’, ‘работники коммунальных служб’, ‘работники городского транспорта’.

Выражение **оранжевая нить**, означавшее всегда защиту от злого умысла, приобрело дополнительное значение в контексте всероссийской акции 2021 года, главным атрибутом которой стала **оранжевая нить** – ‘символ объединения и победы над пандемией’.

4. Прилагательное *оранжевый* в составе сложных цветковых наименований

Прилагательное *оранжевый* нередко встречается в составе сложных наименований: **жёлто-оранжевая революция**, которая явилась символом духовного пробуждения; **оранжево-исламистские революции**; **оранжево-синий союз**; **чёрно-оранжевая ленточка** – ‘Георгиевская двухцветная лента’; **жёлто-красно-оранжевое солнце**. Ср.: *Просто содеянного человеком в маленьких городках меньше, чем в мегаполисе, и оно ещё не в состоянии заглушить того разноцветного разнообразия, которое сотворено Богом: зелёная трава, синяя река, жёлто-красно-оранжевое солнце. Но это в тёплое время года. А зимой вся Россия, и большая, и маленькая, – одно сплошное чёрно-серо-белое царство*².

Заключение

В употреблении устойчивых выражений с цветковым прилагательным *оранжевый* отражается характерная для развития современного русского языка тенденция к экспрессивизации письменного текста, связанная с формированием оценочного высказывания, способного передать отношение журналиста к социальным, культурным,

¹Вероника Гибадиева// Р-Спорт, 2014.02.05.

²Дмитрий Соколов-Митрич. Передозировка серая // Известия, 2010.02.16.

политическим событиям. Причём авторы газетных статей предпочитают трансформировать компонентный состав идиом или их расположение по отношению друг к другу, что способствует повышению экспрессивности высказывания. Эволюционирование исходного значения выражений с цветovým прилагательным *оранжевый* обусловлено изменением отношения в обществе к обозначаемым этими выражениями событиям.

Ссылки / References

1. Анохина Е.А. Новые фразеологизмы с колоративами чёрный и белый // Лексическая и фразеологическая семантика. М., 2014. С. 131–134.
2. Барина И. В. Особенности трансформации идиом с обозначением цвета // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 16 (811). С. 11–19.
3. Бородулина Н. Ю., Макеева М. Н., Будина М. Э. Символы цветных революций в составе их именованний // Концепт. 2014. № 08 (август). URL: <http://e-koncept.ru/2014/14224.htm> (дата обращения: 01.11.2021).
4. Бурунский В. М. Употребительные цветové прилагательные в современной французской и российской прессе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 388–392.
5. Власова Е. А. Лингвосоциокультурный аспект цветообозначений (на примере цветообозначений белый – white, чёрный – black, красный – red) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 5 (59): в 3-х ч. Ч. 1. С. 56–59.
6. Зольникова Ю. В. Цветообозначения во фразеологической картине мира немецкого и русского языков // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 30 (168). Филология. Искусствоведение. Вып. 35. С. 88–93.
7. Клевцов А. Н. Переносная функция кавычек в современном русском языке // Рациональное и эмоциональное в художественном тексте: Межвузовский сборник научных трудов. М.: МГОУ, 2009. С. 146–149.
8. Сандакова М. В. Метонимия как основа словообразовательной мотивации (на материале прилагательного) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 541–546.
9. Редькина Н. С. Колоративная лексика в составе фразеологических оборотов. Рязань: РГУ им. С. А. Есенина, 2011.
10. Талапина М. Б. Дискурсивное употребление фразеологических единиц как способ вербализации индивидуальных картин мира // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 92–95.
11. Чжан Цзе, Давыдова О. А. Фразеологизмы с колоративным компонентом – особая часть новых фразеологизмов русского языка // Вестник Российского нового университета. Филологические науки. Серия «Человек в современном мире». Выпуск 3. 2018. С. 17–22.
12. Клевцов А. Н. Семантика и функции кавычек в современном русском языке (на материале печатных СМИ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль: ЯГПУ, 2010. 22 с.
13. Емельянова Н. А. Трансформированные идиомы как продуктивные аксиологические модели в публицистике (на материале английского языка) // Известия РГПУ им. Герцена. 2010. № 126. С. 156–165.
14. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складневской. М.: Эксмо, 2007. 1136 с.

Contextual meanings of political vocabulary

D. L. Karpov¹, D. A. Soloveva¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-4-448-457

Research Article
Full text in Russian

Political vocabulary is one of the most relevant subjects of study of modern linguistics, constantly updated, it serves as an indicator of the state of the political sphere of society and the political consciousness of a person. The article is devoted to lexemes that have firmly entered the current political vocabulary of our time: democracy, liberal, patriotism, patriot, nationalism, nationalist, opposition, president. Based on the analysis of modern explanatory dictionaries of the Russian language, as well as the dictionary of political terms, it is concluded that terminological, special vocabulary in the modern political language is often used in an unusual meaning. In the article, using the method of contextual analysis, the evaluative connotative element of the meaning of the indicated lexemes is investigated. It is concluded that lexemes acquire a positive or negative evaluative value, first of all, depending on the context, the actual terminological meaning is leveled when used. The revealed meanings are non-systemic, accordingly, they are not fixed in dictionaries, while they are obvious to the carrier and are frequent. This indicates the specific nature of the modern political language, which is influenced by the modern journalistic style. The research results can be used to analyze controversial cases of the use of political vocabulary.

Keywords: lexeme, semantics, political vocabulary, evaluative meaning, contextual analysis, contextual meaning

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Karpov, Denis L. | E-mail: karpovdl@yandex.ru
| Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

Soloveva, Daria A. | E-mail: soloveva.darya.99@mail.ru
| Graduate student

For citation: Karpov D. L., Soloveva D. A. Contextual meanings of political vocabulary // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2021. Vol. 7, No 4. P. 448-457. (in Russ.)

Контекстуальные значения политической лексики

Д. Л. Карпов¹, Д. А. Соловьёва¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-4-448-457
УДК 81-26

Научная статья
Полный текст на русском языке

Политическая лексика является одним из актуальнейших предметов изучения современной лингвистики, постоянно обновляемая, она служит индикатором состояния политической сферы общества и политического сознания человека. Статья посвящена лексемам, которые прочно вошли в актуальный политический словарь современности: *демократия, либерал, патриотизм, патриот, национализм, националист, оппозиция, президент*. На основе анализа современных толковых словарей русского языка, а также словаря политических терминов делается вывод о том, что терминологическая, специальная лексика в современном политическом языке часто употребляется в несвойственном ей значении. В статье с помощью метода контекстуального анализа исследуется оценочный коннотативный элемент значения указанных лексем. Делается вывод о том, что лексемы приобретают позитивную или негативную оценочность прежде всего в зависимости от контекста, собственно терминологический смысл при употреблении нивелируется. Выявленные значения являются внесистемными, соответственно, не закреплены в словарях, при этом очевидны для носителя и частотны. Это указывает на специфический характер современного политического языка, на который оказывает влияние современный публицистический стиль. Результаты исследования могут применяться при анализе спорных случаев употребления политической лексики.

Ключевые слова: лексема, семантика, политическая лексика, оценочное значение, контекстуальный анализ, контекстуальное значение

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпов, Денис Львович (автор для корреспонденции)	Email: karpovdl@yandex.ru Кандидат филологических наук, доцент
--	---

Соловьёва, Дарья Анатольевна	E-mail: soloveva.darya.99@mail.ru Магистрант факультета филологии и коммуникации (1 курс).
------------------------------	---

Для цитирования: Карпов Д. Л., Соловьёва Д. А. Контекстуальные значения политической лексики // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 4. С. 448-457.

Исследования, затрагивающие политическую сферу деятельности, являются одними из самых популярных в современном научном знании. Это связано прежде всего с тем, что политика как объект научного исследования имеет множество измерений и характеристик, изучается политологией, философией, социологией, историей, культурологией и т. д. На сегодняшний день существует около десятка подобных дисциплин, которые изучают политическую сферу под разными углами зрения.

Политическая лингвистика также обращается к этой популярной сфере функционирования языковой системы. Одной из составляющих этой молодой науки является политическая лексика, выступающая объектом настоящего исследования. А. П. Чудинов дает следующее определение политической лексике: «*это тематическое объединение общеупотребительных слов, которые должны быть понятны всем (абсолютному большинству граждан)*» [1, с. 90]. В данной статье мы придерживаемся определения политической лексики А. П. Чудинова.

С появлением различных телевизионных социально-политических ток-шоу, ютуб-каналов, официальных интернет-аккаунтов, которые посвящены освещению политической жизни страны, возрос интерес к политической коммуникации со стороны специалистов, принадлежащих к разным областям науки. Политическая коммуникация вышла за рамки сугубо официально-делового стиля. Политическая лексика, являясь главным образом безоценочной, не содержащей коннотацию оценки в семантической структуре, приобрела позитивную или негативную оценочность в определенном политическом контексте. В речь политиков проникли оценочные, экспрессивные слова, наделённые новым значением.

Такие значения нуждаются в системном изучении, поскольку не отражены в современных толковых и терминологических словарях.

Материалом исследования стали 8 лексем: *демократия, либерал, национализм, националист, оппозиция, патриотизм, патриот, президент*. Данные слова анализировались в устной речи политиков, официальных выступлениях руководителей государства и его структур путем анализа слова в контексте. Всего было проанализировано 240 контекстов. Мы опираемся на методику выявления и семантического описания контекстуального значения слов И. А. Стернина. По мнению И. А. Стернина, значение слова в контексте претерпевает существенные изменения, оно трансформируется и может актуализировать новые, ранее неизвестные смыслы: «*контекст может приносить смысл в значение слова, который в самом значении слова в системе языка отсутствует*» [2, с. 88].

Лексема «демократия». В проанализированных нами словарях (проанализировано 5 словарей: Малый академический словарь [3], БТС [4], Толковый словарь Ефремовой [5], Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [6], Словарь политических терминов Д. Е. Погорелого, В. Ю. Фасенко [7]) слово *демократия* имеет два основных значения:

1. Форма политической организации общества, основанная на принципах равноправия, на главенстве прав и свобод человека.
2. Принцип организации коллективной деятельности.

В современной политической речи мы видим, что лексема *демократия* приобретает негативные коннотации. Мы отобрали 40 контекстов, где лексема *демократия* употребляется не в словарных значениях, указанных выше. Наиболее частотными оказались следующие значения: 1. «*то, чего нет в западных странах*», *ложное, фальшивое* (13 примеров из 40 контекстов). 2. *демократическое государство* (10 примеров

из 40 контекстов) 3. Значение противопоставления «наша-ваша» (8 примеров из 40 контекстов). Рассмотрим данные оценочные значения на конкретных примерах:

Пример 1. Лавров С. В. (министр иностранных дел РФ): «*Все очевиднее, что Запад дискредитирует им же пропагандируемые идеалы демократии, то есть самого себя. Наши многочисленные приглашения к предметному, взаимоуважительному, профессиональному диалогу с конкретными фактами в руках для рассмотрения обоюдных озабоченностей в целях поиска справедливого баланса интересов и компромиссов попросту игнорируются*»¹.

Пример 2. В. В. Познер (российский и американский тележурналист): «*Видите, какая у нас демократия, их не застрелили, большой прогресс. А было время, когда застрелили бы*»².

Пример 3. Журавлев А. А. (депутат Государственной Думы РФ): «*Что сделал Трамп? Он дискредитировал фактически демократию Соединённых Штатов*»³.

В представленных примерах контекст привносит смысл в значение слова, который в самом значении слова в системе языка отсутствует. В данных примерах лексема демократия имеет значение: «то, чего нет в западных странах» (пример 1), в примере 2 лексема демократия употребляется в значении «демократическое государство», но также имеет и отрицательную коннотацию. Это происходит благодаря приему иронии: лексема приобретает дополнительное негативно-оценочное значение, которое не закреплено в анализируемых нами словарях. В примере 3 косвенно сравниваются политические режимы России и США. У лексемы демократия появляется значение противопоставления «наша-ваша», т.е. значение слова демократия зависит от того, применительно к какой стране используется данная форма политической организации общества.

Лексема «либерал». Лексема либерал означает в словарях следующее:

1. Сторонник либерализма; член либеральной партии.
2. Свободолюбивый человек, вольнодумец.

В современной политической речи значение данного термина сильно изменяется, приобретает оценочность. Нами отобрано и проанализировано 40 контекстов, где данная лексема была употреблена не в словарном значении. Рассмотрим наиболее устойчивые значения слова либерал в современной политической речи.

Пример 1. Киселев Д. К. (телеведущий, генеральный директор российского международного информационного агентства «Россия сегодня»): «*В пятницу, в Вильнюсе, завершился так называемый форум свободной России. Двухдневный междусобойчик непримиримых, называющих себя либералами. Литовская столица принимает эту унылую компанию уже в пятый раз. По сложившейся традиции, форум, где большинство эмигранты, клял в России все: от народа до Путина*»⁴.

Пример 2. Делягин М. Г. (российский экономист, политик и публицист): «*На самом деле это революционное высказывание председателя правительства Мишустина, потому что на моей памяти никогда не было реальных мер, ограничивающих произвол монополий или жадность. Более того, для либералов главным, чуть ли не единственным проявлением свободы предпринимательства было ограбление потребителей и завышение цен*»⁵.

¹ РИА Новости, 19.03.2021.

² Дебаты Навальный vs Познер, 18.03.2016.

³ Ток-шоу «Время покажет», 05.02.2018.

⁴ «Вести недели», 11.10.2019.

⁵ Ток-шоу «Время покажет», 02.04.2021.

Пример 3. Бабурин С. Н. (российский политический деятель, кандидат в президенты на выборах 2018 года): «Уважаемые избиратели, вот посмотрите, как эти **либералы** западные... Вот эта свара либеральных демократов, вот, что нас ждет, если мы будем верить на слово только» [Политические дебаты на канале Россия 1, 21.02.2018].

В примере 1 либералы – это унылая компания. Прилагательное *непримиримые* употреблено в ироничном ключе, что подчеркивает отрицательную оценку слова. Также иронический оттенок добавляет слово *междусобойчик*, которое имеет в словарях пометы *разг., шутл.* Примечательно, что одна из сем слова *либерализм* – свобода – в данном примере также отрицается. Это происходит за счёт устойчивого сочетания *так называемый*, которое имеет в словарях помету *пренебр.* и употребляется для выражения иронического или презрительного отношения к кому-либо или к чему-либо.

В примерах 2 и 3 лексема *либерал* означает *того, кто делает все только ради выгоды, того, кто обманывает*. Данное значение встретилось в 11 аналогичных контекстах из 40 проанализированных.

Лексемы «национализм», националист». На основе данных словарей, указанных выше, можно дать следующее определение *национализму*: идеология, главной составляющей которой является идея национального превосходства одной определенной нации. В денотативное значение слова входят семы *идеология, национальные ценности, нация*. Следовательно, националист – это тот, кто поддерживает идеологию национализма. В современной политической речи данные лексемы употребляются достаточно часто. Рассмотрим основные контекстуальные значения:

Пример 1. Вячеслав Володин (председатель Государственной думы): «*Притеснение малых народов и чрезмерный **национализм** могут привести к тому, что из состава Украины выйдут некоторые области. Поэтому Киеву нужно это понимать и не допускать нарушения прав и свобод народов, которые проживают на территории страны*»¹.

Пример 2. Александр Коц (журналист газеты «Комсомольская правда»): «*Я явно увидел это радикальное ядро, которое не боится лезть в драку с омоном, оно не боится последствий уголовного преследования. Там наверняка были футбольные фанаты, **националисты**, которые кидали зиги, один был в маске, на которой были цифры 1488 – известный в нацистской среде символ*»².

Данные высказывания похожи между собой. В них лексема *национализм* находится рядом с прилагательными *агрессивный, чрезмерный*, что уже свидетельствует об оценочной семантике слова. В примере 1 национализм означает идеологию, которая нарушает права и свободы народов. В примере 2 значение слова *националист* сближается со значением слова *фашист*. Таким образом, данные лексемы в контексте получают отрицательную коннотацию. Нами было проанализировано 40 контекстов, из них 12 имеют подобное значение.

¹ Телеграм-канал Вячеслава Володина, 20.04.2021.

² Ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 08.01.2021.

Следующий круг примеров:

Пример 1. Василий Ваньков (Журналист новостного портала «КМ.гу»): «Украинские **националисты** на порядок слабее подготовлены, чем те террористы, с которыми приходится иметь дело на Северном Кавказе»¹.

Пример 2. В. В. Жириновский (политик, руководитель фракции ЛДПР в Госдуме): «Явлинский говорит: все прекратить. Он говорит, что защитники Донбасса – бандиты. Это чудовищно! Русские люди истекают кровью, а Явлинский, украинский **националист** из Львова, нам здесь в Москве говорит, что это, оказывается, бандиты!»².

В данных примерах лексемы национализм, националист употреблены преимущественно в контексте разговора об Украине. Здесь наводятся такие семы, как террорист, фашист. В примере 2 прилагательное украинский уже добавляет в слово националист отрицательную коннотацию за счет дальнейшего описания деятельности украинского националиста. Нами было проанализировано 40 контекстов, из них 13 имеют подобное значение.

Лексема «оппозиция». В проанализированных словарях слово оппозиция имеет два основных значения:

1. Противодействие своих взглядов другим взглядам.

2. Партия или группа лиц, ведущая политику противодействия, сопротивления большинству или господствующему мнению.

Пример 1. Алексей Пивоваров (журналист, ведущий новостного YouTube-канала «Редакция»): «Внесистемная **оппозиция** окончательно объявлена врагом и практически агентами западных спецслужб, а в отношении врагов и предателей российская власть не деликатничает»³.

Пример 2. Сергей Миронов (лидер партии «Справедливая Россия – За правду»): «Не просили голосовать каждый год за бюджет? А у нас готовится альтернативный бюджет, где показано, что 6 триллионов рублей можно дополнительно взять. Вы в сказки-то не верьте. Вы верьте делам. Вы посмотрите на реальное голосование в Госдуме. И тогда сразу будет видно, кто **карманная оппозиция**, а кто не карманная»⁴.

Пример 3. Соловьев В. Р. (российский журналист, радио- и телеведущий): «**Оппозиция** уже поняла, что фейк с дворцом разоблачили, накрутка просмотров в интернете больше никого не впечатляет, значит, нужен новый вброс. Его сделали: ФБК призвал Байдена ввести санкции против 35 граждан России, при этом Америку они скромно называют самой влиятельной страной. Они давно уже работают как иностранные агенты, и непонятно, почему в нашей стране не называют вещи своими именами»⁵.

Пример 4. Захар Прилепин (писатель, сопредседатель партии «Справедливая Россия – За правду»):

*«Основной состав этой нынешней кипучей **оппозиции** – это социопатическая молодёжь и это западническая интеллигенция. Её много, она активно болеет за все эту историю, я не буду называть её по именам, мы все их знаем, они окружают нас со всех сторон»⁶.*

¹ Ток-шоу «Большая игра», 25.09.2020.

² Ток-шоу «Время покажет», 18.04.2019.

³ YouTube-канал «Редакция», 03.05.2021.

⁴ Интервью в газете «Комсомольская правда», 03.02.2020.

⁵ Ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым», 06.04.2021.

⁶ Ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым», 12.05.2021.

Соответственно примерам, указанным выше, нами было выделено 4 основных оценочных значения:

1. Это враг, враг государства, предатель (11 аналогичных контекстов из 40).
2. Это группа лиц, работающая в чужих интересах, т. е. антигосударственная (8 аналогичных контекстов из 40).
3. Это агенты, шпионы (9 аналогичных контекстов из 40).
4. Это организации или лица, в чьих способностях и возможностях работать на благо государства сомневаются (12 аналогичных контекстов из 40).

В примере 1 происходит наведение сем *враг, враг государства, предатель*, мы видим, что слово *оппозиция* имеет значение «*чего-то вредного для страны*». **В примере 2** мы наблюдаем описание слова *оппозиция* через противопоставление оппозиции государственной и негосударственной, подчёркивается чуждость оппозиции. То есть оппозиция – это группы и лица, которые работают в чужих интересах. Об этом также говорит прилагательное *карманный*, которое означает *приспособленный, удобный*. Добавляется сема *прирученный, находящийся у кого-то на содержании, попечении*. **В примере 3** значение слова *оппозиция* сближается со значением слов *агент, шпион*. **В примере 4** *оппозицией* называют организации или лица, в чьих способностях и возможностях работать на благо государства сомневаются. В данном примере *оппозицией* называют конкретные группы: молодёжь и интеллигенция. Прилагательные *социопатическая* и *западная* привносят в значение слова *оппозиция* также негативное оценочное значение.

Лексемы «патриотизм», «патриот». Патриотизм – это любовь к родине, преданность своему отечеству, своему народу, следовательно, *патриот* – это тот, кто любит свое отечество, предан своему народу, родине. В словарях закреплена положительная коннотация за данным словом. Нами было проанализировано 40 контекстов, где данные лексемы были употреблены. Наиболее часто встречающиеся значения слов *патриотизм, патриот*:

1. Поддерживать геополитические решения государства, поддерживать Крым (9 контекстов из 40).
2. Любовь к Родине, преданность отечеству, которая измеряется достаточностью\недостаточностью (14 контекстов из 40).
3. Ложная, ненастоящая любовь к Родине (12 контекстов из 40).

Пример 1. Наталья Поклонская (российский политический деятель, юрист): «*Экс-мэр российской столицы Юрий Лужков был настоящим патриотом и всегда поддерживал Крым*»¹.

Пример 2. Максим Юсин (политолог, журналист газеты «Коммерсант»): «*У нас во многих студиях очень активны: они выступают с позиций мегпатриотических, они гораздо более русские патриоты, чем я русский человек. Вот их послушать, ну, мы уже всех победили: Америка скоро развалится, санкции нам не страшны, мы имеем возможность сражаться на разных фронтах*»².

Пример 3. Сергей Михеев (политолог): «*Сначала, когда ещё не было ни Крыма, ни Донбасса, было появление натовских войск на территории Украины, наша элита ничего не хотела делать в этом направлении, хотела деньги зарабатывать, пришлось ей становится обратно патриотами*»³.

¹ РИА Новости, 13.01.2019.

² Ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 28.02.2020.

³ Ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 06.04.2021.

В данных примерах мы видим, что анализируемые нами слова имеют значение не только словарное, но и несколько иное смысловое содержание: патриотизм – это не только любовь к Родине, преданность своему отечеству, но и солидарность с руководством страны в отношении геополитических решений. Патриот – это тот, кто поддерживает внешнеполитический курс государства. В примере 1 патриотизм – это любовь к Родине, одним из проявлений которой является поддержка территориальных изменений. В примере 2 патриотизм – это то, что можно измерить. Приставка мега, обозначает большой размер чего-либо. В примере 3 создается противоположное словарному значению слова патриот. Если опираться на словарное значение, то любовь к Родине, преданность отечеству не могут проходить, а потом возвращаться, данные компоненты значения не подразумевают временные рамки, а в примере подобное наблюдается, следовательно, тоже можно указать на наличие таких сем, как ложный, фальшивый.

Лексема «президент». На основе содержания словарных статей можно сделать следующий вывод: лексема президент обозначает выборный пост, который имеет определенный срок и предполагает республиканскую форму правления. Оценочные семы отсутствуют. В современной политической речи мы видим, что лексема президент приобретает ряд новых оценочных значений.

Пример 1: Песков Д. С. (пресс-секретарь президента РФ):

*«Мы неоднократно говорили, что, по сути, обязанности **президента** подразумевают постоянное функционирование. Потому что происходит постоянный документооборот тех документов, которые должен принимать и подписывать глава государства»¹.*

Пример 2. Дробницкий Д. О. (политолог, специалист по американской внешней и внутренней политике):

*«Что касается внешней политики, **президент**, по-моему, четко и ясно сказал: Полезете к нам, в наше внутреннее развитие, будете мешать, пожалеете»².*

Пример 3. Кадыров Р. А. (глава Чеченской республики): *«У нас есть самый лучший **президент** в мире. Лучший человек. Мудрый политик. Дальновидный, харизматичный. Мы будем поддерживать нашего **президента**»³.*

Пример 4. Артем Шеин (журналист, ведущий политического ток-шоу «Время покажет»): *«Сегодня **президент** Зеленский – это как будто бы такой человек, в голове которого ничего этого нет, никаких идеалов из сериала, в котором он снимался»⁴.*

В примере 1 происходит наведение таких сем, как *сильный, разносторонний*. В примере 2 и 3 происходит наведение таких сем, как *хороший, правильный, лучший*. Значение слова *президент* сближается со значением слова *друг*. Стоит отметить, что все три положительных оценочных значения данной лексемы связаны именно с президентом Владимиром Владимировичем Путиным, поэтому данные значения применительны к словосочетанию *президент Путин*. В примере 4, наоборот, лексема *президент* имеет достаточное количество отрицательных коннотаций:

президент – это тот, кто не понимает, тот, кто не может управлять страной. Стоит отметить, что все данные значения связаны с личностями президентов других стран, не России.

¹ Интервью газете «Комсомольская правда», 17.02.2021.

² Интервью газете «Комсомольская правда», 16.01.2019.

³ РИА Новости, 08.03.2021.

⁴ Ток-шоу «Время покажет», 18.10.2020.

В проанализированных нами 40 контекстах наиболее частотными оказались следующие значения лекси́мы *президент*:

1. Президент – сильный, спортивный, разносторонний человек (12 контекстов из 40).
2. Президент – это тот, кто четко и ясно говорит (8 контекстов из 40).
3. Президент – это друг, хороший человек (6 контекстов из 40).
4. Президент – это тот, кто не понимает, тот, кто не может управлять страной (14 контекстов из 40).

Результаты исследования показывают, что терминологическая, специальная лексика в современном политическом языке часто употребляется в несвойственном ей значении. Безусловно, это влияние публичной сферы и публицистического стиля общения, который требует эмоциональности, тем более в современной медийной культуре, игнорирующей нейтральный тон. Но, что особенно интересно, вместе с тем появляются значения, частотность реализации которых говорит о формировании нового политического языка, строящегося на реализации не денотативного, изначально терминологического, а коннотативного оценочного значения. Именно закреплённость отдельных оценочных значений за политической лексикой в современной общественной коммуникации позволяет говорить о том, что эти значения оказываются ведущими, а, следовательно, при изучении политической лексики нельзя пренебрегать исследованием актуальной языковой практики, которая по интенсивности развития намного опережает лексикографические исследования. Соответственно, именно изучение оценочности политической лексики в современном русском языке является перспективным и с точки зрения прикладных исследований, в том числе при разрешении спорных моментов в употреблении языка в общественной сфере.

Ссылки / References

1. Стернин И. А., Саломатина М. С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: Истоки, 2011. 150 с.
2. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 254 с.
3. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой: сайт [2021]. URL: <https://gufo.me/dict/mas> (дата обращения: 30.05.2021).
4. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов: сайт [2021]. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 23.05.2021).
5. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова: сайт [2007]. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 12.05.2021).
6. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова: сайт [2021]. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov> (дата обращения: 04.06.2021).
7. Новейший политологический словарь / Авт.-сост. Д. Е. Погорелый, В. Ю. Фесенко, К. В. Филиппов: сайт [2007]. URL: <https://obuchalka.org/2014042777055/noveishii-politologicheskii-slovar-pogorelii-d-e-fesenko-v-u-filippov-k-v-2010.html> (дата обращения: 18.05.2021).